

• МЕЖДУНАРОДНАЯ МЕДИА-ГРУППА •

Интеллигент

Друзья, и снова здравствуйте!

Опять появилась тенденция всех интеллигентов “причесать под одну гребенку”, но интеллигенция вовсе не однородное в мировоззрении сообщество. Осталась еще интеллигенция, воспитанная на советском патриотизме: “Не порочить семью, учебное заведение, в котором учишься, предприятие, на котором работаешь, город, в котором родился или живешь, страну. При этом, как внутри Отечества, так и вне его. А своей учебой, работой, достижениями в науках, спорте, культуре прославлять семью, учебное заведение, предприятие, город, в котором родился или проживаешь, а так же и Отечество.” Это не означает, что такие интеллигенты не могут конструктивно критиковать различные негативные факты.

Однако есть и другой тип интеллигенции, который оголтело зубоскалит, ехидно ерничает над этими моральными принципами, над историей Отечества, в угоду своим амбициям, распушенности и на радость противникам. О таких еще В. И. Ленин писал, что это не свет нации, а, если мягко выразиться, то это её отходы. Самосознание общества поднимают не аморальностью, не очернением её истории, не разного рода национальными или культовыми фанатизмами, не хвастовством богатствами, чинами, а именно реальными славными достижениями. После перестройки за место дружелюбия внушили новую парадигму - конкуренцию между людьми, общество так же разобщено социально, в предпочтениях по культурам. Такое общество строится на формуле: “Разделяй и властвуй”.

Христианское учение требует помогать бедствующим, делая нетленные для них добрые дела и поступки. Оно требует поднимать униженных и помогать отстающим, немощным людям и народам. Если Ветхий Завет требовал адекватно воздавать за зло, то Новый Завет просит побеждать зло добром. Хотя и у добра есть чаша терпения, да и возможности, но мир держится только на ДОБРЕ! Это вступление я написал к тому, чтобы некие горячие головы не занимались обобщениями по национальным, профессио-

нальным, половым и социальным признакам, а были бы более прозорливыми в своих оценках тех или иных людей.

В этом номере у нас - новые работы по обзору зарубежных театральных и оперных постановок от Майи Шварцман и отечественных - от Светланы Савицкой и Александра Матусевича. Интервью с Михаилом Тарковским и Верой Зубаревой, краткий обзор творчества Юрия Бернадского. Но в основном в этом номере собраны работы наших представителей, зам. редакторов, редакторов. Конечно, появились и новые авторы из Магадана, Санкт-Петербурга, США, Украины, Краснодара и Красноярска.

Я также решил внести и свою лепту в простое понимание о пространствах и временах. Сейчас очень много разного рода фантазеров и заумных ученых, выдумывающих такие сложные об этом теории, которые они сами же не могут даже четко обосновать и, тем более, объяснить. Такие люди даже не понимают (или не воспринимают) простейшие эти вещи, что мы можем спокойно передвигаться во времени и пространстве. В моем интервью с Михаилом Тарковским я задал к этим соотношениям вопрос, мол, уехав из современного мегаполиса Москвы в таежную Сибирь промысловиком, ощущает ли он себя первобытным человеком? Конечно же, первобытным человеком он себя не ощущает, но вот на охоте, в тайге, он все же начинает ощущать и соотносить себя с более старыми промысловиками, которые, возможно, более века назад там же занимались промыслом. Это не означает, что человек переносится в пространстве и времени по уже принятым временным вычислениям по годам или эпохам, тем более, в некой машине времени. Однако это так же реальное перемещение не только из современного мегаполиса в тайгу, и не только по часовым поясам, но это может давать сопричастность даже к более старой эпохе. Чтобы это было более простым для понимания, мной приложен еще и научный юмористический рассказ.

Всем прекрасного прочтения!

Сергей Пашков

В подготовке номера принимали участие:

Светлана САВИЦКАЯ
Москва

Екатерина АСМУС
Санкт-Петербург

Майя ШВАРЦМАН
Бельгия

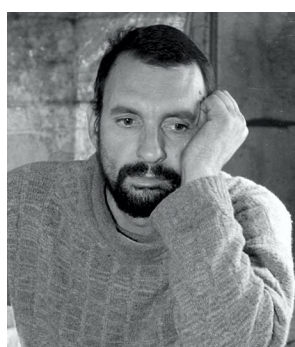
Наталья ГОРДЕЕВА
США

Наталья КРОФТС
Австралия

Дина ЛЕБЕДЕВА
Петрозаводск

Михаил ТАРКОВСКИЙ
Красноярский край

Вера ЗУБАРЕВА
США

Виталий КУЗНЕЦОВ
Бурятия

Юрий ТУБОЛЬЦЕВ
Германия

Ирина АНАСТАСИАДИ
Греция

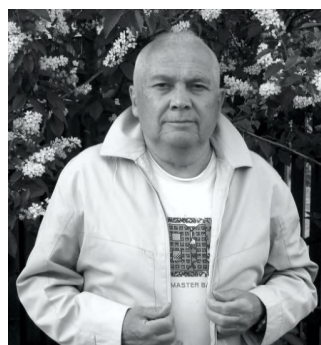
Ирина ЯВЧУНОВСКАЯ
Израиль

Татьяна ДУНАФ
Петрозаводск

Андрей НАСОНОВ
Краснодар

Николай ЕРЁМИН
Красноярск

Андрей ДЮКА
Украина

Интервью

РУСЬ МОЯ, ТЫ МОЙ ХРАМ И БЕРЛОГА интервью с писателем Михаилом Тарковским

Тарковский Михаил Александрович

Русский поэт, писатель, член СП России. Родился в 1958 г. в Москве. Закончил Московский педагогический институт им. В.И. Ленина по специальности география/биология. В 1981 году уехал в Туруханский район Красноярского края, где почти сразу же начал писать стихи, и где работал сначала полевым зоологом на биологической станции, затем охотником в с. Бахта. В 1991 году закончил Литературный институт им. А.М. Горького, заочное отделение, семинар поэзии В.Д.Цыбина. Живёт в селе Бахта Туруханского района Красноярского края и Красноярске. Автор стихов, рассказов, повестей, очерков, печатавшихся во многих литературных журналах. Лауреат премий журналов «Наш современник», «Роман-газета», «Новая юность», а так же литературных премий, в частности премий Белкина, Соколова-Микитова, Шишкова, Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», первого редактора Литературной газеты Антона Дельвига, международной премии «Югра» в номинации «Проза» «За настоящую сибирскую прозу» и премии В.М. Шукшина. Дважды дипломант славянского форума «Золотой Витязь». Автор книг: «Стихотворения», «За пять лет до счастья», «Замороженное время», «Енисей, отпусти!», «Тойота-креста», «Избранное», «Вековечно», «Сказка о Коте и Саше», «Полёт совы», «Что скажет Солнышко?». Главный редактор альманаха «Енисей».

- Здравствуйте, Михаил!

И сразу же к вам пару взаимосвязанных между собой серьезных вопроса. Только не торопитесь с ответами, а все взвесьте и отвечайте. Вы бы состоялись интересным творческим человеком, если бы остались работать по своей специальности в Москве, и у вас бы не было таких любителей творческого вдохновения из родственников?

Что из этих двух факторов, или они оба, не дали бы вам развиться в творческую личность или эти факторы не столь уж существенны в обнаружении творческого дара?

Вопрос трудный в том плане, что он из области «а если бы». Если бы остался в Москве... Такое трудно представить. Для этого пришлось бы меня изменить, и непонятно тогда, как дальше бы сложилась судьба, чего от меня следовало бы ждать. Я конечно уверен, что способности обязательно во что-то творческое вылились. Но страшно предположить: не попаду в Сибирь, и она не наладит на путь. Каково было бы моё мировоззрение при таком варианте развития событий? Кто бы был моим наставником? С кого бы пример брал?

Если я правильно понял вопрос, то под «любителями творческого вдохновения» подразумевается творческая родова. Так? (Может неверно понял? - прим МТ) Дак вот, если бы не было родовой, то и не передались бы и способности, а следовательно и вопрос снимается.

Поэтому предлагаю такой ответ: совпадение родовых способностей с благодатной сибирской почвой.

- Что вы считаете более важным для того, чтобы стать не только читателем, но и писателем?

1. Это вдохновение. 2. Умение наблюдать и замечать за людьми, окружающим бытием, а затем это умело излагать.

3. Выучиться в лит. институте и вступить в союз писателей.

Ни то и ни то... Главное: чувство судьбы, предназначения,

ощущение того, что другие предназначения - не твои, или не в той степени твои.

Тем не менее пройдемся по списку... Вдохновение - для юных поэтов. Любой, кто занимался серьезно «писаниной» (выражение моего соседа), знает, что литературный труд один из самых сложных, ну разумеется не в плане физических нагрузок. Под вдохновением я согласен считать то состояние азарта, интереса, внутреннего трепета, которое и взрослого сочинителя порой охватывает в момент, я бы сказал, управляемого творческого поиска. То есть это предвкушение открытия, это некое бесспорно приятное состояние, но которое вовсе не обязательно сопровождает работу. И которому ты не придаешь значения. В пользу непризнания серьезности вдохновения говорит ещё одно обстоятельство: это состояние внутреннего подъёма может разрешаться и хорошими стихами и плохими. Подобно тому, как состояние влюблённости не зависит от статей объекта, как внутренних, так и внешних. Оно само по себе существует в человеке - как возможность.

Умение наблюдать и излагать... Наверное это немаловажное условие. Но я бы уточнил: не умение, а потребность. Когда тебе интересен окружающий мир, его подробности. Интересны люди. Я в какой-то момент понял, что мне интересны люди сами по себе, их характеры, мотивы поступков. И то, что вроде бы из области перемывания костей ближним, для тебя становится частью профессии. И ты должен понимать грань и перемывать эти кости с единственным собеседником - с самим собой. У меня с детства была тяга к постижению родства и неродства предметов, живых существ - кто из какой семьи, чей брат. Такое посильное наведение порядка в мире. Особенно наглядно это проявлялось на примере животного мира, я обожал хищных птиц и с упоением изучал их рода и семейства.

Выучиться в литинституте и вступить в союз писателей. Второе вообще никак не сказывается на качестве «писанины». А первое - лично мне помогло тремя обстоятельствами:

1. Дало пожизненных друзей, а именно Николая Александровича из Новосибирска, русского писателя и подвижника. 2. Дало знания. 3. Научило не бояться аудитории - мне, когда я только поступил, было дико прочитать на людях стихотворение. Простое стеснение.

И, подводя итог: да, только предназначение. Я такое чувство освобождения испытал, когда отпала необходимость корчить из себя научника, когда я понял, что буду писателем. И охотником - и что эти два дела под руку пойдут.

- Как говорят классики, мол, прогрессивные люди стремятся более комфортно организовать свой быт, а организовав его, они не захотят обратно жить в пещерах.

Почему же в постсоветской эпохе люди уходят жить отшельниками в нелюдимое и не комфортное бытие? (Это не касается тех, кто приехал в дивный природный край и влюбившись в его красоты, тишину где о многом можно поразмыслить остался там жить имея пусть минимум, но комфорта).

Всю жизнь небольшая часть горожан стремилась к жизни на природе, в деревне ли, в тайге... А уж при советской власти сама политика подталкивала молодёжь к освоению Сибирских и Дальневосточных просторов. Так что не в эпохах дело, а в самой человеческой натуре. Вспомним работы русских религиозных философов о враждебности города... Что касается наших дней, то город давно утратил свою привлекательность и теперь идёт обратное течение, обёрнутое уже в «экологическую» обёртку, каждый почти понимает, что на земле лучше жить во всех отношениях. Теперь мечта - коттедж на земле. Как раньше дом в деревне. Но есть разница между домом в обычной деревне и домом в удалённом таёжном или тундрном регионе...

- У одного поэта есть такая строчка: "...Русь моя, ты мой храм и берлога..." Лично для вас Россия из этого чем является и почему вы именно так оценили?

Ну, храмом я не назову Россию, ибо она не храм отнюдь. В храме не творится столько безобразий. Болезней столько не живёт. А матерью назову и на колени встану и служить по гроб жизни буду.

Хотя образ храма и берлоги понятный, хороший. Да и вообще берлога тоже хорошо, по-русски очень. Дом это совершенно же, конечно, берлога. А если ты и Россию домом считаешь, то берлога по такой логике подходит. Но без такого логического вмешательства - так вот навскидку - образ России-«берлоги» не самый лично для меня доходчивый.

- У первобытных людей первой из профессий была охота, а вы хоть немного чувствуете себя на охоте первобытным человеком?

У меня скорее было чувство продолжения русской промысловой традиции... Ощущение того, что кто-то много лет назад так же шёл по тайге, рубил кулёмки... Произносил неслуховые старинные слова. А вот мысли о первобытности как-то мне представлялись чуждыми, они будто навевали родство с животным, с инстинктивным в человеке. А мне ближе русское, историческое, ну и Божье, конечно. Это не в укор никому... И простите, братья.

- Вы писали, что жалуются на невостребованность только те, кто считает себя недооценённым. Не будем это относить уже к известным авторам, и пусть не такого солидного творчества, а именно не плохого, но где у автора есть моральные принципы и нет друзей издателей и распространителей. А вас серьёзно не настораживает, что сейчас массово востребовано?

То, что сейчас происходит в издательской политике - только часть общего плана уничтожения Русской цивилизации, спланированном на так называемом Западе. Поэтому необходимо относиться к этому взвешенно, трезво и с чётким пониманием, что лично ты можешь изменить, а что нет. Капитализм предполагает полный отказ от моральных

принципов, иначе «денег не поднимешь».

Если Вы откроете «Энциклопедию юриста» в интернете - то прочтаете вот что:

«СВОБОДА СОВЕСТИ - это свобода морально-этических воззрений человека (т.е. что считать добром и злом, добродетелью или подлостью, хорошим или плохим поступком, честным или бесчестным поведением и т.д.). В качестве конституционной свободы С.с. закреплена в ст. 28 Конституции РФ.

С.с. в числе других свобод человека была провозглашена во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г., и в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. В 1981 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений.»

Главным здесь является трактовка о ревизии основополагающих принципов жизни на Земле, то есть что считать Добром и что злом. Незыблемость представлений о хорошем и плохом поступке очевидна даже не христианину. В нашей действующей конституции конечно эта трактовка не прописана, но мина заложена. Как например в законе о Ювенальной юстиции заложена мина предательства близких. Понятно, что в таких условиях культурная элита, обслуживающая олигархов, будет пропагандировать литературу, разрушающую мораль, и всячески хоронить русскую литературу, издревле стоящую на крепком фундаменте религиозности и народности.

Самое худое, что супостаты на наших глазах меняют общенародный эталон литературы, ибо в их руках СМИ и издательства. Такой процесс рискует стать необратимым.

- Самая распространенная в мире книга - Библия, притом многие её могут цитировать наизусть, но я еще не встречал людей, для которых эта книга действительно была открытой. Может, есть такой эффект, ведь многие в школах учат химию и вроде получают по этому предмету не плохие оценки, но только единицы из миллиарда действительно становятся отличными химиками?

Я, к сожалению, Библию не очень хорошо знаю, и всегда больше сосредотачивался на Новом Завете. Поэтому на Ваш вопрос не имею возможности стоящим образом ответить.

- Верите ли вы в некое высшее свое предназначение в этом мире, или вы сами для себя избрали свою судьбу и с ней, так сказать, идете по жизни?

Я верю в предназначение, но как человек, стоящий на Православной дороге, верю и в то, что без Высшей воли ничего не происходит. Более того, именно в этом ощущении - собственной ничтожности и никчёмности без этой Высшей воли - черпаешь великую силу. А это ох как помогает сочинителю!

- Показались ли вам мои вопросы пространными, сложноватыми или обычными и чтобы вы пожелали медийной группе "Интеллигент"?

Ваши вопросы не показались ни сложноватыми, ни обычными, если под словом «обычные» понимать нечто скучное, приевшееся. Они мне показались - в самую точку. Недавно как раз читал Вашу газету. Она показалась мне живой, яркой. И радостно было за Магадан, куда давно планирую попасть. Желаю Вашему изданию большой жизни, благодарных читателей и чувству связи с остальной Россией. Ура!

- Спасибо Вам за интервью для медийной группы "Интеллигент".

Беседовал с Михаилом Тарковским
учредитель медийной группы "Интеллигент"

Сергей Пашков

Интервью с Верой Зубаревой

Вера Зубарева

Доктор филологических наук, писатель, литературовед. Главный редактор журнала «Гостиная». Президент литературного объединения ОРЛИТА.

Первый сборник стихов, «Аура», вышел с предисловием Беллы Ахмадулиной (Филадельфия, 1991). Лауреат международных литературных премий, в том числе, Муниципальной премии им. Паустовского.

Преподаёт чеховскую комедию и искусство принятия решений в литературе, кино и шахматах в Пенсильванском университете.

- Вера, в момент нашего первого знакомства Вы рассказали мне о русскоязычных авторах из Одессы, в частности о Людмиле Шарга. Чем близка Вам Одесса? И что положило начало тесной дружбе с Людмилой Шарга?

- Сергей, я коренная, т.е. урождённая одесситка. Думаю, этим всё сказано. Наиболее точно я выразила это в стихах.

* * *

Я родилась в этом Городе,
Море в моих венах
Звёздами раковин бродит
В млечностях белопенных,
Снов песчаное кружево,
Памяти белый катер,
Чайки в душе моей кружат
Вечером на закате.
Я родилась в этом Городе.
Воздух его - в дыхании.
Я родилась в этом Городе
Ранней апрельской ранью.
Двигались волн пилигримы,
И начинал возгораться
Город неопалимый
С ангелом белой акации.

С Людмилой Шарга нас связывает многолетняя дружба. Мы с ней на одной волне - морской и человеческой. Такое не часто случается. Людмила - основательница Дилижанса, известный одесский поэт и литератор. Она много делает для литературной Одессы, и на вечерах Гостиной Дилижанса собирается много любителей поэзии. В этом году Дилижанс отмечает свой 10-летний юбилей. В Одессу Бог вдохнул поэзию с лихвой, и Дилижанс является ярким подтверждением тому.

Я желаю ему и его основателю Людмиле Шарга попутного ветра поэзии, и всем вам - прекрасной весны, вдохновенной, полной созвучий и образов, дорогих сердцу каждого.

Людмиле Шарга

Больше нет такого города.
Песнопение трамвая,
Подсыхающее золото
Расплескала мостовая,
Вспышки птиц, дома из ракушек,
Лозы - кладези историй,
И часы на древней ратуше
С временем, плывущим в море.
Рвенье пенистого грохота,
И назад - от волнореза...
Больше нет такого города.
В смысле, есть. Один. Одесса.

- Одесса - жемчужина у моря. Это символ самого города. Можно ли соотнести его и с творческими людьми, или надо все же отделить одни, так сказать, элементы от других, как в общем представлении, так и в частном?

- Одессы без творчества не существует. Творческий дух пронизывает Одессу изначально. Её фундамент был заложен энергичными, творческими и смелыми людьми. Одесса - игровая по своей сути. Она исполнена действием. Туристу этого не ухватить - дух Одессы не только в достопримечательностях, но и в том, кто их создавал, любил и сохранял. Этот дух роится в её двориках, трамвайчиках, магазинах, становясь частью игрового культурного поля, которое питает корни одесситов. Свою последнюю книгу я неслучайно назвала «Одесский трамвайчик». Каждый вагон трамвайчика несёт свою драму, свой анекдот, свою перепалку и свою влюблённость. Одесса откликается на шутку и сотворяет её, потому что шутка - это сочетание краткости и остроумия, меткости и образности. По ней поверяется интеллект, в ней горькие моменты преображаются в светлые, а жизнелюбие - это основной принцип одесситов. Более всего одессит ценит красоту города и его историю и не станет разрушать ни то, ни другое во имя каких бы то ни было политических воззрений или материальных выгод. В этом смысле настоящий одессит - это настоящая мать из притчи о Соломоне и двух матерях.

В настоящем одессите заложена мудрость соломона. Она диктует ему решения, связанные с сохранностью Города. И свободу настоящий одессит понимает в библейском смысле, т.е. вне зависимости от воли того или иного фараона. Это объясняет свободный дух Одессы во все времена, её энтузиазм и способность функционировать в самые тёмные исторические периоды. Функционирование Города касается не только бизнеса, но и литературы и искусства, без которых артистичный, творческий дух Одессы немыслим.

Одесса - город, направленный на созидание, город радушный и открытый, но не лежащий на поверхности. Не всё в нём доступно стороннему взгляду, в особенности сейчас, когда колорит легендарной Одессы пожух, ушёл в подполье. Но он ещё воспрянет стараниями одесситов, выйдет из своих катакомб, расцветёт своим самобытным цветением и зазвучит в точности по Пушкину, адресовавшему Одессе эти строки:

*«И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный город...»*

- Очень интересно. А как Вы оказались в Штатах?

В Штаты я эмигрировала с семьёй мужа, когда началась перестройка. Там у бабушки Вадима похоронены братья, и она всегда мечтала быть похороненной вместе с ними. История братьев драматична. В 1941-м в Одессу пришли фашисты. Город вспыхнул, как факел. Мучеников жгли живою, а пытавшихся спастись, отстреливали. И наоборот - всех, кто отказывался выходить на расстрел, сжигали. Печально известные артиллерийские склады на Люстдорфской дороге до сих пор хранят память о 17 октября 1941 года - втором дне оккупации Одессы. Четыре партии по 3000 человек каждая были загнаны в помещение, где разобрали крышу, чтобы сверху удобнее было облить всех бензином. Двери заперли снаружи на замок и 12 тысяч человек вспыхнуло одновременно. В целом на Люстдорфской дороге, 27, в 9-ти армейских складах было убито и сожжено около 25000 человек. Из них 3000 - красноармейцы. Сегодня это место называют Пороховыми складами. Людей хватили прямо на улицах и гнали по Ново-Аркадийской дороге. Тех, кто отставал, расстреливали на месте. При совхозе Богдановка был построен лагерь, куда согнали жителей одесской области и Молдавии, и в период с 22 декабря 1941 года по 15 января 1942 года там проводились массовые расстрелы. Всего было уничтожено около 54 тыс. человек. В 1944 году газета «Большевистское знамя» сообщала, что «были расстреляны в яме около соснового леса совхоза Богдановка 44 тыс. человек. Сожжены живыми в трех корпусах свинарника в каждом по тысяче человек, отказавшихся выходить на расстрел. Ежедневно умирали от голода и холода находившиеся под открытым небом 500-700 человек. Трупы расстрелянных и умерших граждан сжигали на костре, в костер немцы бросали живых детей».

В числе тех, кого повели на расстрел, были и братья бабушки Вадима. Старшего, по имени Элик, поставили на краю обрыва вместе с группой других и прошли автоматной очередью. Тела один за другим скатывались в ров. На краю остался стоять один Элик. По нему дали вторую очередь. Он продолжал стоять.

Пуля даже не задела его. Всё повидали на своём веку каратели, но такого... Вызвали коменданта. Он приказал прекратить огонь, взял Элика к себе, выписал ему справку о том, что он святой и его нельзя трогать и отправил с братом Борисом... в Освенцим. Там им удалось дожидаться освобождения под прикрытием того же ангела-хранителя.

Братья никогда не разлучались ни в лагере, ни после. В день, когда фашисты оставляли Освенцим, спешно расстреливая партии заключённых, Борису удалось спастись, спрятавшись в дырке туалета. Он просидел там несколько часов, пока всё не стихло. Элика, по всей видимости, никто не тронул.

После Освенцима братья бежали в Бельгию, а затем в Америку. Приехав в Штаты, Борис обзавёлся семьёй, а Элик прожил жизнь одиноко, при брате, был неразговорчив и замкнут и всё, что оставил по себе - историю о своём чудесном спасении.

Бабушка Вадима похоронена рядом с братьями.

- Какие вы увидели различия между, так сказать, Востоком и Западом и, возможно, Редьярд Киплинг был не прав, что Востоку и Западу не сойтись?

- Это разные ментальности. Сходиться им ни к чему, но сосуществовать вполне можно. До тех пор, пока кто-нибудь из них не посягает на суверенитет другого.

- А есть отличие в нашей и западных системах образования? Не более ли ускоспециализированное западное, американское, в частности, высшее образование? Востребованы ли Вы как преподаватель таких, скажем, нетривиальных дисциплин?

- Ну, с чего Вы взяли, что в США или на Западе образование «ускоспециализированное»? И что значит «ускоспециализированное»? Прослушивание общеобразовательных лекций в любом американском вузе обязательно. Без этого студент не получает диплом. Мои лекции слушают студенты с различной специализацией - и будущие медики, и те, кто связан с естественными науками, бизнесом, и т.п.

- Вы хорошо были знакомы с Беллой Ахмадулиной, а встречались ли Вы с её супругом Евгением Евтушенко? Почему она вас благословила на ваш творческий путь?

- С Евгением Евтушенко я встречалась, будучи в докторантуре Пенсильванского университета. Почему Ахмадулина благословила меня? Потому что ей показалось интересным то, что я делаю. Именно поэтому она и написала предисловие к моей будущей первой книге и отнесла мою подборку в журнал со своим вступительным словом.

- Как вы думаете, почему многие русскоязычные авторы за рубежом хотели бы опубликоваться в России, тогда как российские авторы почему-то стремятся сейчас опубликоваться за рубежом?

- Это естественный процесс обмена, который лежит в природе вещей. Без притока нового система загнивает.

- Что Вы можете пожелать проекту медийной группы «Интеллигент»?

- Всяческих успехов и интересных публикаций!

Беседу вёл Сергей Пашков

К размышлению

КАКИЕ ЕСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ.

Немного о том, как разные люди и в разные времена представляли себе, что такое пространство и время.

Итак, пространство - это сложное и многогранное понятие, суть которого беспокоит ученых и философов тысячелетие и по сей день. Есть огромное количество схожих и абсолютно противоположных точек зрения, определяющих данное понятие. Структура и свойства пространства как некой среды до сих пор являются поводом для горячих научных дискуссий. Самым простым определением является следующее: пространство - это место, в котором что-либо вмещается; расстояние между различными предметами.

Философия рассматривает его как одну из фундаментальных категорий, неотъемлемо связанную со временем. Это отношение между различными объектами, их взаимоположение, связь в конкретный период времени. Согласно философии, пространство обладает конкретными свойствами, а именно протяженностью, разнородностью, структурностью, анизотропностью, непрерывностью. Оно постоянно взаимодействует со временем, образуя так называемый хронотоп.

Первый важный толчок в эволюции этого понятия делает Евклид. При помощи геометрии он объясняет пространство как бесконечное и однородное. Джордано Бруно, изучая небесные тела, выделяет абсолютное и относительное пространство и время. Среди точных наук появляются сторонники евклидовой и неевклидовой геометрии. Возникают теории о кривизне пространства, N-мерных пространствах. Долгий период время и пространство рассматривают по отдельности, считая, что они не влияют друг на друга.

В XX веке Эйнштейн создает теорию относительности. Согласно ей, время, пространство и материя взаимосвязаны. Эйнштейн заключает следующее: если из пространства изъять всю материю, то не будет и самого пространства.

Математика пытается объяснить пространство при помощи конкретных расчетов, поэтому для неё пространство - это множество, обладающее структурой. Математика определяет его как среду, в которой осуществляются различные объекты и предметы. Все сводится к элементарной геометрии, где фигуры (точки) существуют в одной или нескольких плоскостях. В связи с этим появилась необходимость как-то охарактеризовать, измерить пространство. Для этого математиками используются такие характеристики как длина, масса, скорость, время, объем и т. п. В математической науке принято выделять такие виды пространства: Евклидово, Афинное, Гильбертово, Векторное, Вероятностное, двухмерное, трехмерное и даже восьмимерное. Всего в математике выделяется не менее 22 типов пространства.

Физика рассматривает пространство с нескольких точек зрения. Первая определяет его как физическую - трехмерную - величину, где разворачиваются процессы обычного, повседневного мира. Где тела и объекты осуществляют различные перемещения и механические движения. Второе понимание этого термина переплетается

с математическими моделями. Это абстрактное пространство. Обычно оно используется для описания и решения задач, связанных с физическим трехмерным миром. Здесь, в отличие от математики, появляются новые его виды, например, пространство скоростей, состояний, цветное пространство и др.

Учитывая, что физика допускает его бесконечность, можно говорить о значительном расширении границ пространства, например, до Вселенной (главная система, совокупность всего, что есть в мире). Незаполненные никакими телами участки между объектами во Вселенной - это космическое пространство.

Воздушное пространство по большей части относится к праву и географии. Это часть атмосферы нашей планеты, а её границы регулируются международным правом. Так сказать, «открытое пространство» - по сути, то же самое, но территория, не принадлежащая ни одной стране. Она расположена за границей территориальных вод прибрежных государств и является международной собственностью, доступной всем.

В религиозных учениях духовное находится как бы вне времени и вне пространства, то есть, если даже все изменится на земле и на небесах, то духовные критерии останутся извечными, т.е не изменными по их уже определениям. Как это можно себе представить? Как от начала были духи от истинности, есть так они уже прибывают и в будущем, как были от начала духи нечестивые, есть и они прибывают в будущем. То есть рожденный от духа может и не знать, откуда прибывает вдохновение, но может понять, что это за дух.

Однако и там есть особые координаты, и они имеют, внешние соотношения как к возвышенному или восходящему и к низменному или нисходящему. По горизонтали - это Север и Восток (Восходящие), Запад и Юг (Нисходящие), и, конечно же, все это в разной территориальной относительности. По вертикали - это мир горный к миру дольному.

Важными соотношениями в этих, так скажем, координатах являются, наполнены ли эти пространственные и временные факторы насыщенной жизни деятельностью или нет, а также, какой именно деятельной жизнью они в некой пространственной временной исторической летописи насыщены или опустошены.

По духовным представлениям, грешная душа отягощена, и она духовно ниспадает, или уже мертвая, но как ДУХОВНО ПАДШАЯ, а если душа исправляет, искупается, очищает себя от грехов, то она начинает получать облегчение и в итоге может умирать для духовно падшего мира и рождаться свыше. То есть, если над человеком господствует грех, то он в мире низшем, а если человек господствует над грехами, то он от мира высшего. Так по внутреннему духовному наследию или по тому, какому духу человек следует, как духовной в нём естественности, так и идет определение. Как некий человек имеет в себе небесное наследие или земное.

Рассуждения о свойствах пространства привели даже серьезных ученых к порождению различных фантасти-

ческих идей. На основе научных фактов и их предположений разные люди постоянно строят новые теории о невероятных возможностях человека. Одна из таких идей появилась ещё в XVII веке у Иогана Кеплера. Она касается гиперпространства - четырехмерной среды, позволяющей путешествовать сквозь время и расстояние со скоростью, которая превышает скорость света. Другая теория гласит, что вселенная способна расширяться и образовывать «карманы», внутри которых все физические законы теряют силу, а пространство и время могут даже не существовать. С каждым годом таких, казалось бы, сумасшедших идей рождается всё больше. Однако их объединяет тот факт, что все они находятся на грани науки и фантастики. И никто не знает, какая сторона перевесит у следующей невероятной теории. А у меня родилась даже идея написать короткую работу, но в виде научного юмора. Хотя я должен коротко познакомить вас с тем, как издревле и до наших дней шло представление о времени и различных временах.

Итак, многие ученые считают, что время, как единица измерения, появилось только с земледелием, т. к. надо было более точно знать, когда засеивать поля и собирать урожай. Я думаю, это, конечно же, не так, ибо смену дня и ночи люди наблюдают с самого рождения, более того, в разных местах на планете они прекрасно замечали, что в разные сезоны день мог удлиняться или уменьшаться по отношению к темному времени суток.

К самым древнейшим, и, как не странно, но уже и к современным представлениям относится избрание или рождение вождя, предводителя. Так после смерти вождя или предводителя время как бы останавливалось, а с рождением или избранием нового уже вождя или предводителя некоего народа или народов рождалось новое время. С этим новым рождением вождя время могло вовсе не влиять на самосознание народов и их бытия, а могло давать и совершенно иные ориентиры в развитии как самосознания, так и бытия, при этом как в прогрессе, так и в регрессе. То есть какое-то племя или народы могли так и оставаться в некоей консервации своего уровня самосознания и познания о мироустройствах, другие начинали свое резкое прогрессивное развитие в естествознаниях и технократическом развитии, а иные, напротив, даже, вроде обладая высокими технологиями, деградировали и шли в регресс.

Об этих, так скажем, водителях возникали и разные исторические летописи. Так с рождения Иисуса Христа появился Новый Завет и летоисчисление от Рождества Христова.

В джунглях бразильской Амазонии живет удивительное племя Пираха. Они считают себя вполне нормальными, а всех остальных (белых людей в том числе) сумасшедшими. У пираха нет понимания прошлого и будущего, они живут здесь и сейчас. Для них недоступно понятие «возраст», хотя они замечают процессы старения организма. Считая что это происходит во время сна, стараются спать мало - по 30-40 минут несколько раз в день. У племени нет понятия родства и памяти поколений. Среди всех членов племени выделяют только ребенка, мать и отца (это могут быть как родители, так и бабушки с дедушками), родных брата и сестру.

То есть, оказывается, что у разных сообществ время могло вовсе и не вызывать никакого особого изменения в их самосознании и в бытие, в их пространственных координатах. Тогда как у других мог возникать огромный скачок в развитии их самосознания, социального бытия,

технократического развития, и за небольшой период уже общепринятых временных исчислений они, словно спринтер, резко во всем развивались. То есть шло опережение по времени других обществ в их развитии. Другие же начинали деградировать, тормозиться и идти в регресс по временному общему исчислению.

Человек еще в древности обратил внимание на движение, как небесных тел и на движение тени по отношению к расположению Солнца. Начало времен могло иметь привязку к неким знамениям или знаменательным событиям, например, сотворению Рима. Либо просто замечали движение тени, хотя мир теней и относился к мертвому миру. Так, очертив круг вокруг воткнутой в землю палки и разделив его на определенное количество равных секторов, по движению тени они могли уже определять не только, сколько прошло времени за световой день, но и по длине тени понимать смену сезонов. У одних народов летоисчисление шло по лунному календарю, а у других по определенным сезонам или по Солнечному календарю.

Для более короткого периода времени стали применять огненные, песочные и водяные часы. Так изречение о течении времени довольно часто соотносилось с водой. Например, для короткого исчисления брали кувшин, у которого на днище было небольшое отверстие, плотно это отверстие закупоривали, наливая в него воду, а когда оратор начинал выступление, откупоривали и вода начинала вытекать из кувшина. По истечении всей воды, оратору объявляли, что его время истекло, и опять закупоривали сосуд и наполняли его водой для выступления нового оратора.

В древности умерших часто помещали в особые ковчеги-лодки и отправляли их уже как бы в мир мертвых, ибо при жизни они обитали возле некоей реки, а умерев, они так по реке уплывали уже в иной мир. Бывали и обратные соотношения, когда живое после наводнений погибало, такая вода уже соотносилась с миром мертвым, а на ковчегах - лодках как раз и спасалась жизнь. Причаливая к некоей земле, эта жизнь начинала там снова свое развитие.

В древней Греции был культ ныряльщика, а позже тот же Иоанн Креститель совершал определенный обряд - погружение в мертвые воды Иордана, где человек образно умирал от греховной жизни, а, выходя из такой мертвой воды, он рождался в истинную жизнь.

Читал интересную историю о Гераклите, который проповедовал, что тем же, в одну и ту же реку нельзя войти дважды. Когда он в очередной раз излагал на площади это учение, к нему подошел юноша и сказал, мол, он очень проникся учениями философа, и хотел бы приобрести его работы в лавке, но у него с собой нет сейчас такой суммы. Не одолжил бы ему его учитель денег, а тот ему буквально через три дня вернет на этом же месте. Гераклит был польщен и одолжил юноше крупную сумму. Но он никак не мог встретить на площади этого молодого человека ни через трое суток, ни через месяц. Однако, все же он сумел поймать юношу на этой же площади по истечении месяца и потребовал вернуть ему долг. Юноша с удивленными глазами ему заявил, что он уже не на этой же площади, и сам он уже не тот юноша, и Гераклит вовсе не тот Гераклит, который давал в долг, совсем другому юноше. От этого Гераклит был смущен и ему пришлось серьезно обдумывать заявленные им представления об изменениях с течением времени.

Есть разные ощущения времени у детей, юных и пожилых. Одни это объясняют просто: дети быстрее хотят

вырасти, но время для них тянется медленно, для юных время кажется всегда заторможенным, т.к. им кажется это самыми счастливыми их временами, тогда как для пожилых людей время течет быстро, и скоро их время жизни завершится. Я это объяснял тем, что, чем моложе человек, тем он меньше наполнен информацией и потому лучше принимает что-то для него новое, тогда как пожилые наполнены уже их жизненными стереотипами всё новое воспринимают с трудом. Ученые это объясняют тем, что чем моложе человек, тем меньше у него нейронных связей, а потому его мозг не наполнен информацией, и, по мере наполнения, нейронные связи разрастаются, и порой они уже не дают достаточно быстро воспринимать новую информацию. Потому у младенцев глаза двигаются чаще, чем у взрослых, из-за того, что они тщательно изучают незнакомый мир, получая и связывая воедино больше информации из окружающей среды. А поскольку пожилые люди видят меньше новых изображений за такое же количество времени, им кажется, что часы летят быстрее.

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ (Научный юмор)

Ура! Скоро из этой холодной Костомукши мы полетим в теплую Австралию!

Так радовались молодые специалисты ГОКа, которые были отобраны для поездки в Австралию, чтобы на австралийском руднике пройти, так сказать, наглядное обучение работе на новейшем горном оборудовании, и потом, уже у себя, все эти знания успешно применять на практике.

- Виктор, а ты хоть знаешь что-то про Австралию, кроме кенгуру? - с иронией спросил Славик. Он прекрасно знал, что Виктор до мозга костей был технарь, а вот с географией, биологией и прочими естественными науками он не "дружил". Действительно, Виктор с детства увлекался конструкторами, потом велосипедами, мопедами, машинами... в общем, он "дружил" на отлично только с техникой. Потому то Виктор и работал на ГОКе главным механиком, а Славик мотался повсюду геологом, но теперь на ГОКе он контролировал качество по составу окатышей.

- А чё мне знать-то, мы же едем не на ферму, где кенгуру выращивают, а технику осваивать!

- Э, брат, не скажи... Давай-ка зайдем ко мне, и я тебя хоть немного просвещу, а то техника-то техникой, но, если ты не знаешь местных обычаев, то тебе придется там ой как туго! А ну давай-ка зайдем в магазин, купим бутылочку и отметим, что именно мы с тобой попали в эту команду, ну и, сам знаешь, без бутылки у нас ничего не понимают.

- Это еще зачем бутылку то брать, ты же знаешь, что я вообще не пьющий или забыл?

- Знаю, знаю. Только вот, как я тебе расскажу про эту самую Австралию, так тебе для этого придется пару капель все же выпить.

Пока Славик ходил в магазин, Виктор мерз на улице. Ему совсем не хотелось даже быть в сопровождающих похода за спиртным. Виктор не пил принципиально: с детства дал зарок не прикасаться к этой гадости, так как насмотрелся на то, что вытворял и в каком виде был их пьяный сосед дядя Паша. Сосед был далек от всего, особенно от техники, ну кто такого возьмет даже за токарный станок-то? Потому дядя Паша работал на

«Человеческий разум чувствует изменения во времени при помощи воспринимаемых образов, - утверждает Адриан Бежан, - Настоящее отличается от прошлого, потому что наше умственное восприятие "растет". Если казалось, что в юности дни шли дольше, то это только потому, что молодой ум впитывал больше образов в течение одного дня, чем тот же ум в старости».

В целом считаю факт такой есть и он связан с тем, что пожилые люди как бы не успевают уже за временными изменениями в информации. Конечно, можно и дальше развивать эту тему, от возникновения механических часов до атомных, от скорости света и до мгновенного отображения во вселенной квантового зеркального отображения. Линеиности времени, оборотности, а также и различные научные и околонаучные теории о времени, но читатели это могут и сами найти в различных источниках. Я же представляю вам эти мои изыскания, изложенные в научном, так сказать, юморе, а вам самим судить есть ли в этой шутке доля правды.

рынке. Ну как сказать, работал, - помогал кому-чего разгрузить, унести, принести. Платили ему каждый день и наличкой, но деньги старались дать ему перед закрытием рынка, потому как мало ли он ещё понадобится. Иногда его даже отоваривали, то есть, если ящик с какими-то продуктами оказывался непригоден, то дядя Паша мог что-то и себе выбрать.

- Ну, о чем задумался-то? Давай, двигаем ко мне, тем более моей сегодня нет дома.

- Славик, давай в другой раз расскажешь мне про обычаи Австралии, и на трезвую голову.

- Ну ты меня обижаешь... Я значит для него стараюсь, и, тем более, нет Люськи, а он в другой раз? Другого такого раза может и не быть, а там уж сам будешь с дикими аборигенами разьясняться!

- Хорошо, пошли, но только я ни грамма!

Действительно, жены Славика не было дома и не один только день. Виктор это определил сразу, увидев между диваном и телевизором стул, на котором были грязные тарелка с ложкой и открытая банка тушенки. При Люсе Славик этого бы себе не позволил, точнее, ему бы это не позволила Люся.

- Пойдем на кухню, там просторней и ничто и никто нас не будет отвлекать. Да ты вообще замерз! Лицо-то у тебя отмороженное! Что ты в магазин-то не зашел в такой-то холод, или хотя бы в тамбуре постоял? Срочно тебя надо натереть и прогреть, а то вместо Австралии очнешься на больничной койке с отморожениями!

Тут Виктор не на шутку переполошился, - Как это не поеду в Австралию? Что ты врач мне диагноз ставить?

- Я-то не врач, но ты сам на себя в зеркало-то погляди и потрогай свой нос, щеки, уши.

Виктор посмотрел на себя в зеркало и на самом деле увидел бледное свое лицо. Стал пощупывать его, но, вроде как, особо ничего не почувствовал.

- Скидывай свои ботиночки и пальтишко, давай за мной срочно на кухню!

Славик, быстро все скинув с себя, подхватил пакет, в котором звякнули бутылки, и побежал на кухню. Там Слава опять произвел звон бутылок... И когда туда зашел Виктор, то увидел два на треть уже налитых стакана.

- Да ты с ума сошел! Сказал «пару капель», а столько набухал, да еще и в стаканы?

- Да я для растирания тебе налил столько, - Славик быстро в ладонь плеснул водки. Поставив стакан, он уже растер по своим ладоням спиртное и затем начал энергично растирать лицо Виктора. И правда, Виктор быстро почувствовал, как его лицо начинает чуть пощипывать, а запах алкоголя уже не казался отвратительным. Тут он перед собой увидел, что Славик сует ему в одну руку ложку с солеными грибами, а в другую - что осталось в стакане.

- Пей быстро и закусывай, - это будет уже как подогрев изнутри. Давай, давай, пей залпом все! Быстрее - надо все срочно привести в порядок. Иначе для тебя Австралия тью-тью.

Виктор залпом выпил водки, затем проглотил слизкий грибочек. И только он почувствовал внутри себя разливающееся тепло, как Слава, забрав у него пустой стакан, сунул ему уже свою порцию водки и новую порцию грибов.

- Давай, давай, пусть тепло по всему телу разойдётся и дойдет до лица, а не греет только желудок.

Уже мало понимая, Виктор и эту порцию выпил залпом и проглотил грибочек. Он почувствовал, как Славик подхватил его сзади за локти и повел обратно в прихожую, к зеркалу.

- Что я тебе говорил! Смотри, как лицо покраснело.

Виктор, в самом деле, смотрел уже на красное отражение своего лица в зеркале, а рядом сияло довольное лицо Славика.

- Ну теперь пойдем на кухню уже здоровыми, а я тебе все выложу про современное положение аборигенов в Австралии.

Виктор, действительно, почувствовал жар в лице, а заодно, и некий туман в сознании. Он послушно пошел в кухню за Славиком. Рассевшись на стуле, тот опять начал разливать, но Виктор стал отмахиваться и, собрав всю волю, резко сказал:

- Больше не буду! Давай рассказывай, какие там у аборигенов обычаи.

- Ну так слушай...

- *Бар муб тик раи ур орокс... (Вождь, вставай, нам надо защищать свои исконные земли). Бар им дусказ корпар урус орокс! (Корпорация хочет отдать русским наши земли!).*

Виктор увидел перед собой темнокожих, кучерявых с большим носом аборигенов.

- *Тик мрас?* - *вдруг произнес он, при этом прекрасно понимая, что говорили аборигены, как и то, что спросил у них «что вам от меня надо?»*

- *Бар им дусказ корпар урус орокс! (Корпорация хочет отдать русским наши земли!)*

Виктор вскочил на ноги и как закричал:

- *Юрикс ню? (Где я?)*

- *Юн парс буль драк. (Мы нашли тебя тут, у реки больших крокодилов)*

Виктор начал ощупывать свое лицо, но лицо было вовсе не его: кучерявые волосы, большой приплюснутый нос, толстые губы, а в одном ухе воткнуты какие-то перья, - *Бин рак дуду? (Что со мной произошло?), - опять закричал Виктор...*

- *Пар бумбум силь накап, жию бумюум парс. (Вчера ты камнем побил одну из машин в карьере, но потом побили тебя). Бар им дусказ корпар урус орокс! (Корпорация хочет отдать русским наши земли!). Эо шам вчер ум.*

(Это шаман вчера узнал). Дри ой мими. (Да вот и сам он идет).

К ним подходил почти совершенно голый высокий абориген... Увидев Виктора, он быстро поднялся на ближайшую скалу, прыгнул с нее и прокричал:

- *Урус ен зиг, урус эм зузу! (Русские не идут, русские уже здесь!)*

Аборигены начали размахивать бумерангами, воинственно оглядывая окрестности, а некоторые стали подбирать острые камни... Тут кто-то из них сунул Виктору копьё.

- *Шам ук урус жик буль. (Шаман о русских успел нас предупредить).*

И Виктор что есть мочи закричал:

- *Урус нак ваки орокс! (Русским не нужны ваши земли!)*...

Виктор с трудом открыл глаза, все было в какой-то дымке, но которая начала рассеиваться, и он увидел перед собой врача и лицо Славика, постепенно расплывавшееся в улыбке.

- Ну вот, что я вам и говорил. Из-за двух-то грибочков не будет никакого отравления.

Это Славик успокаивал врача. Однако тот, поверх своих очков строго посмотрев, на Славика тихо прошепел:

- Это тут не только грибочки, это тут и злоупотребление спиртным.

- Да ладно вам, доктор. Виктор у нас непьющий! Верно, Витёк? Вот я тебе крутой тут приемник принес. Может ловить любую радиостанцию. Да, кстати, сейчас будет выступать один профессор из Магадана. Интересные вещи будет рассказывать о путешествии во времени и в пространстве. Сейчас повтор его выступления будет, - Слава поставил на тумбочку уже настроенный на Магадан приемник, и они с доктором вышли из палаты.

Из приемника послышался голос: «Да понимали бы они, что значит путешествовать во времени и пространстве. Вот я вам докажу, и никто не сможет опровергнуть, что это невозможно! Возьмем сейчас человека, живущего в Северном полушарии, где сейчас, естественно, зима, и перенесем его в Австралию. И что же мы увидим? А мы фактически увидим, что он из зимы уже попал в летний сезон! Так же мы можем австралийца из лета перенести в зиму, но, естественно, если перенесем его в Северное полушарие из Южного. Это неоспоримое перемещение по временным сезонам через пространство. А все потому, что наша земля вращается вокруг наклонной оси. А хотите мы перенесем современного цивилизованного человека на тысячелетие назад? Пожалуйста! Возьмем опять из самого современного общества человека и перенесем его в дикое племя аборигенов Австралии. И вот вам неоспоримый результат, что при таком неосознанном для путешественника переносе он очнется на тысячу, а может и более, лет назад. Так же мы можем провести эксперимент и с аборигеном из Австралии, но для него такое путешествие во времени и пространстве будет уже в фантастическое будущее!»

У Виктора обильно начал выделяться пот. Он поднял руку и посмотрел на нее: рука была его. Он ей начал ощупывать волосы, нос, губы, - все было его. Он дотянулся до приемника, выключил его и, успокоившись, крепко уснул. Врач ему посоветовал хорошенько выспаться, и это поможет его организму. Он так и сказал, что здоровый сон - лучшее лекарство.

Сергей Пашков

Современники

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ ЮРИЯ БЕРНАДСКОГО

Существует поэзия вообще и поэзия народная. Так, к поэзии «вообще» можно отнести поэтов, отмеченных разными Нобелевскими премиями. А к народной - то, что ближе и понятнее, пластичней и родней. Например, для африканской традиции характерны многочисленные повторы под удары там-тамов. Именно она явилась прототипом современных рэпов и роков, речитативов и блюзов. Для японской и китайской поэзии, кстати говоря, тоже рифма не требуется, а соблюдается лишь ритм. Под трехстишья Его величества Басё Его величество Восток задумывается у цветущих сакур. А под индийские мантры долго и вдумчиво танцует целыми неделями сцены из Рамаяны.

В России же до того, как родилась официальная литература, былинную поэзию пели «калики перехожие». Широкими и раздольными, немного печальными песнями жил народ и на пахоте и на покосе и за рукоделием. Выплетал себе частушками жизнь. И под шуточки да прибауточки парился веничками в баньке. Запоминалась народная русская поэзия мгновенно. Да так крепко-накрепко приставала, что передавалась потом и детям и внукам и правнукам.

Поэзию Юрия Бернадского можно отнести именно к такому виду народного творчества.

*За рекой сгустился мрак.
И не дремлет лютый враг.
Значит, обязательно
Он подступит затемно.*

Его стихи - немного сказочные, немного шуточные удивительно правдивы. А еще они познавательны и поучительны, потому как наполнены старыми словами - архаизмами. Тут вам может встретиться словосочетание «Калинов мост» или «Лес нехоженный - урман».

Такие стихи быстро запоминаются взрослыми и детьми, потому как сложены и просты.

*Роднее места нет под небесами
Суровый край, но сердцу дорогой.
Обласкан солнцем, окружён лесами,
На крутояре поднят над рекой.*

Соблюдая правила народные, творчество Юрия Бернадского унаследовало четкую линию общенациональных славянских ценностей. Ценность внутренне-встроенной в нас любви к Родине.

Ценность обязанности ее свято защищать и хранить традиции. Ценность любви к детям и старикам. Ценность видеть в природе былинную множественность легенд и преданий. Ценность оживлять пространство. Ценность сопричастности всему происходящему на земле. И главное - ценность передачи опыта...

*Зарубками, как деды, по простому
Путь отмечаю, чтоб не заплутать.
Чтобы любовь к отеческому дому,
Как завещанье, детям передать.*

Свойством быть в поэзии «своеком», что сидит с тобою буквально на завалинке, лишь стоит руку протянуть - обладали такие мастера стихотворцы, как Кольцов, Есенин, Твардовский. Это же редкое качество унаследовал Юрий Бернадский, привнеся в копилку русского творчества своё.

*Фронт - орудий перебранка,
В горле ком, в коленках дрожь.
Под бомбёжкой против танка
В штыковую не попрёшь.*

Краеугольные камни есть в основании домов и проектов, мостов и даже стихов. По большому счету, в основании каждого из нас есть свой камень.

*Всему, что создано веками
Людьми, народами, страной,
Положен в основанье камень
Краеугольный, закладной...*

Какой же он у Бернадского?

Вера в русских и Русь, в Отечество, а значит, в нас с вами, проходит золотым стержнем по всему творчеству Юрия. И, наверное, это главное, что должно отличать в России «больше чем поэта» - человека Верящего.

*Рвал в лохмотья сверхпрочные стали
Ураган огневой.
Но стеной за Отечество встали
Те, кто верил в него.*

Поверим и мы в то, что этот сборник принесет новый стих, новую строку, новое слово в русскую поэзию.

Светлана Савицкая

Фото: www.bsk.nios.ru

Наталья Крофтс

Родилась в г. Херсоне (Украина), окончила МГУ имени Ломоносова (Россия) и Оксфордский университет (Англия). Живёт в г. Сидней, Австралия. Автор поэтических сборников и многочисленных публикаций в русскоязычной периодике (в «Литературной газете», журналах «Юность», «Работница», «День и ночь», «Новый журнал», «Новый берег», «Австралийская мозаика» и многих других). Стихи на английском опубликованы в четырёх британских поэтических антологиях.

ПОЭТ

Я ослеп. Измучился. Продрог.
Я кричу из этой затхлой бездны.
Господи, я тоже чей-то бог,
заплутавший, плачущий, небесный.
Вот бумага. Стол. Перо и рок.
Я. (больной, седой и неизвестный)
Но умру - и дайте только срок,
дайте строк - и я ещё воскресну.

* * *

Мне не уйти из психбольницы.
Ты в ней - и вот она в тебе -
клокочет, рвётся на страницы
и шарит лапой по судьбе,
куда б тебя ни заносило -
в край небоскрёбов или скал -
ты возле солнечной Мессины
увидишь бешеный оскал
чудовищ - нет, не тех, из книжек -
своих, придуманных тоской,
толпой, тебя несущей ближе к
безумью дней, к огням Тверской.
И будто всё отлично с виду:
умыт и трезв, идёшь в театр -
но чувствуешь: с тобой в корриду
весь день играет психиатр.
Или в музеях строгой Вены
бредёшь меж статуй героинь -
а врач решит - и резко в вены
введёт любовь, как героин.
Спокойней - в домике с охраной,
решёткой, каменной стеной,
где мне зализывают раны -
чтоб не осталось ни одной,
где нет ни долга, ни заботы,
ни вин, ни бед... Халат надеть
и от субботы до субботы
на подоконнике сидеть
и издали смотреть на лица
толпы, на улицу в огне.
А рядом Гоголь отразится
в забитом намертво окне.

ФЛОРЕНЦИЯ

Остатки снега с черепичных крыш
прозрачным языком февраль слизал.
Флоренция. Туман. Из тёмных ниш
на нас глядят белёсые глаза.
Насмешливо: для них давно не нов
наш юный мир из разноцветных снов,
из первых путешествий - Рим-Париж,
из твёрдой веры в истинность афиш -
прекрасный вид,
открыточный закат...
из первой безболезненной любви -
наверное, последней.
А пока
в своей беспечной, эфемерной вере
над Арно мы с тобою кофе пьём,
в постылой нише белый Алигьери
вздохнёт - и с грустью вспомнит о своём.

ЭВКАЛИПТ

Ты, конечно, забудешь и странное это безумье,
непонятный, неожиданный, смешной урагановый бред.
Ты вернёшься в тот мир, где до слёз надывается зуммер
в телефоне пустом. И где найден удобный ответ
на вопросы зачем, по каким неизвестным спиралям
нас несло через дни - чтоб, столкнувшись у края земли,
мы друг друга с тобой беззастенчиво, бешено крали
у стреноженных дней. И над нами шумел эвкалипт,
удивляясь неистовой страсти двуногих растений,
что пришли в этот лес - и расстаться почти не смогли.
Ты, забудешь, любимый. И только останутся тени.
Две счастливые тени - у самого края земли.

БЕЛЬГИЯ

Майя Шварцман

Майя Шварцман. Родилась в Свердловске (Екатеринбурге), закончила музыкальную школу-десятилетку и консерваторию, скрипач. Работала в театре Оперы и балета. Из России уехала в 1990 году.

Публикуется с 1984 года. Пишет стихи, а также рецензии и статьи о классической музыке. Постоянный автор сайтов Belcanto.ru и Operanews.ru.

Как ещё держится развалюха, нежитью пахнут сени.
Месяца три как слегла старуха. Ладно, по воскресеньям
дочь приезжает, а на неделе смотрит за ней соседка -
на год моложе, но еле-еле ползает, так что редко,
день через два забредает в гости; супом из доширака
с ложки покормит, потянет простынь: ох и смердишь, однако.
Дочь с отвращением в выходные моет её и злится:
заживо прееет, и хоть бы хны ей, так и лежит мокрицей.
В город потащишь - помрёт в дороге, да и в хрущобе места
не разбежишься, а здесь, в берлоге, жутко, так хоть не тесно.
Новые тряпки рывком, с досадой стелет на гниль матраца.
Не помирает, хоть стой, хоть падай,- сколько сюда мотаться?
И не продать ведь потом лачугу, некому, всей деревни -
восемь дворов, и везде пьянчуги в хатах, как наша, древних.
Разве участок, да кто же в эту тьмутаракань попрётся
по бездорожью зимой и летом, рытвинам да болотцам...
Жидкую кашу не держат губы, в кляксах и пол, и лавка.
«Кафка, - шамкает рот беззубый, - кафка, ещё кафки».

Как взглянешь, так и будет. Вдалеке
всё выглядит нестрашным и блаженным.
Слепой нарцисс доволен отраженьем,
держа кривое зеркало в руке.
Приятно совершенным быть, а чтоб
не признавать действительности чёрной,
вертеть у глаз взамен трубы подзорной
спасительный цветной калейдоскоп.

Про рок

Кому споёшь, чтоб на века
заслушался и слов, и лютни?
В пустыне встретить двойника
на виртуальном перепутье
свезёт не всякому. Да чтоб
шесть перьев, для письма пригодных,
он на развилке горних троп
сложил звездою путевой.

В мечтах о ломаном гроше
скитайся, рифм ища богатых.
Пусть глобус из папье-маше
заменит севший навигатор.
Вот бог тебе, а вот порог.
Ступай, покуда трижды кочет
взярясь не прокричал, - про рок
своё у каждого клокочет.

Играй в песочек на одной
из тьмы песчинок сюзерена
и в полный голос славу вой
ему же, бедуин вселенной.
А что до виршей о судьбе,
с огнём глаголов сопряжённой, -
пылай, искри. Но кто тебе
подует на язык сожжённый?

Отплытие из О.

В осаду мидий взяты корабли,
прильнувшие ко дну в осадке низкой.
Вода (хоть лучше к мидиям сабли)
их длинные пролистывает списки.
Стоит «Меркатор», высунув в залив
бушприт, как бы приносиваясь к ветру,
готовый хоть сейчас, разворотив
причал, рвануться снова в кругосветку.
На нём, пересекая океан,
как воин на щите, к своим пенатам
апостол прокажённых Дамиан
под погребальной ризой плыл когда-то.
Гроб упирался в палубный контрфорс,
и ткань на нём от волн ли, слёз промокла
(...как та, что покрывала смуглый торс
отбитого ахейцами Патрокла).

Что кроется ещё за ворожкой
морской волны, откуда эти греки? -
Ветра и дюны, камни и прибой
пребудут неизменными вовеки.
Дозорный чистик тоненько свистит
из зыбкой пелены над виадуком.
На резкость эту рябь не навести,
и в воздухе солёном, близоруком
вдали видны, обманчиво малы,
не то портовых кранов пеликаны,
не то орудий смутные стволы.
А море монотонно и гортанно
твердит своё, качая дотемна
дельфинов гладкокожие триеры:
не кончена Троянская война,
не все слова досказаны Гомером.

Что уж ты там сочинял, Ганс Сакс,
вправду ли молотком пристукивал в такт?
Жил припеваючи между своих вакс,
кож, каблуков, - кроить и кропать мастак.
Вирши что обувь: кудряво нашёшь сутаж,
кантом мораль подпустишь, - готов заказ.
Если стишок прибыльно не продашь,
то башмаки справные - в самый раз.
Стольких обул, высмеял, подковал,
Гансом- башмачником в вечность бы и ушёл -
и без того лишку вас, запева, -
да подхватил, danke ему schön,
Рихард: свои танкетки приколотил,
оперным танком вывел в заглавный ряд.
Кто бы иначе связки, пучки жил
в глотке не пожалел за тебя драть?
Шильцем почешешь голову сгоряча,
как бы этак, с пятки или носка
трогаясь, научиться стихи тачать,
чтобы ушли выгодно с молотка?
Мне, подмастерью, дратвы как ни вощи,
как ни раскладывая выкройки - незачёт!
Мастер с гравюры щурится: не взыщи.
Дразнится обувь, высунув язычок.

Отлив

За волной и ветром ловцом отлива
по песку идёшь, мелкий след курсивом.
Горизонт рябой на себя помалу
тянет моря серое одеяло.
В золотой дали тонет солнца бакен.
Всё просторней пляж, то-то рай собакам.
Под навесом пирса, как в будке, кротко
на цепи сидят пожилые лодки.
Непригляден берег: песок да колья.
Он разверзнут раной, посыпан солью.
Не утишить муки привычной, косной.
Не догнать души, отлетевшей в космос.
Ты оставлен здесь, меж ветров и плеска,
на крючке кручины с бесхозной леской.
Шире моря боль, ни конца ни края.
При чужих молчи. А своих не бывает.

ДЕФОРмация

Не обязательно доить
козу на острове зелёном
от мира целого вдали,
чтобы считаться робинзоном.
Всё приживётся: и ячмень,
с умом посеянный, и просо.
Коттеджи вырастут взамен
хибарки, выстроенной косо.
Туземки станут щеголять
в коллекциях сезонных платиц.
Из листьев пальмы штабеля
газет настряпают «Семь пятниц
и Сыновья». И, как вино
пьянящий, ручеек доходца
закапает. И лишь одно
на острове не разрастётся.
Когда причалят корабли,
то бросится, восторгом пенясь,
с ликующим: «Свои, свои!»
бегом на берег поселенец,
чтоб наконец-то - без гримас
и жестов - речью насладиться
и с кем-то разделить хоть раз
от междометья до частицы
благоуханье языка,
так нежно долгие календы
хранимого... Как вдруг река
неузнаваемого сленга
затопит слух его, смутит
темнотами, душком жаргона.
Пока он возносил на щит
язык, от жизни сбережённый,
на нивах родины взошли
густые новые посевы...
Но вот уходят корабли,
трофеями набивши чрева.
И остаётся ждать закат,
давя привычную усталость,
немой носитель языка,
донашивая что осталось.

«Друзья, кругом одни враги!»
Коко Шанель

Вот так всегда: то угрожают нам
враги бумажными корабликами,
то нива мстит неурожаями. -
А Марс уже завален яблоками.
И подавить бы их бульдозером,
да вот ракета одноразовая
взлетит на топливе навозном ли,
хоть замолишь, миропомазывая?

Все эти знаменья и признаки,
событья смутные, трагические -
мы видим фатума капризами:
пусть безобразны, но величественны.
В конце сценария дежурного
бог из машины грянет мстителем, но
сейчас же хор, гремя котурнами,
споёт рулады объяснительные.

Когда участвуешь в трагедии,
не отступай от строя жанрового.
На сцене тьма - рычим медведями,
а свет дадут - зальёмся жаворонками.
Но под шумок обол зароем мы
на чёрный день в земле отечества и
опять окажемся героями
чего-то очень древнегреческого.

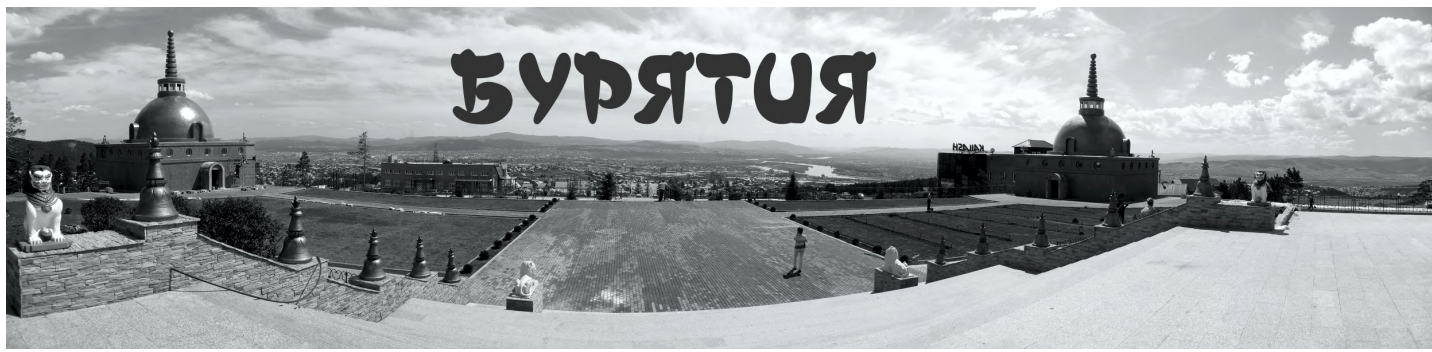
Канарейка радостно собирается в отпуск
на свои Канарские острова.
Проверяет крыла маховую лопасть,
чистит пёрышки, чтоб восхищённое «какова!»
услыхать, повторяет карту звездного неба,
клюв настраивает на ловлю магнитных бурь,
налегает на протеины, отказавшись от хлеба,
чтобы форму держать (хотя диеты - такая дурь).
Лишь одно неустроено. Спрашивает у ткачика
на соседнем балконе: - А куда мне девать
моего человека? Беда с ним: не может допеть, что начато,
невыпадет чирикает, не загонишь в кровать...
Что с ним делать, не знаю, может, в приют его?
Всё гнездо замусорил, что-то пишет ночь напролёт.
На кого оставить его, такого беспутного,
не поёт, не летает, только кнопки жмёт.
Может, вольеру с присмотром ему? - Да брось ты, -
отвечает с присвистом беспечный сосед. -
Не волнуйся, не пропадёт твой бесхвостый,
крепче, чем жизнь его, клетки на свете нет.
Петь, как мы, не выходит у них, и толщу
преград к совершенству нашему им не пробить.
Улетай себе, просто насыпь ему букв побольше,
что склюёт, то и выйдет, тут уже - без обид.
Пусть себе ходит, руками машет и пишет
эти свои катрены, раз с пеньем швах.
Никуда он, убогий, не денется; четверостишие -
та же клетка о четырёх углах.

К какому сроку смерть ни приурочь,
не похвалиться напускным бесстрашьем.
Нет возвращенья отошедшим в ночь.
Нет утешенья их не удержавшим.

Исчезнувший, скажи, что видишь свет
с той стороны, где не бывает света, -
тот, что, незримый нам, нисходит с век
во тьму, сквозь сном наложенное вето.

С изнанки сновиденья навсегда,
которого прямой назвать не смеешь,
несказанным «прости», беззвучным «да»
мерцает луч, неуловим и мреющ.

В немом краю пустынь и темноты,
на оборотной стороне вселенной
он есть, - недостижимый, как ты,
далёкий, негасимый, сокровенный.

Виталий Кузнецов

Северомуйск, Бурятия

Кузнецов Виталий Яковлевич родился в 1965 году в Казахстане, детство и юность прошли в Самарской области.

С 1982 года проживает в Бурятии. Делегат Первого съезда писателей Восточной Сибири (Иркутск, 2008).

Учредитель и главный редактор авторского литературного журнала «Северо-Муйские огни».

Член Европейского конгресса литераторов (Прага, 2013). С декабря 2017 года является действительным членом Крымской литературной академии. Лауреат Канадской литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя (Торонто, 2015), всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова (2017).

«Варвар»

Надрывный рёв мотора и грохот от пустого полуприцепа лесовоза разносились на многие вёрсты по зимней дальневосточной тайге: где-то недалеко велась лесозаготовка. Лесная живность уже привыкла к подобным шумам и почти не обращала внимания на чуждый таёжной жизни грохот. К тому же вырубленные деляны приносили даже некоторую пользу многим обитателям леса. В первую очередь это были лоси. Их привлекало обилие корма на вырубленных «делянах», быстро зарастающих молодым лиственным подростом. Туда они и тянулись, иногда пренебрегая опасностью. Водители «лесовозов», зная об этом, всегда возили с собой ружьишко: мало ли какой неосторожный лось выбредет на просеку. Но в особо снежные зимы сохатого можно было встретить и чаще. Глубокий снег во многих случаях оказывался губительным для этих животных, и они часто пользовались проложенными людьми зимними маршрутами. побегов молодых кустов.

В тот день, уже по-весеннему тёплый, брюхатая самка сохатого медленно пробираясь по глубокому мартовскому снегу, брела в поисках более обильного и сочного корма, чем грубая кора деревьев. И только на вырубленных делянах лосиха могла найти её. Туда она и пробиралась. День уже давно наступил, а она всё ещё брела, тяжёло волоча по снегу свой упруго выпирающий живот.

Иногда, чтобы как-то приглушить подступающие позывы голода, будущая лосиха-мать делала короткие остановки. Немного сворачивая в сторону, она пыталась дотянуться до нескольких низко склонённых веточек какого-либо дерева или куста. Но это лишь больше отнимало силы, чем прибавляло чувство сытости, и потому лосиха торопилась: ей надо было до наступления сумерек найти такое место, где она могла бы вдоволь погрызть сочной осиновой коры и пожевать ольховых

побегов молодых кустов.

Вдруг лосиха настороженно остановилась. Впереди лес заканчивался, и начиналась просека. По этой просеке грузные лесовозы прокладывали свои ежедневные маршруты. Наезженная колея означала, что где-то уже поблизости есть то место, где будет много корма для неё, и для её детёныша в утробе. Ей оставалось только перейти дорогу, и, возможно, скоро она смогла бы выйти на старую деляну. Но она всё ждала, осторожно прислушиваясь к нарастающему вдалеке гулу. Она и раньше слышала подобный гул, и потому, не особо пугаясь его, но и не решаясь уже выйти на просеку, продолжала стоять, оглядываясь по сторонам. Лосиха искала взглядом место, куда могла бы отойти и переждать, пока проскочит мимо приближающийся лесовоз. Но лес вокруг, на её стороне, почти просвечивался насквозь: он был без подростка и кустов, без чащи, где можно было бы скрыться на время. Только высокие стволы деревьев да глубокий снег окружали её. Но возвращаться назад лосиха уже не могла, и потому она всё же решила пойти вперёд, - через просеку лес ей показался гораздо гуще, и она, уже не обращая внимания на всё нарастающий гул, зашпешила к дороге.

Перевалив через высокий борт снега на обочине, лосиха вышла на чистое место. Как легко ей показалось идти! Она так бы и не сворачивала никуда, а шла бы и шла до самого места. Но гул позади невольно подгонял её, и медлить ей было нельзя.

В кабине «Урала»-лесовоза смогом стоял табачный дым. Потягивая одну за другой папиросы, водитель угрюмо давил на газ. В его жизни было мало радостей, но он уже и сам не желал большего, чем то, что приносила ему таёжная зимняя трасса. Коренной дальневосточник, проживающий пятый десяток в этом глухом таёжном

краю, мечтал лишь об одном - как можно больше заработать денег, и как можно раньше съехать в другую местность. «Хочу пожить по-человечьи», - частенько прорывалось из никогда не улыбающихся его уст. Ему и думать о другом не хотелось, да и уже, наверное, и не могло. Лишь одна забава отвлекала его от рутинной работы. Это была стрельба из ружья, по всякому поводу и по любой движущейся мишени. Порою он даже и не старался прицелиться наверняка, лишь бы выстрелить. Потому и возил с собой ружьё с большим боеприпасом.

«Ух, ты, стерва, - вышла», - завидев впереди по трассе матку лося, вдруг грубо оживился водитель лесовоза. «Ну, сейчас я тебя возьму», - пробубнил он вполголоса, и придавил на газ.

Его ружьё лежало на сиденье, рядом, и было всегда готово к бою.

Изо всех сил лосиха пыталась преодолеть барьер высокого снежного борта на обочине, но ей пока не удавалось сделать этого. А расстояние уже до громящего лесовоза неумолимо сокращалось. В былые времена, хотя бы ещё пару месяцев назад, она легко бы одолела это препятствие, но сейчас всё оказалось намного сложнее: видимо, в её утробе лосёнок был не одинок.

И всё же в последнем рывке, пробив в затвердевшей снежной обочине брешь, лосиха пошла вперёд: «успею, смогу; смогу, успею», - тревожно стучало кровью её материнское сердце. Устремляясь вперёд, она ещё надеялась на то, что сможет скрыться.

Гул мотора, приблизившись, притих. Человек в машине, завидев, как matka лося, уже сойдя с дороги и удаляясь от неё, показался из кабины и несколько раз выстрелил в её сторону. Одна из пуль слегка задела хребет лосихи, другая глухо вошла в толщу снега под ней.

Быстро перезарядив своё оружие, человек вновь выстрелил, одновременно из обоих стволов, дуплетом, и обе пули попали в цель. Но ни одна из них не смогла причинить смертельного вреда животному. Лосиха по-прежнему продолжала устремляться вперёд: в горячей агонии, совсем не чувствуя боли от ран, молодая лосиха медленно, но всё же продвигалась к чаще уже близких спасительных высоких кустов. При этом с каждой секундой раненая лосиха ощущала всевозрастающую тяжесть от внезапно навалившейся беспомощности и, спустя ещё мгновения, с ужасом поняла, что не может, как прежде, отталкиваться задними ногами; она не чувствовала в них силы.

Выскочив из кабины машины, человек с ружьём принялся лихорадочно ощупывать патронташ у себя на поясе: он искал заряженный патрон, но находил лишь пустые гильзы. Оказалось, что ещё в начале дороги он расстрелял большую часть зарядов по всякой живности, попадавшейся на его пути.

Перебирая снег передними ногами, лосиха, хрипя от жара, всё же протаскивалась вперёд, и ей уже удалось подобраться к зарослям; ещё немного времени, и она, возможно, смогла бы скрыться в них. Но этого допустить человек не мог, ведь он был уверен, что животному уже не выжить, волки в первую же ночь порвут её.

«Не пропадать же столько мясу», - думал этот человек, продолжая начатое кровавое дело.

Вновь взобравшись в кабину своего незагруженного лесовоза, он прогнал его немного вперёд, а затем дал задний ход, направив полуприцеп в сторону от дороги, в то место, где в кустах уже успела скрыться лосиха. Удар пришёлся прямо по хребту животного.

Придавленная в снегу железом и лишённая на время чувств, лосиха, уже не имея никаких сил к какому-либо сопротивлению, спокойно ожидала своей участи.

Человек не спеша вылез из кабины и, увидев сбитого, но ещё живого лося под прицепом, понял, что без «рукоприкладства» ему не обойтись. Тут же, прихватив с собой огромный топор, он уже решительно направился в сторону пленённой таким образом, израненной самки лося.

Приблизившись к умирающей лосихе, человек, испугавшись её ещё перебирающих в снегу передних ног, не смог зайти спереди, чтобы нанести свой последний и смертельный удар в голову. Но и ждать он не мог, и потому, тут же взобравшись на полуприцеп, он приблизился к ней со стороны спины. Но и там ему не удалось дотянуться до её уязвимого места. И тогда, уже не сожалея ни о чём, без всякой жалости, желая лишь одного - любым способом умертвить лосиху, он топором нанёс ей удар по спине. От резкой боли ухнув, она рванулась из последних сил, но уже через секунду вновь ощутила удар, затем ещё и ещё...

Врубаясь в горячую плоть, острое холодное железо безжалостно кромсало спину животного. Через мгновения лосиха уже не проявляла какого-либо сопротивления. Кровавым туманом обволокло её сознание и пеленой застлало свет. Но она всё ещё была жива и ещё долго терпела разрывающие позвоночник боли, и ещё долго были слышны её предсмертные хрипы, и стоны с тяжким уханьем продолжали вырываться из её груди. И вот, уже затихая, она в последний раз втянула в себя морозный воздух и ушла, унося в себе ещё две жизни своих так и не увидевших свет лосят.

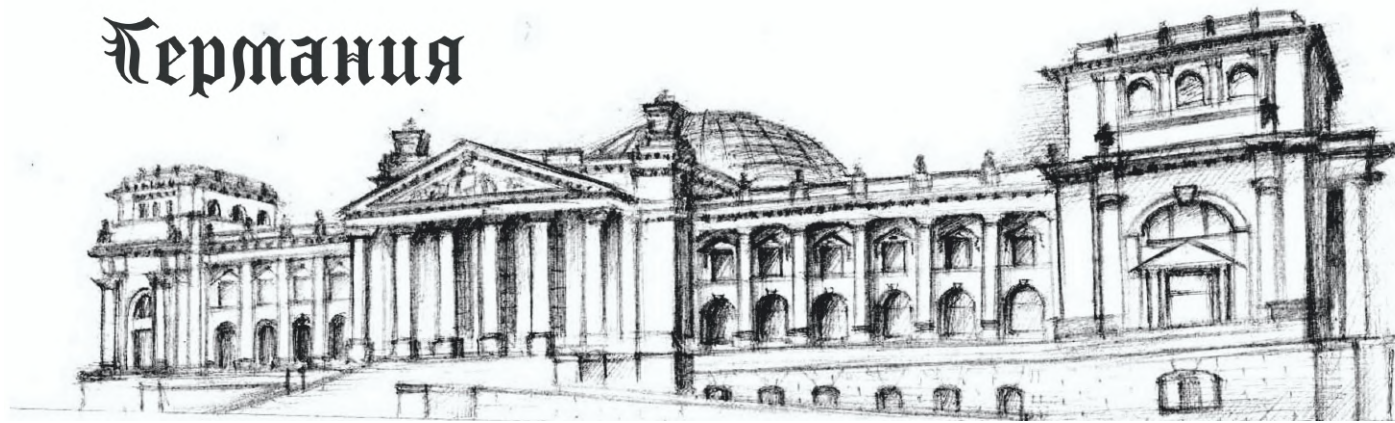
Только после того, как прекратились её предсмертные вздохи, «человек» отвёл в сторону окровавленный топор. Он сделал то, на что, казалось даже ему, был не способен. Но это его уже не волновало. В тот момент он видел перед собой лишь грудку свежего мяса и несколько не сожалел о содеянном.

Обвязав голову своей жертвы стальным тросом, и прицепив к машине, человек продолжил прерванный путь, досадуя о том, что потерял столь много времени.

Взревев мотором, «Урал» - безликий свидетель кровавой драмы - рванул как можно быстрее от этого места. Но следом за ним, оставляя на белом снегу кровавую поволоку, потянулось истерзанное тело матки-лосихи. Ударяясь о встречные пни раздутым животом, мёртвое тело издавало некий выдох, и при этом казалось, что лосиха была ещё жива.

Но живы оставались её детёныши в утробе. И только тогда, когда закончился последний кислород в крови их уже мёртвой матери, накопленный с последним её вздохом, остановились и их маленькие сердца.

Германия

Юрий Тубольцев

Родился 25 мая 1976 года. Известный современный поэт-неверифмист и минькатурист, писатель и публицист; член Западноевропейского отделения Союза писателей «Новый современник», Международного литературного клуба «ИнтерЛит», Международного союза писателей «Фракция Эпатажистов» и Сообщества Минькатуристов; лауреат Второго этапа Третьего международного конкурса «Вся королевская рать» литературного портала «Что хочет автор», главный редактор сетевого журнала «Речевые игры», яркий представитель современного сюрреализма и основатель течения абсурдософии в литературном авангардизме XXI века. Проживает в Германии (г. Регенсбург) и России (г. Москва).

Афористика отражений

Нет места для спора под облаком дезинформации.

Шаблоны языка опережают мысли.

Не делай существо объектом для несущественного, а то сам превратишься в прихоть несуществующего.

Есть вещи, которые зеркалу не хочется отражать. А надо. Ибо иначе оно превратится в стекло.

Что бы ты ни искал - обязательно сразу найдешь потерянный кемто стыд.

Почему всё бесчеловечное в человеке - это тоже человеческое?

Я сделал все зеркала вокруг из шоколада, но они стали очень горькими, поскольку в них отразился я.

Из чужих ошибок соткан мир, из своих ошибок ты создаешь параллельную вселенную.

Человек может договорить только то, что он недодумал.

Курица, мечтающая сбежать с птицефермы - в душе орел, но если она сбежит - то пойдет орлам на завтрак.

Пластинка заедает всегда на самом важном месте, ведь иголку постоянно ставят именно на него, превращая в бессмысленную вечность на аршине пространства.

Авторская воля есть даже в математике.

Человек - не кукла, а кукольный театр в одном лице.

Мир - это конструктор, из которого человек собирает свою личность, но у каждого всегда есть как минимум одна недостающая деталь и, чтобы её найти, надо шагнуть в параллельный мир.

Если обстоятельства не преодолимы - преодолей своего двойника, который не может их преодолеть.

На всякого великана найдется больший, все мы задуманы карликами и великанами одновременно.

Если не встраивать сущность будущего в сию-секундное, будущего не будет.

У хорошего критика всегда отсутствует критическое мышление.

Когда адские мысли приходят к обитателям рая, они их прячут глубоко в себе и рай об этом не догадывается.

Мир - это не совместимая с человеком подшивка слоёв пустот, в которую человек себя зашивает и опустошается, зашивает и опустошается.

Человек, который одолжил счастье, никогда не попадет в долговую яму.

Не смотри правде в глаза - окосеешь, ибо правда многослойна.

Дарвин от других ученых отличался величиной разума... привет обезьянам!

ГРЕЦИЯ

Ирина Анастасиади

(Ирина Константиновна Цотадзе)

Писатель, переводчик, публицист, главный редактор журнала «9 муз».

Президент Международного Творческого фестиваля «Визит к Музам», учредитель и организатор Международного форума писателей.

Учредитель и организатор Международного симпозиума скульпторов, автор проекта Международный конкурс «Гомер».

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА В НАТУРАЛЬНУЮ ВЕЛИЧИНУ

Бесшумно двигаясь, вошла ночная нянечка со стопкой чистого белья. И тут же с покорной ожесточённостью принялась подкладывать судна, сдирать прокладки, подмывать голые попки. Запахло прелостью, болезнью и ещё чем-то отвратным. Но нянечка бесстрастно приподнимала одеяла, открывая взгляду убогую больную наготу. Многие уже привыкли к этой процедуре. Некоторые ещё стеснялись и отводили глаза в сторону.

- Ишь ты, застыдился, маменькин сынок! - время от времени бормотала сквозь зубы Ленка, удивляясь своей злобе.

«Нервы совсем сдали», - подумала она, и стало жаль себя до невозможности.

Алексис проснулся, едва одеяло слетело с его ног. Хотелось спать. Бледный свет рождающегося дня, проникающий через огромные незашторенные окна, вызывал омерзение. Рук нянечки он практически не чувствовал. Нижняя часть тела была парализована. Ленка ловко повернула его к стене. Ему было стыдно.

«Как мешок с тряпьем», - думал он, пока Ленка подкладывала под него судно. Несмотря на то, что Алексис сдерживался много часов, он никак не мог опустошить кишечник и всё время косился на няню.

- Деликатный какой! - проворчала Ленка, кокетливо поправляя копну сгоревших под перекисью водорода волос. Печальному и трагичному Алексису она симпатизировала особенно. - Тужься! Ну, тужься же!

Алексис густо покраснел. «Как барышня!» - с нежностью подумала Ленка.

- Леночка, отойдите, пожалуйста! - попросил он. -

Мне же неудобно.

«Ишь ты, Леночкой зовёт! Все всю жизнь Ленкой кличут, как собаку какую. А он - Леночка!»

Алексис устался на крашенную блестящей белой краской стену и тужился. «Тужься, милый!» - шептала Ленка. И он покорно тужился. Вдруг он охнул, замер на секунду, пытаясь удостовериться в своих чувствах. В глубине повязок что-то тёплое обильно разливалось...

Двери были открыты настежь, и в дверном проёме виднелись две фигуры в белом. Ленка стояла к ним лицом и что-то шипела. Первый солнечный луч задрожал на её спине. Алексис прищурился. Глазам было больно. Одурачивающая слабость разлилась по телу. Он слышал слова, но их значение уплывало в серый, хлопьями, туман.

- Где родственники? - строго вопрошал высокий в белом халате столбом. - Кто даст согласие на операцию?

- Родственники в Афинах..., - сбивчиво, глотая слова, докладывала Ленка, - жена ушла к другому... Яд... Найден в бессознательном состоянии...

- Знать ничего не знаю! Жену достать из-под земли! Больного готовить к операции! На мой страх и риск.

Но тут комната поплыла перед взором Алексиса. И как раз перед тем, как уплыть совершенно, до его сознания внезапно дошло, что больным, которого требовали готовить к операции, был он - Алексис Кастелланос, а жена, которую пытались достать из-под земли, была его женой - Эммой Шварц.

Он увидел тени,двигающиеся на него. Видел своё тело, плывущее в холодной лодке. Свои вывернутые

ноги. Недвижные руки. Чьи-то серые лица над собой. Слышал подбадривающие его слова Ленки. Но он не в силах был реагировать. И его мало интересовали серые руки, держащие над его головой флакон с физиологическим раствором, холодная тележка, скользящая по мрамору пола, да и само его тело - недвижимое и закованное.

Он уже плыл в ледяное Ничто. А там, в этом бесцветном холоде, стояла Эмма. Угловатость её фигуры особенно резко выделялась на льду. Её щеки были бескровны. Её глаза - безжизненны. Она слушала его рассуждения и молчала. Алексису казалось, что мысли исчезают в её голове, разлагаются на нейтроны.

- Значит, ты отказался от премии, - наконец-то подвела она итог, и тон её был обвиняющим.

- Отказался, - подтвердил он.

- Но ведь..., - снова зазвенел её голос, - ты только что говорил, что эта премия - самая высокая честь, которая когда-либо была оказана тебе. Что жизнь - это война умов, что каждый пытается её выиграть... Ты ведь говорил это?

Она показала Алексису особенно беспомощной в этой своей неудачной попытке понять его. И тогда он даже подумал: не холод ли всему виной? Не от того ли, что слова его замерзают на полпути к ней, превращаясь в сосульки?

- Да, я говорил, - мягко подтвердил Алексис. - Но ты пойми: не все принимают участие в этой войне. Некоторые просто наблюдают её со стороны.

- Я думала, что ты - человек умный!

- А я - неумный?! В чём, собственно, разница? Мы все делаем одно и то же - умные и не очень - работаем, платим налоги, проливаем кровь. Глупый - потому, что боится наказания. Умный - потому, что верит в высшее предназначение разума.

- И ты отказываешься от премии только потому, что веришь в это самое высшее предназначение?

Боже, как холодно! Почему так холодно?! Алексиса не оставляла мысль, что однажды этот разговор уже происходил. И, вероятно, от этого наполнялись тяжёлой и безысходной болью руки и ноги.

- Всё ты неправильно поняла! - захотелось ему закричать, но из горла выходил всё тот же, холодный, бесцветный звон. - Всю жизнь я пытался не вмешиваться в политику. Считал, что у каждого есть свой, определённый путь в жизни. У политиков - принимать решения. А у меня - рисовать.

- Так было до вчерашнего дня, вероятно, - язвительно заметила она.

- Это решение пришло ко мне не вчера, - возразил он, не замечая этой её язвительности.

Ну почему, почему его не оставляет мысль, что всё это уже было? И этот напрасный разговор. И эта невыносимая боль. И даже этот холод...

Да, да и этот бесцветный холод тоже был. А главное, главное было и это его решение: отказаться от премии. Конечно же, он не верил в успех своей затеи. Он знал - правда никому не нужна, справедливость никогда не выигрывает в этом мире.

Но впервые в жизни он был уверен, что ничтожно

мало только рисовать, что надо сделать ещё что-то. Что-то очень важное. Сказать своё слово, например. А тут как раз американцы стали бомбить Афганистан, как они уже до этого бомбили Кувейт и Югославию. И Алексис вспомнил годы войны во Вьетнаме.

Тогда демонстрации протеста прокатились по всему миру. Так почему же сегодня все молчат? И именно это их сегодняшнее молчаливое сообщничество оскорбляло Алексиса почти так же, как оскорбляло его воспоминание о своём собственном молчании. Тогда он считал (вероятно, по иронии судьбы!) что самое важное в его жизни - это творить. И ничто, ничто не должно отвлекать его от этого. И вот сегодня ему стыдно за эти свои мысли.

- Теперь ты понимаешь, что я просто обязан показать тем, кто ведёт эту скандальную войну, что я - против? - И Алексис с ожиданием заглянул жене в глаза. На секунду ему даже показалось, что она поняла.

- Какой же ты дурак! - вдруг закричала она, и этот крик прорвал, наконец, ледяное пространство. - Надеешься на то, что я приму участие в этом дурацком спектакле, который ты станешь разыгрывать перед средствами массовой информации?! Ну, уж дудки! Я устала от твоих бредовых идей. Я устала от тебя... И вообще, хорошо бы тебе узнать, что я люблю другого мужчину и хочу связать с ним жизнь. А ты можешь катиться к чёрту. Один или с премией...

Алексис открыл глаза. Он лежал на больничной койке. Тело было ватным. Рот пересох. Солнце уже заходило. Лиловые тени ходили по белёсым стенам. Палата шумела обычным больничным шумом. Кто-то стонал. Кто-то икал. Кто-то рассказывал непристойные истории. Воняло разваренной капустой, прелым бельём и хлороформом.

«Не умер», - вслушиваясь в биение своего сердца, думал художник. Но счастливым от этого себя не чувствовал.

Ему даже казалось, что там, в ледяном тумане, было уютнее и вернее. Он с раздражением разглядывал палату. И так, его вернули сюда, в это больничное убожество. В это бессмысленное существование, где он любил, и не был любим.

Алексис попытался представить себе Эмму. Возникли бледные узкие губы, колючие карие глаза, излом тёмных бровей. Вспомнилась её манера глядеть на собеседника исподлобья. Всплыла худая жилистая шея с кадыком. Но Эммы из этого всё равно не получалось.

Алексис даже застонал, утомлённый этим усилием. И вдруг он увидел её. Но увидел не сегодняшней Эммой, а такой, какой она впервые появилась на его вернисаже пятнадцать лет назад. Красные волосы её стояли дыбом. Блестящие лиловые губы упрямо сжимали сигарету в углу рта. Дырявые джинсы обтягивали тело, как вторая кожа. Прозрачная нейлоновая блузка открывала взглядам прохожих её молодые прелести. Ботинки-вездеходы скрывали малюсенькие розовые ножки.

Да, такой она и была - девочкой-дивой, готовой на всё. Соблазняющая всех и всё, в том числе и своё зеркало. Она обожала игру взглядов, улыбки и комплименты. Она радовалась открытому желанию, горящему в глазах соблазнителя. Она нуждалась в любви одного мужчины

и в обожании всех остальных. А потому флиртowała бесконечно.

Что могло привлечь его, зрелого мужчину, в этой девчонке? Печальная её улыбка? Боль, время от времени появляющаяся в её глазах? Лёгкое дрожание её маленьких розовых пальчиков? Нервный кризис - в неполные двадцать... Отчего? Дело в том, что он всегда хотел чувствовать, будто нужен друзьями даже недругам. Это его и погубило.

Он рвался помочь всем: пострадавшим от несчастной любви подругам и терпящим денежный кризис друзьям. Причём он не просто совал нуждающемуся в руки пачку денег, а пытался вникнуть в суть дела, помочь советом. Он обладал совершенно удивительным талантом решать любую проблему. И тот, кто имел достаточно мозгов, чтобы последовать его советам, всегда оставался в выигрыше.

Алексис умел поставить на рельсы любое, даже никуда не годное предприятие. Ибо ясно видел все слабые стороны дела. И умел этим своим видением пользоваться. Единственное, чего он так и не сумел (или не захотел) разглядеть, это чем была его жена - Эмма Шварц. И продолжал строить своё гнездо с настойчивостью маньяка.

- Алексис, голубчик, проснитесь! - теребил его кто-то за плечо.

Но он упрямо сжимал веки. Зачем беспокоить его теперь, когда он обдумывает не чужую, а свою проблему! Нет, он не проснётся! Нет, нет и нет!

- Голубчик, проснись! - упрямо встряхивала его мягкая рука.

Ленка чутко прислушивалась к его дыханию.

«Ах, Леночка, это вы!» - с трудом открывая глаза, выдохнул Алексис. Молодой жар, исходящий от девушки, согревал его истерзанное ядом тело. Ему хотелось лежать так вечно.

- Только вы не спите, - щекой чувствуя его сонное дыхание, сказала она. - Нельзя вам сейчас.

Леночка, - снова зашептал он, - выходите за меня замуж! Выйдете?

Лена затаила дыхание. Стало слышно, как бьётся её сердце.

- Почему вы молчите? Брезгуете инвалидом?

- Что вы! Я?! Нищая русская эмигрантка, обыкновенная медицинская сестра, несостоявшаяся жена. Кто я по сравнению с вами? Пыль на ногах божества...

- Пыль, - задумчиво повторил он. - Да какая же вы, к чёртовой бабушке, пыль? Уж скорее, родник, нежно журчащий среди гигантских корней платанов. Прохладный и свежий.

Лена слушала и таяла.

- Так и хочется прильнуть к нему и пить. Пить до опьянения... - И он устало прикрыл глаза.

- Вам нельзя спать!

- Что же мне делать? - беспомощно протянул он. - Ночь на дворе.

- А вы рассказывайте мне...

- Что?

- Всё, - торопливо зашептала она. - Всю свою жизнь.

- Всю жизнь, а? - пробормотал он и стал вспоминать.

Как это было? К успеху он шёл долго, мучительно. Нескончаемые ссоры с матерью, мечтавшей для сына о карьере генерала, изводили его душу.

- Ты должен быть как твой отец, - упрямо твердила она, и от этого упрямства болезненно сжималось у Алексиса сердце. - Генеральство даёт кучу преимуществ.

Спорить с ней было невозможно. Может, отец и был генералом армии, зато дома генералом была она - Афанасия Кастеллани. Взгляд её пылал, щёки горели, когда она отдавала приказы домашним. Детей она недолюбливала, мужа презирала, дом и хозяйство ненавидела. Вера и скупость были её страстью и отрадой.

Военное училище Алексис бросил тайком. И тайком же поступил на математический факультет. Его мать узнала об этом только через три года, когда он бросил и политехнический, чтобы поступить в Академию художеств. Никакие преграды не страшили Алексиса, никакой путь не казался ему тернистым. Если уж он принимал какое-либо решение, то шёл вперёд. Может медленно, но верно.

С Эммой он познакомился в Париже. Этот вернисаж Алексис помнил так, словно это было вчера. Она была студенточкой, отирающейся на всех вернисажах, девчонкой с талантиком размером с пятидрахмовую монету и таким же легковесным. Словом, она была тем, что в их богемных кругах называют «приманкой на крупную рыбу».

Но Алексис был слеп.

Он даже привёз её в Афины, чтобы представить своей матери.

- Девчонка что, католичка что ли? - взвилась его мать.

- Протестантка, мама, - он совсем не хотел ссориться с ней.

- Пусть примет нашу веру!

- Послушай, ну, в самом деле...

- Пусть примет нашу веру, - упрямо загорелись щёки его упрямой матери. - Иначе свадьбе не бывать!

- Да ладно, чего там! - легкомысленно отозвалась Эмма. - Не всё ли равно! Готовьте священника, пусть крестит.

- Что-то легко ты отказываешься от веры предков, - подозрительно покосилась Афанасия в сторону будущей невестки. - Честно скажу - не нравится мне это. Не нравится!

Но Алексис был слеп, и священник скрепил их узы ортодоксальными цепями.

- Хочу назад, в Париж! - упрямо сжимая тонкие лиловые губы, говорила молодая жена уже через месяц. - Ты целые дни проводишь в мастерской. Твоя мать пилит меня без остановки. Дом полон богомолков. Я сдыхаю от скуки! Назад, назад, в Париж!

Афанасия грустно качала головой. А Алексис... Алексис был слеп. И они уехали обратно в Париж.

- Вот так это и было, - говорил Алексис нянечке.

- Бедный! Бедный! - сочувствовала Ленка. - Ну, а на Сиросе как оказались?

- В мае умер папа и оставил мне дом на Тиносе. Я пятнадцать лет не был на родине. Но когда пришло извещение о смерти, то...

Он задумался, пытаясь словами объяснить необъяснимое.

- Я как раз писал портрет Эммы, когда мы снова рассорились. В последнее время она упорно пыталась регулировать мои решения, и наша совместная жизнь становилась всё напряжённее день ото дня. А тут ещё и эта премия... Мне было так тяжело отказаться от неё!

- Тогда зачем надо было отказываться?

- Потому, - сказал он, судорожно глотая воздух, - что иначе я не смог бы жить в мире с самим собой. Понимаешь?

- Понимаю, - прошептала она.

- Ну вот, теперь я уже забыл, зачем я тебе всё это рассказываю.

- Яд..., - напомнила она. - Ты думал, что не сможешь жить без неё? Ты любил её так сильно?

Он засмеялся. И этот глухой, усталый смех прозвучал как-то неуместно.

- Нельзя любить сильно или слабо, - наконец произнёс он. - Либо любовь есть, либо её нет. Я любил Эмму. Но я не знаю, выпил ли я яд из-за неё...

Вот и объясни ей теперь! Да и как объяснить, когда Алексис и сам не очень-то представляет себе почему. Любовь... Да, была и любовь. Его, Алексиса, поруганная любовь. Но разве этого достаточно, чтобы отказаться от жизни? Мыслей было много. Они кружились в голове, насакивали друг на друга, причиняя Алексису нестерпимую боль.

И оттого ли, что мысли брыкались, как дикие кони, оттого ли, что темнота сжималась вокруг Алексиса, но только он никак не мог найти смысла во всех этих образах, бросающихся на него. Картина... Она была как открытие земли неизвестной. И жюри это поняло - Алексис был представлен к этой невероятной награде.

Отказаться от награды Алексису было так трудно! И тем болезненнее была мысль, что никого его отказ не заинтересовал. Приз взял другой. Не потому, что заслужил... Но это его теперь все поздравляли. Нет! Не то его беспокоило! Что-то всё равно ускользало от его внимания.

Алексис всегда был деятелен, и никогда никакие преграды не были ему страшны. Но разрушительные мысли бродили в нём, вызывая недовольство собой. Сначала Алексису казалось, что его слишком увлекают в социальную жизнь. Что ему полагается отказаться от мира и посвятить себя служению искусству. И он так в своё время и поступил. Избегал общества людей, замкнулся в себе, и судорожно пытался найти неизведанное.

Но только ему удалось сказать своё слово в живописи, как его охватили новые сомнения. Алексис решил, что напрасно вырвал мир из себя. Ведь он - Алексис - часть этого мира, часть этого неизведанного. Тогда он решил взять реванш... Но реванш провалился с грохотом. А вместе с реваншем, как оказалось, провалилась и вся его жизнь. Ушла из-под носа и премия. Ушла радость. Ушла любовь.

- Может, - закончил Алексис свой рассказ, - тебе это показалось неромантичным? Вы, женщины, так жаждете романтики. Мне иногда кажется, что вы и сами не знаете, что это такое, но продолжаете хотеть. Просто так, из упрямства.

И Алексис умолк, изнурённый воспоминаниями. За окном бушевал Борей, наваливался всем своим телом на тяжёлые рамы, звенел стеклом окон, наводняя душу Алексиса тоской.

- Эмма была упрямой. Ей не хватало действительности. Впрочем, я теперь подумал... Мне, ведь тоже, не хватало действительности! Может, поэтому я и выпил яд, - он глубоко вздохнул. - Ну, а остальное ты знаешь. С Тиноса меня прямоком отправили на Сирос. И вот я здесь, несчастный калека.

- Ах, сердешный! - шептала Ленка, прижимая к груди красные, распухшие от бесконечной возни с водой, руки.

- Так что Леночка, пойдёте за меня?

- Пойду! - просто ответила она.

- Ну и хорошо, - сказал он и снова закрыл глаза.

И тогда это произошло. Сначала в коридоре послышался дикий вопль. Потом топот ног. «Уведу!» - неслось за дверью. - «Где врачи? Подать сюда!» И, наконец, Эмма, безупречно одетая и завитая, появилась в дверном проёме, только щёки раскраснелись от крика.

Через неделю они опять были в Париже. Алексис лежал в одиночной супермодернизированной палате супермодного санатория. «Влетит мне это в копеечку!» - думал он, оглядывая сверкающие стены и бесчисленные кнопки у изголовья. Эмма появлялась вечером. Всегда нарядная, с букетом цветов. Алексис не спрашивал, куда девался тот, с которым она так рвалась устроить свою жизнь. Вообще говорили мало.

- Привези мне краски, - сказал он ей однажды. - Я уже могу сидеть в кресле. Буду писать.

На следующий день рабочие с трудом протащили в дверь мольберт, внесли краски, холст. Алексис подъехал к мольберту на инвалидном кресле. Заказал полукруглую раму. Потребовал чистого золота.

- Ты что, икону писать будешь? - холодно поинтересовалась Эмма. К своей вере она была также равнодушна, как и к отцовской.

- Можно сказать и так, - туманно отозвался Алексис. Захваченный идеей, он работал до изнеможения. Врачи только качали головой, видя это. И выговаривали ему, пугая будущим. Он смотрел сквозь них. Казалось, его глаза обратились внутрь. Совсем так, как ему когда-то хотелось. Он не слышал, что ему говорили. Он не видел, кто с ним говорит. Он вглядывался в свои ощущения.

Через двенадцать дней он сбросил с мольберта грязную тряпицу. Эмма подошла ближе. Вгляделась и содрогнулась. С полотна глядели прямо ей в глаза мёртвые глаза её мужа. Зелёное лицо было измождённым и холодным. На роскошных мужских плечах блистала изысканной вышивкой ряса. В костлявых руках Алексиса-портрета держал, как благословляющий крест, три кисти: во имя отца, и сына, и святого духа.

- Аминь, - сказал Алексис. - Теперь я могу умереть спокойно.

Ирина Явчуновская

Родилась и работала в Крыму, живет в Хайфе. Окончила факультет романо-германской филологии Симферопольского университета им. Вернадского и факультет искусств Ливерпульского университета, Англия.

Автор десяти книг. Это - сборники стихов и переводов и иллюстрированные книги для детей. Переводила на английский язык книги (стихи и прозу) других авторов. Печаталась в периодике в России, США, Германии, Англии, Израйля.

Лауреат премии им Давида Самойлова - 2017 г. Член Союза писателей Израйля и Международного Союза литераторов и журналистов - ARIA, Лондон.

Неотправленное письмо

Огни большого города
Глохает водоём.
Дождями небо вспорото,
Гремит охрипший гром.
На тротуары брошены
Прошедшего следы,
Торопятся прохожие,
И между ними ты.
А тут закаты спелые,
Пальба и толкотня,
И солнце оголтелое
Вонзается в меня...
Вот так и получается,
Всё так и будет впредь:
Тебе - дождями маяться,
Мне - зной перетерпеть,
Не мерить расстояние
Полётом каблучков,
А мерить расставание
Рекой без берегов.

Сакура

Как по синей скатерти сахаром,
Отражаясь в канве озёр,
Рассыпаются ветви сакуры -
В синеве кружевной узор.
Ветер с юной листвою венчается.
В светлой дымке клубится даль.
И тебе ни к чему печалиться -
Где-то рядом расцвёл миндаль.
Завертелось вишнёвым облаком
Дня цветастое кимоно.
Так весне в обновлённом облике
Перед миром предстать дано.
Всё вокруг синевой безбрежною
Наполняется, дарит свет,
Чтобы дни лепестками нежными
Распускались на кроне лет.
Если долгую зиму выстоял,
Ледяную сорвал печать,
Слушай трели весны неистовой,
Утоляй холодов печаль!

На семи ветрах

Мой старенький дом теперь
Исчез, превратился в прах,
И нынче я, верь-не верь,
Живу на семи ветрах.
Мне ветер любой знаком,
И каждый из них мне брат.
Они прилетают в дом,
И в доме моём гудят.
И каждый из них акын,
У каждого свой куплет.
О море поёт один,
Другой про закат-рассвет.

А третий поёт о том,
Что знает, как мир жесток,
Четвертый - о прожитом,
У пятого - блюз дорог.
Шестой навевает сон,
Влетая в ночную тьму.
Седьмой - самый мудрый, он -
Подводит итог всему.
Трепещет в ночных шатрах
Небесное полотно.
Пожить на семи ветрах
Мне, стало быть, суждено.

* * *

Ну где же ты дождь? Не медли!
Ты будто застрял в пути.
Ударь оркестровой медью
И лейся, шуми, гуди!
Над городом, полем, домом
Над крыльями сизых стай
Греми барабанным громом,
Листву ноября листай.
Стучи об асфальт тяжёлый,
И серость небес круши!
Приди - озорной, весёлый.
Сбрось камень с моей души.
Вливайся потоком в жижу,
В зелёную вязь болот.
Мой дождь! Помоги, дай выжить.
Смой длинную тень невзгод.

Лиловый закат

Лиловый закат обволакивал лаской.
Мелодия флейты и шорох волны -
лиловые краски, лиловые сказки
летали, витали и прыгали в сны.
В далёкую пристань в лиловую бездну,
как будто по морю, плыла наугад.
Но серая краска, всё ставя на место,
давно заслонила лиловый закат.
Туман нависает, и всполохи реже,
и стражником грозным навис небосвод.
Плачу за ошибки, так что же, как прежде,
лиловая сказка ко мне не идёт?
А может устала?
Устала, наверно,
хрустальные сны разбивать об асфальт.
Но кто мне укажет, что было неверно,
тот в жизни не видел лиловый закат.

* * *

О чём рассказать ещё?
Не о чём. Просто так
прилёг на моё плечо
вечер - колдун, чужак.
Ветер стучит в окно,
просится в тёплый дом.
А за окном темно...
О чём же я? Не о чём.
На свой огонёк зову.
Ночные огни в окне.

О чем прошу наяву,
Придёт хотя бы во сне...
Приснится мне дребедень,
Но сказка всегда права.
Затеплится новый день,
Захочет вступить в права.
Я буду ждать перемен,
и, видимо, не дождусь.
Но свет, прогоняя тень,
растопит ночную грусть.

Переводы Сара Тисдейл

Древо Песни

Пела песни свои другим,
С тобою нема.
Стало древо песни нагим
На вершине холма.
Гордым ветром листву мою
Ты вскружил, далеко унёс.
У конца дорог, на краю
Листья брошены под откос.
Стало древо песни нагим.
В синем мареве тень ствола.
Песни я отдала другим,
Себя - тебе отдала.

Синие цветы

Миллионы апрелей ушли в пустоту
До меня, и явилась мне новь -
Белоснежная ветка черешни в цвету,
Синева васильковых лугов.
И когда я уйду в поднебесную твердь,
И закружат апрели опять,
Будет дерево пламенем белым гореть
И цветок синевой полыхать.
О гори же со мною, пылай красота,
Обжигай меня, чтоб не угас
Этот блеск и огонь никогда, никогда,
Даже в день мой последний и час.
О дрожащий цветок или ветка в окне!
Сине-белой лучистой волной
Обожгите, чтоб в том нескончаемом сне
Шрам остался навеки со мной.

Дина Лебедева

Родилась и живу в республике Карелия – красивейшем и удивительном крае, воспетом не одним поэтом. Стихи и прозу начала писать еще в школе.

Печаталась в различных альманахах, газетах и журналах. В 2014 году в свет вышел авторский сборник стихов: «По кончику пера скользило Слово», а в начале 2019 года сборник стихов «Запах осени»

Долгое время входила в редакторский состав медийной группы международных литературно-публицистических изданий «Интеллигент». Была главным редактором изданий.

В сухих глазах ты не отыщешь слёз:
Иссох до дна живительный источник.
Из них текут стихи, текут по строчке,
Пропитанные чувствами насквозь.

Не промокнуть с лица их, не стереть:
О, это чувство полной безнадёги -
Когда в пути отказывают ноги,
Уходит из-под них земная твердь.

В тот миг укрыться хочется в себе,
Исчезнуть из безжалостного мира,
Где ты лишь точка длинного пунктира,
Звено из разомкнувшихся цепей.

Но я стихам.... Началу из начал...
Без слез наружу, с капелькою боли -
Стекать свободно по щекам позволю,
Чтоб голос мой напрасно не звучал...

Я падала в небо, цепляясь за крыши,
Хватаясь за скользкие своды “колодца”.
Казалось, что ветры февральские слижут
И бросят в жаровню бесстрастного солнца.

А что на Земле? Всё останется прежним:
Распутье дорог и дебаты с экрана,
Беспомощность веток зимой без одежды,
Страна на прикорме небесною манной.

Ничто не изменится - та же картинка,
Меня в вышине голубой не заметят...
Исчезну с российской земли невидимкой,
Снежинкой вернусь через годы-столетия.

Но вспыхнет весна детонацией почек...
А с ними, глядишь, и грянут перемены.
И я торможу... Вдруг из вас кто захочет
Не дать улететь мне, подаст руку первым?

Меня укачало на этой планете...
Сойти не могу, потому что боюсь.
Причина одна: я сегодня в ответе
За тех, кто мне дорог, поэтому пусть
Сбивают ветра, ледяные метели,
Держусь за соломинку, что не видна,
И радуюсь первым дождикам капли,
Симптомам застенчивым: скоро весна
Растопит снега и заполнит пространство
Победою жизни над вечною тьмой...
Она будет вовремя, словно лекарство,
И я распрошаюсь с белесой зимой
Осипшей, больной и уставшей до срока,
Себя потерявшей в своем феврале...
А мне бы дойти, не упасть у порога
С «болезнью морской» на земной колее.

*“Приходи на меня посмотреть.
Приходи. Я живая. Мне больно.”
(Анна Ахматова)*

Приходи на меня посмотреть
Из своей немоты громогласной.
Паутинок морщинистых сеть
Постарайся не видеть...
Напрасно -
Я их утром и на ночь, и днем
В заблуждение ввожу биокремом.
Безуспешно пытаюсь потом
Вспять вернуться хотя бы
На время...

В густо-красный январский закат,
Обещающий ветер на завтра,
И морозов безжалостных спад,
В теплоту между нами...
Возвратом -
Равномерно-насыщенных дней:
/Свет и тени - всего понемногу/,
Робких мыслей о близкой весне,
Оборвавшихся вечной
Дорогой...

Той, с которой уже не сойти,
Ни зимой, ни весной и ни летом.
На меня посмотреть приходи
После тьмы перед новым рассветом.

А встречи не будет. Ни завтра, ни позже.
Привязанность больше любовь, чем привычка!
И жертвовать в сырость последнюю спичкой
Сейчас несерьезно: себе же дороже.

Ведь я отгорела. Такое бывает...
Привыкла к большому, серьезному чувству.
Пусть мысли мои далеки от искусства:
Из снега и льда силуэты ваяю.

Внутри их прозрачной, немой оболочки
Слезам замерзшими - капельки света.
Они до весны не видны, под запретом,
Декабрьские ночи им дарят отсрочку.

Морозные дни для последних наградой,
Чем жестче зима, тем сильнее неприступность.
А то, что внутри невесомая хрупкость,
Так это излишки, кому это надо...

Я их берегу от тепла, охраняю.
Ведь это мое, не для всех, очень близко.
Они далеко - в небе снежною стаей...
Забыть, изменить им, по-моему, слишком.

Забота есть в несказанных словах,
Слетевших вдруг пугливой птичьей стайкой
С безмолвных губ, а позже без утайки
Пришедших навестить меня в стихах.

В которых, что ни слово - не моё,
А посланное, очевидно, свыше.
Там, как и здесь, и чувствуют, и дышат,
Отвергнув прочь свое небытие...

В сезон разлук, туманов и дождей,
В ноябрьский вечер, мрачный, неуютный,
Когда мелькают искрами минуты,
Звезда моя присутствует везде...

Боюсь спугнуть, боюсь не записать,
Но шепот слов все глуше, тише, реже...
Под утро угасанье неизбежно,
Лишь всполохами светится тетрадь.

В небесных строчках прежняя любовь,
Тревога, грусть, болезненность разлуки.
Мой стих с небес ложится прямо в руки
Обрывками неизреченных слов...

Звезда моя - Светило из Светил.
Свет Вечности ее благословил...

Опять февраль, по Пастернаку
Пытаюсь раздобыть чернил,
Не из-за мокрых внешних знаков,
Чтоб солью влаги мерить слякоть.
Слез нет, их лютень иссушил.

Пролетки нет и гривен тоже,
Давно умолкнул клик колес.
Надежда мне сейчас дороже,
Она, волшебная, поможет
От грусти спрятаться всерьез.

Перенестись туда, где солнце
Затмит собою стаи птиц,
Где в небе - кверху дном колодце
Хрустальных звуков колокольцы
Обрушатся росой ниц.

Уйдут сомнения, как прежде,
И слякоть будет не страшна -
Взорвется почками весна,
Черемух горьких белизна
Окатит радостью безбрежной!

Но Пастернак в стихах навзрыд
С весною черной и гремучей,
Сухою грустью в очи с кручи,
Грачами, что собрались в тучи,
Не будет мною позабыт...

Сергей Пашков

Издатель, художник, публицист. Занимается формированием научного представления космогонии, как писаний народов мира (предания, мифология, легенды). Получил в составе авторской группы три международных сертификата Академии Естественных Наук России, Института Интеллектуальной Собственности Р.Ф., Российского Общества Оценщиков. (Программа по использованию экспозиционных субъектов Р.Ф. в качестве носителей информации, которая была признана Ноу-Хау) За свою издательскую деятельность, издавал авторские альманахи и газеты, входил в редколлегию Американского журнала «Острова/Islands».

У Сергея очень оригинальный художественный стиль картин, который несет в себе огромную ассоциативную информацию. Картины могут сопровождаться толкованиями или такими же емкими ассоциативными текстами. Кроме авторской художественной выставки, работы Сергея публикуются в Российских и зарубежных журналах. Имеет множество российских и зарубежных наград.

ЧТО ТАКОЕ СИМУЛЯЦИЯ?

Я разделяю природную симуляцию и техническую. Природная симуляция есть у многих живых существ, например, некоторые животные при опасности имитируют, что они мертвые и невкусные. Другие, напротив, могут привлекать других для различных целей, от питания до размножения, хотя это больше относится к стимулированию.

Может сложиться мнение, что и природный мир - сплошная симуляция, но это далеко не так. Так как для разных познаний у многих существ есть естественная их среда обитания - обычные естественные для них состояния или обстоятельства (бытие). Естественность в таких случаях выступает как свободное для них состояние, поведение, отношения к их познаниям в иных естествознаниях. Простой пример: человек может в гостях или в некой среде общения быть скованным и вести себя несвободно - стесненно, но стоит ему прийти к себе, в мини-бытие дома, так он чувствует себя уже свободно в своем естественном бытии.

Бывают и обратные отношения, когда люди встречаются с иной естественностью и, принимая новое мировоззрение, уже стесняются бывшего своего естественного образа. Такой пример еще описан от начала Библии, когда для земных Адама и Евы их кожный и волосной покров и были естественной их одеждой. Но уже тогда городские жители считали свою рукотворную одежду естественной. После грехопадения, мировоззрение Адама и Евы перевернулось, и они уже стали стесняться своей наготы. По их стеснению божий садовник и понял, что они вкусили непотребных плодов. Более

подробно этот вопрос рассмотрен мною ранее в работах, посвященных космогонии народов мира.

Вообще симуляцией занимаются не только в театрах, в спорте, но и в других местах и по разным случаям. Однако живым существам даны особые чувства и опыт, когда они не только чувствуют, кто и что имитирует, но и реальную естественность. Потому то и не следует весь мир сводить к сплошной симуляции, тем более к технической.

Техническая симуляция это не только особые компьютерные программы, которые имитируют различные ситуации, игровое некое соучастие или некие представления реальностей и фантазий, а даже простейшие кадры из первых фильмов. Некоторые помнят, как на экране показывали приближающийся поезд, а зрители в страхе соскочили и побежали к выходу, так как посчитали это реальным. То есть человек, даже смотря какой-то фильм, может чувствовать соучастие и сопереживание тому, что показывают.

Однако и в технических факторах, конечно же, есть естественность или документальность к неким реальностям. Следовательно, различные фантастические идеи о том, что всё в мире есть лишь симуляция, я считаю в корне не верными, так как многое лишается свободы в их естественности. Считаю такие идеи больше противостоят естествознанию, как и документальному - техническому фактору.

К этому моему краткому представлению, что есть симуляция, и для более простого понимания предоставляю короткое эссе.

СИМУЛЯНТ

Сеня с детства даже и не заметил, как стал с помощью симуляции добивался желаемого. Дадут ему кашу, а он за живот хватается и стонет, мол, ну никак ему сейчас эта каша не нужна. Отложат кашу в сторону, дадут компот с пироженкой и вот живот у него это как бы уже и приемлет. Пошел в школу и там симулировал всякие болезни, особенно, когда на физкультуру, или, когда контрольная работа.

Еле-еле закончил Сеня школу, а тут - либо в армию, либо надо поступать в ВУЗ, где есть военная кафедра. А там особо посимулировать то не получится, что при поступлении, что в армии. Однако и тут он умудрился сказать боленному, и от армии “откосил”, при этом Сеню обожавшая его мама пристроила на простую и легкую работенку, так сказать, носить рейку и выполнять несложную работу для планирования строительных объектов.

Нивелирощик наводит зрительную трубу, а рейку, устанавливая на заднем пикете. Элевационным винтом приводят пузырек цилиндрического уровня на середину, и по средней горизонтальной нити сетки снимают отсчет по рейке. Отсчеты, на каждой станции снимают в определенной последовательности: по черной стороне задней рейки; по черной стороне передней рейки; по красной стороне передней рейки; по красной стороне задней рейки. Нельзя забывать, что перед снятием каждого отсчета пузырек цилиндрического уровня должен находиться посередине. Отсчеты, с точностью до миллиметра, после каждого их снятия, записывают в соответствующую графу журнала нивелирования. Нивелир снимают со станции тогда, когда, будут проконтролированы отсчеты и точность определения превышений.

Хотя и в эти тонкости Сеня особо не вникал, а просто исполнял то, что ему говорил геодезист. Короче, как говорил сам Сеня, он “качал рейку”, то есть носил её и устанавливал в том месте, где ему говорили, а все его старания были только в том, чтобы держать рейку ровно. Конечно, за такую работенку ему платили немного, но он особо ни в чём и не нуждался, живя то у бабушки, то дома с родителями на всем готовом. Зато у него появились уже серьезные личные деньги, а не так, карманные расходы.

Мама у Сени работала начальницей при строительной городской конторе (так она и пристроила Сеню на такую работу). Вообще они с бабушкой старались во всем опекать его, чему изначально, очень не рад был его отец. Тот часто называл Сеню симулянт, который не стремится даже становиться естественным и живет постоянно в своих только фантазиях и притворствах. Хотя отец был довольно серьезным человеком, но из-за опекунов жены и бабушки он не особо был строг к Сене.

Работал он программистом и даже дома был увлечен этим занятием, а так как жена и тёща занимались Сеней, то сам рано отошел от его воспитания.

И вот однажды отец Сени пришел, взволнованный, домой и сообщил, мол, некие ученые выдвинули абсурдную идею, что все есть симуляция. Весь мир и сами даже люди, якобы, - некая лишь компьютерная симуляция. Хотя Сенин отец и был увлеченным программистом, но на эту идею отреагировал эмоционально - отрицательно, чем даже озадачил свою супругу.

- Что ж тебя так это взволновало то? Ведь по этой версии выходит ты сравним с самим господом Богом!

- Что ты такое говоришь? Вот у нас родился и вырос реальный симулянт-сынок, так это он многими сам манипулирует, но до сих пор никто толком не смог почему то повлиять на него!

Тут из другой комнаты выглянул недовольный Сеня и заявил:

- Вы чего это так громко говорите, у меня даже голова болеть начала.

- Давай, давай, симулянт, рассказывай нам про больную голову, хотя мы тебе с матерью помешали музыке слушать!

- Ну можно же и потише говорить, - и Сеня скрылся за дверью своей комнаты.

Он даже и не догадывался о новой теории о всеобщей симуляции, которую выдвинули некие горячие головы научного сообщества. Хотя уже была информация, когда заигравшись в компьютерные кровавые игры, некоторые, прибывая еще в игровом трансе, путали реальность и совершали порой жуткие даже вещи с собой и с другими. Отец Сени не был противником симуляции тех реальностей, которые для нашего восприятия попросту без таких компьютерных программ не доступны. Однако они - только для помощи ученым и исследователям. Подобные идеи об всеобщей симуляции коробили его естественность и естествознания. Тут он и сам впал в некую фантазмагорию, мол, вот был бы у него хотя бы некий джойстик, а у Сени был бы чип, вот тогда бы он как надо воспитал его. Эти фантазии у него быстро улетучились, так как это ему показалось тотальной тюрьмой, где все лишены свободы в выборе, а действуют или бездействуют от манипуляций того оператора, который и задает лишь нужные ему программы в глобальной симуляции реальностей.

На следующий день он подал заявление на расчет, а, отработав две недели, пошел устраиваться на другую работу. Новая работа была серьезной и ответственной, ведь он стал работать геодезистом и параллельно занялся воспитанием сына вплотную.

Татьяна Дунаф

Дунаф Татьяна Константиновна, 26 лет. Образование высшее юридическое. Следователь, лейтенант юстиции. Стихи начала писать в 7 лет. В детстве и юности принимала участие в различных международных, всероссийских и республиканских творческих конкурсах. В частности: Всероссийский съезд школьных лесничеств. Номинация: лес в литературном творчестве, 2 место, 2004 год. Конкурс «Северная Лира», 2009 год - лауреат, 2010 год - дипломант. Литературный конкурс «Вирина», 2006 год, дипломант. Участник конкурса стихов имени Миши Гоккоева. Международный экологический форум, диплом в номинации «Лучшая песня к сказке». Конкурс молодых поэтов-студентов ПетрГУ, 3 место, 2012 год.

Публиковалась в различных печатных изданиях: газета «Провинциальный интеллигент», журнал «Интеллигент», газета «ТВР-панорама», газета «Лицей», журнал «Лесная новь», газета «МуезерскЛес».

На творчество вдохновляют новые места, природа и любимые люди. В стихах выражает свое мировоззрение и мироощущение.

“Когда я пишу стихи, мне хочется поделиться любовью, радостью или светлой грустью, переполняющей мое сердце. Для меня стихи - это не просто удачно сложенные красивые слова, метафоры и эпитеты, обрамленные в ритм и рифму. Стихи - это всегда вызов. Стихи - это зеркало души поэта.”

Свою боль отразив в стихах,
Мотыльком полечу по свету.
Сквозь туманы, дожди и страх
Я приду к тебе, я приеду.

Разбудив тебя пеньем птиц,
На пороге твоём я встану.
Расцветут на листе страниц
Буйным цветом слова романа.

Не погаснет в моей груди
Огонек, что зажег ты взглядом.
Я прошу тебя, только жди,
Только верь, что я буду рядом.

Ты меня не спеши винить
В том, что редко могла смеяться...
Я приду к тебе, чтоб любить,
Я приду к тебе, чтоб остаться.

Ну вот и все, былого не вернуть.
В вечерней кухне пахнет свежим чаем.
И сердца дрожь, волнующую грудь,
Я от дождя уже не отличаю.

Так чудно пляшут капли на стекле,
Порывом ветра дышит серый город.
Душой в одно мгновение истлев,
Я не нуждаюсь в долгих разговорах.

И если ты пришел ко мне, молчи.
Пусть времени песок бежит сквозь пальцы.
Для расставаний - тысяча причин,
Но ни одной причины, чтоб остаться.

Стереть из памяти все то, что было до,
Не думать бы о том, что будет после,
Стоять с тобой весь вечер под зонтом
И слушать дождь, вдыхая влажный воздух.

Не вспоминать, что нам отведено
Так мало дней, наполненных любовью,
И как рассвет входить в твоё окно,
Его лучом ложась у изголовья.

И сохранив сердечное тепло,
Себя бы не растратить понапрасну,
Под каждым взглядом, понятым без слов,
Сгорать дотла, но только не погаснуть!

Нарисовать бы красками прибой
И лунный цвет, целующий запястья,
На дальнем берегу, где нас с тобой
Коснется человеческое счастье.

Опять слова уходят в никуда,
Я верно жду, когда меня услышишь.
Звенит ручьями талая вода,
И солнца луч мурлыкает на крыше.

Светлее день, и хочется бежать,
Душой врываясь в радостную сырость.
Зима прошла так быстро. И не жаль.
Но только ничего не изменилось.

Моих стихов дыхание и слог,
Моя реальность тысячи утопий.
Но, как звезда, летя наискосок,
Я лишь фрагмент в твоём калейдоскопе.

Давай вдвоем молчать о Петербурге?
Наперебой, с начала до конца.
Давай в его теряться переулках,
Бросая серый пепел в небеса.
Давай всю ночь бродить его мостами,
За шагом шаг, к рассвету не спеша.
Что было здесь, и было между нами,
Наверное, важнее, чем дышать.
Ведь каждый миг, взлетев, не повторится,
И ветром будет в вечность унесен.
Давай молчать о Северной Столице,
Давай молчать друг другу обо всем.

Цветет сирень, и дышит летом
Зеленый город над рекой.
И солнце медные монеты
Бросает щедрою рукой.
Гляжу на крыши и причалы
Не свысока, но с высоты.
Здесь забываются печали,
И здесь рождаются мечты.
Среди звенящих будней мая
Испив порывов ветра всласть,
Себе придумала сама я
Влюбленный взгляд зеленых глаз.
Душа кружила в синей бездне,
Она смеялась и жила.
Любовь пришла и стала песней,
Пером сорвавшейся с крыла.

И падал снег на серый город,
Был вечер тих, и воздух влажен.
А ты не знал, что ты мне дорог,
А ты не знал, как ты мне важен.

Я голосом твоим дышала,
И ветер плыл над фонарями.
Мела метель, и было мало
Волшебной сказки между нами.

Здесь вновь душа моя запела
И разлилась прозрачным светом.
Ты знаешь, как бы я хотела
С тобой остаться в марте этом.

Душе и тихо и тепло,
Как летом в парке Петербурга,
Где льется звон колоколов
Вдали раскатистый и гулкий.
И где неспешная вода
Качает уток пестрых стаи...
Я там осталась навсегда,
Среди мостов в цветущем мае.
Где у открытого окна,
Прохладу вечера вдыхая,
Есть ты и я... А тишина
Шаги заката растворяет

День тот же, только год другой и город....
Такой же мокрый снег и талый лед.
И небосвод темнеющий распорот
Ветрами, и опять чего-то ждет
Измученное сердце, и устало
С каплями стучит наперебой.
И пусть тебя всегда мне будет мало,
Но где я буду, если не с тобой?
А улицы зажгутся фонарями
И сонно закачаются в ночи.
И обо всем, что было между нами,
Как прежде мы друг другу помолчим.

Чем ярче светит солнце в этом городе,
Тем с каждым днем становится грустней.
Гуляет ветер пальцами по вороту,
Целует в шею, разуюсь, весне.

На синем небе время тает звездами,
А я с тобой... считаю каждый миг!
И на губах цветут улыбки гроздьям,
И темный парк деревьями шумит.

Сведут мосты над водами студенными,
И ночь исчезнет, выгорев доста.
В окно забьется утро перезвонами,
Ресниц коснувшись в поисках тепла.

В глазах твоих мерцают отражением
Стальные фьорды, ливни и туман.
И душу распахнув без сожаления,
Себя тебе отдам как талисман.

И если мы расстанемся без повода,
Покинем этот город - остров грез...
Я в сердце сохраняю - дорожке золота -
Все то, что так нечаяно сбылось.

КРАСНОДАР

Любовь Пахомова

Любовь Пахомова по образованию - художник-педагог. Стихи начала писать в юности.

Печаталась в литературном альманахе «Прикубаночка», в сборниках «Литературный остров», «Очарованные словом», альманахе «Краснодар литературный», в газетах «Краснодарские известия», «Кубанский писатель», «Человек труда». В 2009 году вышел первый сборник стихов «По следам тишины».

То ли тревожит, то ли баюкает
Вечная песня колёс.
Где-то в тайге паровозик аукает,
Эхо нам ветер принес.
На полустанке девчонка с корзинкой
Яблоком красным хрустит,
А проводница махнула косынкой,
И в неизвестность умчит
Поезд из прошлого в свет и в ненастье...
Но в памяти живы всегда
Радость пути, ожидание счастья,
Нашей судьбы поезда.

Свет жизни - творчества призыв,
В нем искра высшего сознания,
Не шум всеобщего признания,
А сердца искренний порыв.
И если ветер принесет
Слов позабытых сочетанье,
Не обрекай их на скитанье,
Пусть с точностью пчелиных сот
Займут места в достойной строчке,
Теплом порадуют сполна,
Или возникнут после точки,
Как закипевшая волна.
И если ты в душе поэт,
Придут слова и в твой сонет.

В путешествие играю,
Ночью еду на вокзал.
Груз минувшего снимает
Ожиданья светлый зал.
Всё знакомо и привычно -
Радость встреч и грусть разлук.
Я хочу увидеть лично
Блеск в глазах и трепет рук.
Я хочу услышать снова
Суеты весёлый гам,
Ведь порой одно лишь слово
Для живой души бальзам.
Если рядом замечаю
Глупый спор, страстей накал,
В путешествие играю -
Просто еду на вокзал.

Уводят автора стихи
От первой точки
В далекий путь, знакомый путь
До новой строчки.
До новых встреч, до новых слов,
До слов крылатых,
До синих звезд в ночной дали,
Где время сжато
Или закручено в спираль
До новой строчки.
Уводят автора стихи
К последней точке.

Дождь

Дождь пахнет свежестью,
Ветрами Сахалина.
Там, за туманом молодость моя.
Пунцовой веткою
Зовет меня рябина
В далекие таёжные края.
А за окном
Грозы весенней росчерк,
Апрельской молнии
Лиловая стрела.
Держу письмо,
В нём твой знакомый почерк
Из давних лет,
Где молодость цвела.

В осколках разноцветного стекла,
В зеркальных каплях твоего ненастья
Есть искра затаенного тепла-
Твои глаза и ожиданье счастья.
Быть может в том хрустальном феврале,
Когда тоска с отчаяньем дружили,
Ты не заметила, что на твоём столе
Стихи, что ты писала, вдруг ожили.
Твое в них бьется сердце в унисон
С весенним звоном солнечной капли
Ты думала, что это просто сон
В котором птицы радостные пели.
Тебя уносит, в темном небе тая,
Живых стихов заоблачная стая

На тонком острие карандаша
Загадка слов написанных таится
Поэзии крылатая душа
Парит над нами - трепетная птица.
Источник мастерства не замутнен,
Но ни к чему искать в нём отраженье,
И список из талантливых имён
В нас не пробудит вспышку вдохновенья.
И лишь тобой, поэзия, дыша,
Моя проснется спящая душа.

Цветущее дерево, старый сарай,
И грядки с побегами лука и хрена.
Для старых хозяев свой маленький Рай,
Не вырваться им из привычного плена.
Да им и не нужно другое житьё
Вот только бы рядом быть, только бы вместе,
Смотреть на цветы, на закат, на жнивьё,
На пёстрого петуха, на кур на насесте.
Еще один день постепенно затих,
Здесь время летящее не замечают.
На небе застыл ослепительный штрих,
Прозрачное облако медленно тает.

Зеркало

Бросила в зеркало взгляд,
Тень на лицо легла -
То ли морщинок ряд,
То ли дефект стекла.
Годы мои не при чем,
Неровно ложится свет.
К тебе прислонюсь плечом,
Забуду сколько мне лет.
Вечер над тихой водой,
Заката любимый час.
Вижу себя молодой
В зеркале серых глаз.

Не старайся кукушка, не надо,
Все равно я не буду считать,
Сколько встречу еще снегопадов
И увижу ли осень опять.
Но твой голос таинственно связан
С тем, что временем люди зовут,
И на ветках раскидистых вязов
Не птенцы, а минуты живут.
И когда от весеннего света
Волшебства ожидают сердца,
Словно пропуск в счастливое лето
Пусть кукушка поёт без конца.

Любовь Лукьяненко

Любовь Лукьяненко, г. Краснодар, врач клинической лабораторной диагностики.

Начала писать стихи во втором полугодии 2009 года, когда «просто подняла глаза». Член литературного объединения «Верность» с апреля 2011 года. Летом 2012 г произошла встреча с издателями журнала «Микролит» ТО «Ладомир», что послужило толчком к увлечению микроформами стихов.

Твое предназначение

Приветствует рождение природа,
Учитывает каждого удел,
Дает нам для творения свободу,
Предоставляет массу важных дел.

Любой свою судьбу вершит, как может.
Кто разрушитель в жизни, кто - творец.
По истине тоска нередко гложет.
Но вот уже построен твой дворец.

Покой твой нарушая не впервые,
Гурьбой или выстраиваясь в ряд,
Свершенные дела, как часовые,
Незримой тенью за спиной стоят.

Какую дать твоим твореньям цену,
И тот ли получил ты результат.
Для игр своих удачно ль выбрал сцену.
Достаточно ль велик внесенный вклад.

Нам важно чье-то мнение чужое.
И нужно видеть теплый, добрый взгляд.
Знать, где служенье истине святое,
Как двигаться вперед, а не назад.

Расправь согнутые печалью плечи.
Нестройный хор сомнений отпусти.
Любые в твоей жизни ценны встречи.
Ты просто должен свет другим нести.

Родник

Сквозь толщи пробившись земные,
Чистейший, кристальный родник,
Поляны прорезав лесные,
Под вербой внезапно возник.

Холодные, светлые воды
Сливаются в крошечный пруд -
Живое явление природы,
Зеркальный листвы изумруд.

И словно в преддверии рая,
Мой взгляд ярким светом горит.
Усталость моя умирает.
С природой душа говорит.

Зов природы

Лета краски густые.
Снова манит туда,
Где подъемы крутые
И деревьев орда,

Где холодные воды
В шумной горной реке,
Под шатром небосвода
Облака налегке,

Словно тени живые,
Вдаль бредут наугад.
Носят скалы немые
Белоснежный наряд.

Королевы из снега
Зазывают к себе,
В них суровость и нега,
Испытанья судьбе.

Озаряя просторы,
Пламенеет восход,
И Кавказские горы,
Словно счастьем исход.

Здесь отчизна родная.
Как она хороша!
Глубину обретая,
Расцветает душа.

Бабочка

Смотрю, от удивления немея,
Как на цветок на сказочном лугу,
Садится невесомой вовсе фея.
Близ озера. Почти на берегу.

Волшебным сном, неведомо откуда,
Перед моим лицом, чуть впереди,
Явилось это голубое чудо,
И сердце мое замерло в груди.

Затих весь необъятный мир нежданно,
Исчезнет красота, лишь только тронь.
Казалось мне слегка каким-то странным -
Как трепетно мерцал любви огонь.

Высокогорный клен

Растет у озера в долине.
Высокогорный красный клен
Не видел я его доныне,
Но навсегда теперь влюблен,
Красавец горный, гордый, статный
Стоит над озером один.
Элитный род его и знатный,
И здесь сверху он - господин.
Невольно рядом замираешь,
Не в силах оторвать свой взгляд.
И сам от изумленья таешь,
Так красочен цветной наряд.
Искрятся пики гор суровых
Прохладой тянет с дальних скал,
Здесь кладезь ощущений новых.
Я так давно его искал!

Река

Река Каверзе на Кавказе
Шумна, не подвластна покою,
Она в половодье в экстазе,
Ревет водопадом с тоскою,
Несется бурлящим потоком,
Сметая преграды свирепо.
Дожди и снега у истоков
Щедры, но какая нелепость
Растрчивать силы напрасно.
Порою нам это не ясно.

Зачем нам тратить силы для борьбы,
Стараясь превзойти, или обидеть?
Ведь лучше заблуждения увидеть
И осознать превратности судьбы.

В тени акаций

Кудрявые кроны акаций
У самой дороги на склоне,
Совсем не для чьих-то оваций,
Склонились в галантном поклоне.
Покою и даже блаженством
Одарят, укроют от зноя.
Хоть сами полны совершенства,
Приветствуют путников стоя.
Стручки зазывают игриво
И тень дышит легкой прохладой.
Шипы угрожают правдиво,
Запретного трогать не надо.
Не требуют вовсе награды,
Не ведомо им слово лести.
Помогут всегда тем, кто рядом,
Лишь тем, что они просто есть.

Не может быть недвижимой река,
Застойный водоем - это болото,
Ну а кому попасть в него охота?
Затянет ведь смертельная тоска.

Раскрылся небес синий зонт.
Пушок облаков, месяц-призрак,
Вдали голубой горизонт.
Живу я под небом, не признан
Никем, и самим для себя,
Порой не удобен для многих,
Но как можно жить, не любя,
В плену правил жестких и строгих?

Мир чудес

Жемчужная россыпь дождинок
В зеленой намокшей листве.
И тысячи мелких росинок
В припавшей на землю траве.
Играя, резвятся по крышам.
Стучатся к нам капли в стекло
Раскатистый гром всюду слышен.
Дождинки влетают в окно.
И пусть в небе темные тучи,
И отблески молний вдали.
Но мир весь становится лучше,
И чище просторы земли.
Слетают на грешную землю
Чистейшие капли воды.
И звукам дождя души внемлют,
И грезятся счастья следы.

Портулак

В летний полдень цветет портулак,
Пышут жаром цветные головки.
Как горяч этот огненный знак -
Предвкушенье чудесной помолвки.
Возле них замерев, чуть дыша,
Верю светлому их предисловью.
И венчается, молча, душа
С красотой, надеждой, любовью.

Живая струя

Стучится жизнь пульсацией виска,
Струится в жилах кровь рекой, играя,
Всегда свежа струя её живая,
Питают реку воды родника.
Пусть участь наша не всегда легка,
Но преградив дорогу силе темной,
И обладая страстью неуёмной,
Укажет сердце путь наверняка.

Игорь Васильев

Живет и работает в Краснодаре

Краснодарская ода. Будущее нашей культуры.

Меж землёй и небом царят небоскрёбы. Синие, как айсберги и горные вершины, черные как скалы, светлые, как паруса старинных кораблей. Между ними, будто лесные цветы среди вековых деревьев, порой виднелись церкви или кирпичные арки непонятного назначения. «Чё это за арка с доской? Хрен его знает! Оживляж, типа, городского пейзажа», - так думали, глядя на триумфальную арку, возведенную в честь приезда императора Александра III, суровые менеджеры и прекрасные секретарши. Им было недосуг читать надпись на арке. Этих героев и героинь ждали новенькие кабинеты в сверкающих небоскрёбах. А после работы и в выходные - бесчисленные кафе, развлекательные центры и кинозалы, расположенные на других этажах тех же небоскрёбов. Такова феерическая картина Краснодара 21 века.

Впрочем, у всего прекрасного и великого есть и обратная сторона. Сохранился и продолжает жить разный мелкий бурьян, обычно ассоциирующийся с затасканным словом «культура». Ну, это всякие библиотеки, научные учреждения, творческие союзы. Сор был заботливо выметен из-под ног гигантов потребления. Выметен и выброшен туда, на окраины. Туда, где тоскливо шумит ветер и бомжи роются в чужих огородах.

В тех местах изредка можно увидеть шалаши и землянки, которые брезгливо обходят огородники и сторонятся бездомные. «Научная библиотека», «Творческий союз», «Научный центр» - можно прочесть на кри-

вобоких вывесках этих жилищ отверженных. Лишь изредка они привлекают внимание досужих любителей экзотики. А так эти странные существа, работники культуры, живут своей, непохожей ни на что жизнью. Например, они проводят научно-практические конференции. Какие такие «научно-», нормальные люди не знают и знать не хотят. И почему практические - непонятно. Прибыли-то никакой!

Впрочем, учёным людям тоже жить надо. Вот и тянутся они после очередной конференции к одичавшему саду. В саду - целое сокровище. Алыча поспела! Но кому она нужна, кроме воробьёв и работников культуры. Ленивые бомжи и мальчишки-игроманы на неё не позарятся.

И вот стая воробьёв снимается и улетает в глубь сада. Они-то знают, что такое голодные культработники. За дерево берутся со всех сторон и трясут в меру сил. С веток лениво сыплются золотистые плоды.

Потом все расходятся по шалахам и землянкам, жуя и заботливо держа свёртки с драгоценной добычей. В посвежевших умах рождаются замыслы. «Напишу-ка работу «Современная реконструкция голода и раскулачивания 30-х годов 20 века. Ведь материалов предостаточно. Сама жизнь даёт!». Так думает кубанский историк, глядя на сиенные в дали вершины небоскрёбов. Библиотекари и методисты запевают что-то печальное. На поля и огороды опускается вечер.

Творчество Артуро Перес-Реверте.

Имя известного испанского писателя Артуро Перес-Реверте хорошо известно российскому читателю. Большими тиражами издавались его романы «Кожа для барабана», «День гнева», «Фламандская доска», «Клуб Дюма, или тень Ришелье» (по нему известнейший кинорежиссёр Роман Полански снял фильм «Девятые врата»). А так же цикл романов о капитане Алатристе, роман «Королева юга», новейший роман «Осада или шахматы со смертью».

Артуро Перес-Реверте - совершенно уникальный для нашего времени писатель. Глубочайшие познания историка и филолога сочетаются в нём с не менее глубоким знанием современности и её проблем. Автор - военный корреспондент, побывавший в осаждённом Сараево, Западной Сахаре и не только. Его дважды объявляли пропавшим без вести.

Личное переживание реалий войны помогает писателю и в его историческом творчестве. Которое во многом посвящено именно ей. Знание исторических деталей и реального поведения людей в определённых ситуациях делает творчество Перес-Реверте уникальным. Придаёт ему небывалую достоверность и правдивость. Совершенно необычную для исторического романа. В тоже время в своих произведениях автор уделяет огромное внимание исторической реконструкции и изучению повседневной жизни описываемой эпохи. Романы Перес-Реверте - всегда биллетризированные исследования.

Конкретное, в хорошем смысле журналистское знание фактуры характерно и для произведений Перес-Реверте, описывающих современность. Будь то среда творческой интеллигенции или мир мексиканских наркоторговцев.

Перес-Реверте любит описывать родную Испанию. Которую любит и совсем не идеализирует. В его романах предательство и коррупция властей соседствует с жертвенностью и героизмом простых людей. И жестокость, мракобесие и корыстолюбие этих простых людей соседствует с их же жертвенностью. Которая проявляется на крутых поворотах жизни и истории. И только она способна вывести страну и людей. Не правда ли, угадываются параллели. Поэтому Перес-Реверте в России и читают...

Особого внимания заслуживают публицистические статьи писателя. На русском языке они вышли в сборниках «Корсарский патент» и «Живым не возьмёте». Автор критикует разрушение государственных институтов Испании. Таких, как армия. Он выступает против всё более успешных

покушений на единство страны. Перес-Реверте осуждает разнузданную политкорректность и разрушение европейских традиций и образа жизни.

В тоже время он не в восторге от католической клирикальности и современного национализма. Перес-Реверте не одобряет гомофобию. Никаких особых рецептов выхода из кризиса не предлагает.

Перес-Реверте - публицист весьма эмоциональный. Возможно, он национал-консерватор, пытающийся остаться «системным», и поэтому разбавляющий неполиткорректное политкорректным. Возможно, он вполне искренен. И защищает модерное европейское светское государство. Основанное на национальном суверенитете, свободе совести, свободе частной жизни и демократии. И это в необходимом сочетании с наследием средневековья. Например, в представлениях о чести, правилах отношений между людьми.

Модерная Европа, да и вообще Европа гибнет и распадается. И Перес-Реверте изображает это красиво и точно. Особенно хорош образ одинокой сильной и прекрасной женщины лет тридцати. Которая ещё полна сил, чтобы бороться. И борется. Но понимает, что будущего у неё нет. И быть не может.

Такова, например, герцогиня Макарена Бруннер из «Кожи для барабана». У неё нет детей. И не будет. И она этому рада. Потому, что она любит и во что верит, уже никому не нужно. И ей нечего было бы передать детям. Которые в любом случае выросли бы чужаками. Просто для того, чтобы выжить.

Такова и донья Лолита из «Осады». Она красива, умна и сильна. Способна на самые возвышенные чувства. Но история в образе жестокостей войны отбирает у неё любимых мужчин. И вот вот отберёт дело всей её жизни, дело трёх поколений её семьи. Испанская колониальная империя гибнет в судоргах и корчах войн. И ничего нельзя сделать.

Остаётся только мрачный античный стоицизм перед лицом рока.

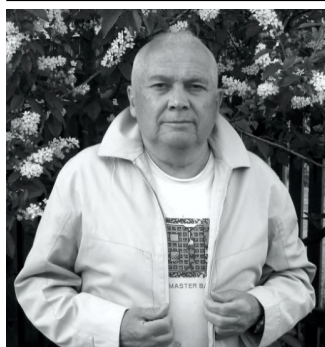
Вообще концовки романов Перес-Реверте печальны. Как во «Фламандской доске», когда героиня достигает никому не нужной цели, преступив через труп единственного близкого человека.

Произведения Перес-Реверте - это гордый скалистый остров модерна в мире постмодерна, сползающего в неофеодализм. Это несмотря на некоторые элементы постмодернизма, которые не играют самостоятельного значения. И только украшают общий ансамбль. Ансамбль правды и реализма.

КРАСНОЯРСК

Николай Еремин

Место на земле

1.

Нет мне места в Питере,
Так же, как в Москве!

Не смогли родители
Угодить молве.

Даже здесь, в провинции,
Тесен белый свет.

Для любой амбиции,
Боже, места нет!

2.

Не осталось места на земле,
Ах, куда бы можно бы уехать
И не думать о добре и зле...

Остаётся - просто, ради смеха,
Здесь, где равновесие пока,
Жить, стыдясь родного тупика...

Вышивка

Милая деревня.

Хата с краю
Покосилась... Не сдержать слезы...

Я стою
И детство вспоминаю,
И детей, бегущих от грозы...

Их тогда
Упорно и устало
Бабушка на память вышивала...

И они, оглядываясь,
Тут
До сих пор из прошлого бегут...

Где мой отец? Где мой дедушка? Где
Мама моя?
Моя бабушка, где ты?

Мне
Отвечают
Круги на воде...

Но до сих пор бесполезны ответы.

Камни
Бросаю -
И долго молчу...

Где вы?
Я встретиться с вами хочу!

Старик без моря

1.

Давай
Стану я стариком...
А ты станешь морем...
И нам будет хорошо...
И я напишу об этом поэму,
И мне дадут, как Хемингуэю,
Нобелевскую премию...
И мы продлим свою любовь,
Угощая поэтов на набережной...
А потом, когда ты мне изменишь с одним из них,
Я застрелюсь от горя -
Старик без моря...

2.

Не возвращайся туда,
Где был ты счастливым!
Не возвращайся туда,
Где несчастным стал...
А, любуясь
Приливом морским и отливом,
Повторяй про себя,
Что ты стар и устал...
И что к прошлому, где тебя называли - поэт,
Ни во времени, ни в пространстве
Возврата нет.

3.

Приезжай на море!
Приезжай ко мне!
Жду тебя - и вскоре
Будем мы в волне...
Ни с собой не споря,
Ни со мной, вдвойне,
Приезжай на море...
Ах,
Оно - во мне!

**Частушки про Писателя,
пьющего Уиски**

Наш Писатель - пионер,
Всем читателям пример:
Уиски пьёт, как Хемингуэй,
Хошь - учись, хошь - критикуй.

Тост - за молот, тост - за серп!
Но, любя советский герб,
Пить могёт и из горла -
За двуглавого орла!

Богема

1.

Бред.
Фонтан.
Поток сознания...
Но встречаемся, друг мой,
На пороге мироздания
Ты да я, да мы с тобой -
Альманахи издаём
И врагов не признаём...
А вокруг - бессонный бред,
8 бед - один ответ.
И поэт поэту, пьян,
Говорит: - Заткни фонтан!

2.

Она целует зеркало...
Она, увы, больна.
Судьбою исковеркана,
Безбожно влюблена...
К себе собою тянется
Всем сердцем, как назло...
Но, обманув, туманится
Холодное стекло...

3.

Ни водку я теперь, ни пиво
Не пью... Живу, себе на диво -
И без подруг, и без друзей,
Которые со мною пили
И так красиво голосили,
Что на погост их пригласили -
В этнографический музей...

Вот опять позабыл на рассвете я -
Где я, кто я, и сколько мне лет...
Впереди - горизонт и бессмертие,
От которых спасения нет.

«Вход» и «Выход». Стою у ворот,
Глядя в даль... Как же так? Вот беда!
Этот вход никуда не ведёт.
Этот выход ведёт в никуда...

Тамара Булевич

Не любила

...Прости. Тебя я не любила.
И изменяла, не любя.
Какой-то дьявольскою силой
Тянуло в пекло бытия.
Нисколько не сопротивляясь,
Кидалась, чистая, на грязь...
Страдала, выла, отмываясь,
Вновь верила: придёт мой князь.
А Он не шёл. Не шёл, не ехал.
Нет ветра в алых парусах...
И таяли снежинки смехом
В моих заплаканных глазах.

Я выметаю осень за порог

Я выметаю осень за порог
И торопливо хлопаю калиткой,
А ветер свежий, осени дружок,
В лицо мне бросил лепесточек липкий.
Тут я взмолилась: «Милый ветерок!
Замри! Утихомирься на минутку.
Зачем рвешь астру - тихий мой цветок,
К чему твои невежливые шутки?»
Наутро просыпаюсь - неба синь!
Лесное царство инеем искрит.
Хвоинки и листва - у ног босых,
И в ставни весело зима стучится.

Ещё лето...

Ещё в покосах бродит лето,
В любовных трелях соловьи,
Не шлют печальные приветы
С высот небесных журавли.
Но сердце - в осени дождливой,
Туманом застланы глаза:
Ты мимолетно и игриво
О расставании сказал.
И сразу звезды небосклона
Стыдливо спрятались в вуаль,
Они тебя, другого, помнят,
Другого... звездам тоже жаль.

Из письма сына

...Я помню твои руки, помню, мама!
Натруженные руки без колец,
Мозолистые, в ссадинах и ранках -
Их никогда не целовал отец...
А я во сне всё чаще их целую,
Скучаю, мама, но дела, дела,
Завидую братишкам и ревную:
Их при себе ты удержать смогла.

Отец ушёл, сказав поспешно что-то,
Понятное ему лишь одному, -
Несладко безотцовщинам, сиротам,
Но ты в обиду не дала нас никому.
Так выросли. Чубов наших вихрастых
Тебе уж с табуретки не достать!
Внучат братишки дарят щедро, часто:
«Вот и ещё один вихрастик, мать!»

Я далеко. Но мне лицо в морщинках
Опять уснуть до ночи не даёт.
А сердце надрывается и щиплет,
И голос твой в тоске домой зовёт...
Жду с нетерпением нашей встречи, мама!
Хочу прильнуть к твоим рукам щекой
И, оросив, как в детстве, их слезами,
Вновь обрести утраченный покой...

В осеннем лесу

Я люблю тебя, милая осень,
Твою яркую роскошь тайги,
И холмов серебристую просинь,
И озер дождевые круги.
Я в лесу в неумемном восторге -
Столько радости и страстей:
От багряной осинки и елки
Пахнет сразу Россией всей.
Задрожала березка, нагая,
Под вуалью сизых ветвей,
И взлетела испуганно стая
Молодых озорных снегирей...
Ветер кружит листву и млеет
На раскинутых лапах пихты -
И очнувшись, несется скорее
Мне под ноги:
- Зачем же здесь ты?!

Мария Муравьева

Она из тех, кому под ноги плащ
Кидают, не задумываясь, в слякоть.
А ты бы научился меньше плакать!
С ней не поможет этот детский плач.

Когда она уходит, ты молчишь,
Покорно ожидая новой встречи.
А ей помогу забыть ключи
Твоей квартиры. И расплавлю свечи
Порочно-терпкие и только для неё.
Ты будешь зря смотреть в окно немое.
У этой ночи нас всего лишь двое.
А над домами вьется вороньё.

Ночная кошка

Ночная кошка идет по крыше.
Ночную кошку не мучит страх.
Ей снятся звуки над сонной тишьёю,
Бемоль повис на ее усах.

Она шагает на мягких лапах,
Переступая через карниз.
Ночная кошка не знает страха -
Ночная кошка не смотрит вниз.

Ей снятся нити рояльных клавиш,
В упругом небе скрипичный ключ.

Ночная кошка умеет плакать
Под острый дождь из остывших туч.

Ночная кошка упрямо пишет
Полночный вальс для гитарных струн.
Ночная кошка сонаты слышит
В переплетенье лиловых лун.

Ночная кошка сильнее тигрицы,
В ее зрачках золотой рассвет...
Ночная кошка - небылица.
Глаза закрою - кошки нет.

Дождь

Прости, что в мои окна дождь стучит,
Как добрый друг, которому не спится.
К моей тоске он подобрал ключи
И вором стал, и вывязал на спицах
Моих намокших мыслей кружева,
Чтоб утром превратить их в дрожь тумана,
В озябший двор, где жухлая листва,
Где только смерть бывает постоянна.
Прости, что в полуночную грозу
Мне дождь простой важнее всех на свете,
Мы с ним слились, и кто теперь ответит -
Где капля превращается в слезу?

Запах осени

Запах осени - в листьях опавших, в дождливых рассветах
Так пронзительно тонок, как утренний первый ледок.
Вместо крови по венам пушу призрак осени светлой,
Растворю в её пасмурных днях откровения строк.

Словно слёзы, сотру со щеки след дождя проливного.
Не забуду махнуть на прощание ветру рукой.
Эта осень - моя. В ней запрятана жизни основа:
Моё счастье и грусть, мой извечный земной непокой.

Постиранное детство

Я стираю старые игрушки -
Милые воспоминанья детства,
Что когда-то спали на подушке,
А теперь скучают по соседству.

Но сегодня - что за наважденье -
Не закину их я в угол дальний;
Кажется, они мое спасенье,
И последний путь к воспоминаньям.

Вот они висят, чуть-чуть качаясь:
Шалости, ребячество, кокетство...
И кричу я маме, улыбаясь:
“Мама, я нашла дорогу в детство!”

Можно выбросить прошлое

Можно выбросить прошлое.
Просто так. На помойку.
Не жалея о прожитом.
Не грустя о былом.
Можно выбросить прошлое
И устроить попойку,
Знаменуя, что можете
Всё - не глядя - на слом.

Можно память, как тряпочку,
Постирать для грядущего,
Чтобы прошлые помыслы
Не тянули назад.
Словно старые тропочки,
К нелюбимым ведущие,
Позабыть, где счастливым был,
И брести наугад.

Можно прошлое выбросить.
Память начисто выстирать.
Можно тысячу глупостей
Натворить сгоряча.
Всё судьбой оправдается.
Всё годами окупится.
Зарастёт и забудется...

Только чётки стучат

ЕГОР ВЛАСОВ

34 года, Красноярск (Игарка).

По профессии - радиотехник, занимаюсь монтажом и проектированием слаботочных сетей в квартирах и частных домах. Увлечения: альтернативная литература, современная проза, велосипед (свой), под настроение делаю настольные игры и дарю

ПОДОКОННИК СЧАСТЬЯ

Простой и обычный, скучный день наступал. Было такое ощущение, как будто неподалёку произошёл небольшой взрыв. Окрестности окутала дымка и мелкий туман дождя.

Всё вокруг словно умерло и исчезло. Проснувшись и слегка откашлявшись, он пробрёл вдоль кровати к окошку. Окно было покрыто испариной. Осень... Оставив на стекле след от ладони, он открыл унылый пейзаж, который дал знать, что скоро... Но вот что именно - не знал... Вокруг всё шептало, что что-то произойдёт. Налив кофе и закулив, сел у окна. Дым от сигареты устремился в потолок, и вкус кофе, перемешавшись со «смертельным» облаком, дал знать, что наступил обычный и ничем не примечательный день. На улице словно моросил мелкий дождь, или же это просто ночь ещё не уступила утру, но было как-то уж слишком по-осеннему.

Его взгляд автоматически перешёл на отрывной календарь. Сразу оторвав неделю, он, как ему казалось, оставил нужное для сегодняшнего дня число. Впрочем, даже если и ошибся, всё равно. Так, попивая кофе и докуривая сигарету, он смотрел в окно. Сколько прошло времени - минута, три - неизвестно.

Увидев за окном маленького, белого, с чёрным пятном на спине, пса, он вслух подумал:

- Неправильно это!

Скрипнула дверь ровесника-шкафа, и из его недр было изъято старое пальто. Даже не пальто, а что-то вроде тёплого кителя. На нём виднелись следы от каких-то значков и нашивок.

Сырость окатила человека, как только дверь открыла выход в промозглый и недружелюбный мир. Присев на корточки и вытянув вперёд руку, он позвал пса. Тот медленно подо-

шёл и сел рядом.

- Ну, что ты тут сидишь-то?

Он провёл рукой по влажной мордахе мохнатого.

- Пойдём домой! - чуть слышно сказал человек, и оба друга вошли в дом.

Поднимаясь по подъездной лестнице, пёс вглядывался в лицо человека так, будто он долго отсутствовал и хотел рассказать о дальних странах, где он побывал, как моряк, вернувшийся из плавания.

- Сейчас, сейчас, потерпи, поговорим ещё, - сказал спаситель, открыв дверь. Нос бродяги окутало теплом и чем-то хорошим и добрым. Пёс по-своему улыбнулся и по-свойски сразу запрыгнул на подоконник. Сел и стал смотреть на то место, где только что было неуютно и холодно. Место выглядело с четвёртого этажа почти так же, только уже стали появляться люди, вечно спешащие куда-то.

Спаситель дал новому другу кусок хлеба и вышел из комнаты.

Проснувшись на кровати, он оглядел комнату своими слегка слезливыми глазами. Темно и пусто.

Немного посидев, вглядываясь в темноту, пёс спрыгнул с кровати, оставив после себя на одеяле щенячье тепло и неповторимый запах слегка подгоревшего молока...

На улице шёл дождь, а сквозь щели в окне веяло сыростью и свежестью омытой мостовой. Никого... подоконник...

Долго ли пёс всматривался сквозь испарину окна в пустынную улицу - неизвестно.

Прошёл первый трамвай и первый вышедший из парадной «жаворонок» скользнул по лужам,

стараясь не намочить ботинки.

Новый постоялец почесал за ухом и спрыгнул с подоконника. Попил воды из оставленной его новым другом миски и ощутил, как лёгкий озноб прокатился по нему. Облизав свой шерстяной бок, пёс сел напротив двери и стал преданно ждать своего спасителя.

- Ну вот, смотрите. - Лохматый постоялец открыл глаза. Он увидел невероятных размеров женщину с большой связкой ключей в руке. Рядом с ней стоял мужчина в сером костюме. На голове у него была какая-то смешная, как показалось псу, шляпа.

- А это ещё что такое? - Взгляд «серого человека» упал на мокрые глаза лохматого. Только «серый человек» протянул руку, чтоб схватить его, как шустрый хвост проскочил между домоуправом и милиционером.

Пёс сбегал по лестнице и, сбивчиво дыша, поскуливал от того, что глаза застилала пелена из слёз.

Был уже вечер, и на улице постепенно вступала в права тишина. Пёс сидел под козырьком парадной, слегка поскуливая, дрожал от холода и морозящего дождя. А мимо изредка мель-

кали ноги торопливых прохожих, но это были не те ноги, которых он ждал несколько дней.

Человек в сером опечатал комнату и спустился вниз. Встал рядом под козырёк у парадной и закурил.

- Да-а-а-а, жаль, хороший был человек...

Серый мундир выбросил сигарету и скрылся в пелене густого тумана.

Вскоре стало совсем темно. Не смотря на то, что дождь перестал идти и небо покрыли мириады звёзд, на улице не было ни одного спешащего.

Издали мелькали огни последнего трамвая, идущего в депо. Четвероногий вышел из-под козырька и пошёл по одной из натянутых, как струна, рельс навстречу вагону - навстречу своему спасителю.

Когда было совсем близко, пёс поднял голову. Фонари ослепили его мокрые глаза. Он по-своему в последний раз улыбнулся, сделал глубокий вдох влажного свежего воздуха, и... последнее, что он видел и слышал, - это мокрая мостовая, луна, лязг колёс и потусторонняя, пронзительная трель трамвайного колокольчика.

* * *

Как-то ранним утром Ки прогуливался по обычному маршруту. Как всегда, от пункта А до пункта В и обратно.

Ботинки отстукивали унылую мелодию по булыжной мостовой. Было очень раннее утро, прохожих ещё было совсем мало, и поэтому казалось, что вышли только те, кто просто не знает, сколько времени. Ки знал, просто раннее утро - это время, когда он обычно прогуливался, так как ему не приходилось сталкиваться с большим количеством людей и видеть их лица, перекошенные от своих проблем. Слегка моросил дождь, навевая сонливость и грусть по чему-то ушедшему, но не очень понятному.

Слегка приподняв зонт, чтоб разглядеть впереди себя дорогу, он увидел идущего навстречу ему человека. Это был не просто человек. Это был он. То есть очень похожий на Ки человек. Всё, до последней мелкой детали, было как будто бы скопировано. Чёрный раскрытый зонт-трость, серые брюки, чёрный вельветовый пиджак, чёрная кепка, чёрные кожаные ботинки. Вот светлые волосы показались из-под кепки. Всё ближе и ближе под-

ходили они друг к другу. Вот осталось каких-то пару шагов. Проходя мимо, Ки посмотрел ему в лицо, со страхом пытаясь отыскать схожесть. Да, схожесть была поразительная! Ки показалось даже, что незнакомец ему слегка улыбнулся, проходя мимо. Наш герой нащупал рукой в кармане пиджака, как ему думалось, самую большую монету, слегка повернулся и, размахнувшись, кинул монету в спину уходящему двойнику. Железка угодила в район левой лопатки и со звоном упала на мостовую.

Ки не помнит, а уж тем более не знает, откуда это появилось, но с уверенностью может сказать только одно: «Если навстречу тебе идёт очень похожий на тебя человек, то обязательно развернись и кинь ему в спину монету!!! Чтоб он не смог жить твоей жизнью, а ты - его!»

Не успев закончить мысль о том, кто и когда ему передал эту истину, Ки ощутил лёгкое прикосновение в спину с последующим звоном. Повернувшись, он увидел растворяющегося в тумане из дождя прохожего, а рядом с его ботинками лежала монета.

МАГАДАН ИНТЕЛЛИГЕНТ

Елена Хомка

Елена Хомка родилась в Приморском крае, в возрасте двух лет она вместе с родителями приехала в п.Синегорье. Печаталась в следующих изданиях: «Северная правда», «Магаданская правда». Сборники «Поэт года», «Дебют», «Наследие», «Русь моя». Публикует свои стихи на сайте стихи.ру (количество которых составляет на сегодняшний день уже 1564 стихотворения), в основном пишет о любви с уклоном исключительно на позитив. Автор не приемлет грусть и уныние, поэтому и в стихах настрой только на хорошее.

Счастье маленького роста...

*«А счастье, по-моему, просто
Бывает разного роста...»*

Эдуард Асадов «Что такое счастье?»

Солнце ласковое светит...

Хорошо вокруг опять.

И родители, и дети

Вышли вместе погулять.

И в потоке том едином

Мы куда-нибудь идём.

Не спеша гуляем с сыном,

Лету радуясь вдвоём.

Может, где-то всё непросто,

Но сейчас душа поёт:

Счастье маленького роста

Меня за руку ведёт...

И вновь мечты, как птицы, улетают...

Летят к тебе навстречу, будто птицы,

Мои мечты на крыльях моих снов.

Но знаю точно то, что мне не снится

Прекрасная взаимная любовь.

Она пришла, собой сменила круто

Все временные рамки бытия,

И разменяла грустные минуты

На вечность вдохновений и огня,

В котором ничего не обжигает,

Приносит только свет и теплоту.

И вновь мечты, как птицы, улетают

И покоряют в чувствах высоту

Мы отражаемся друг в друге...

Мы отражаемся друг в друге

Всегда в потоке наших дней,

Передавая из рук в руки

Мир осязаемых вещей.

Мы украшаем, безусловно,

Неосвязаемостью чувств,

Соединяясь, будто кровью,

Всей теплотой душевных уз.

Взаимодействуем в общениях,

Словами трогая сердца.

Мы - друг для друга отраженье,

И нет ему ни в чём конца.

Я рисую тебя на холсте своих чувств...

Я рисую тебя на холсте своих чувств

Акварелью красивых фантазий.

Ты вобрал в себя лучшее мира искусств

В каждом взгляде, в движении, фразе.

Не нужны мне гламурные мачо, поверь,

Хоть о них не скажу я плохого.

Только ты в моём сердце навеки теперь,

И не надо кого-то другого.

Ты меня возвращаешь к цветущей весне

Из любых не весенних сезонов.

Оттого на прекрасном и нежном холсте

Каждый штрих в краски жизни влюблённый.

О прекрасной любви, о полётах в Галактиках грёз...

О прекрасной любви, о полётах в Галактиках грёз
Вновь спускаются свыше красивые, дивные строки.
Видно, там наверху поэтичные Ангелы звёзд
Неустанно рифмуют небес световые потоки.

И не просто рифмуют, а снова творят волшебство,
Где высокие чувства находят в словах воплощенье,
И опять бесподобно, лирично, и очень легко
Вновь смыкаются вместе тетрадный листок с вдохновеньем.

До чего же приятен такой превосходный союз,
Когда небо и звёзды в написанных фразах сияют,
И Вселенной всегда уникальные гаммы искусств
Из вербальных картин никуда уже не исчезают.

Я и ты, мой родной, ощущаем всегда чудеса,
Наши Ангелы шлют нам с тобой поэтичные речи.
Мы в лиричных сюжетах любви своей смотрим в глаза,
Ведь в пространстве стихов происходят счастливые встречи.

Из вчера сквозь сегодня и завтра...

Из вчера сквозь сегодня и завтра
Продолжается свет наших чувств.
Кто-то свыше нам шепчет, как мантру,
Что мы связаны нежностью уз.

Это больше, чем просто банальность
Взявшись за руки, где-то идти,
Это жизни такая реальность,
Что в других никогда не найти

Совпадение двух подсознаний,
Двух, казалось бы, разных миров,
И совсем не случайность касаний
В созидании слова любовь.

В нём есть доля успеха и фарта,
И мы знаем с тобой наизусть:
Из вчера сквозь сегодня и завтра
Продолжается свет наших чувств.

Мы встречаемся в снах...

Мы встречаемся в снах без запретов и трудных дорог,
Улетаем вдвоём в совершенно бескрайние дали.
Всё, что было до этого с нами - пролог,
Мы так много друг другу чего-то ещё не сказали.

И пускай нас, порой, окружает туман бытия...
Сквозь него проникая, мы рвём безнадёжные сети.
И Вселенную чувств в высоте навсегда обрета,
Мы не держим признания наши с тобою в секрете.

Нас в пути не коснутся сверкания гроз
Потому, что нам ближе гармония, нежность, сердечность.
А вокруг многоточие трепетной россыпи звёзд
Обещает в пространстве любви бесконечность.

В Гаване клуб Флорида...

В Гаване клуб «Флорида»,
И ты сегодня в нём...
Ты пьёшь своё мохито
В раздумьях о былом.

По доброте душевной
Ты любишь прозу дней..
Твой автор, несомненно,
Эрнест Хэмингуэй,

По настроению близок,
И нет в Судьбе зеро,
Когда, порой, капризы
Играют болеро.

Его простая лира
Живет в сердцах людей,
Он не воюет с миром,
Хоть пишет о войне.

И ты такой же самый,
В тебе есть свет искусств...
Ты любишь дух Гаваны
И пьёшь мохито чувств.

Дочке

За окошком тишина,
День исчез вдаль.
Ты не спишь, ведь нету сна,
Где-то он в пути.

Задержался он опять,
В сказочных мирах,
Чтобы ты смогла витать
Сладостно в мечтах.

На подушке на твоей
Волны из волос,
Среди всех других морей
Здесь обитель грёз.

Детство нежное твоё
К юности спешит.
А пока в руках ещё
Зайка мирно спит.

Ты, как фея, пропоёшь
Песенку ему.
До зари с ним уплывёшь
В сонную страну.

И порадует тебя
Край волшебных мест,
Там, где мачта корабля
С парусом чудес.

Гудела пустота в моей судьбе...

Гудела пустота в моей судьбе,
Пространство жизни эхом отдавало.
Я без любви лишь на одном крыле
Летать к просторам неба перестала.

А музыка, звучавшая в душе
Печалью скерцо тронула возможно.
И крохи чувств, как будто бы драже,
Рассыпались совсем неосторожно.

Но только вот однажды невзначай
Столкнулись мы с тобою в переулке.
И зазвучало нежное: "Прощай,
Пространство пустоты тоскливо-гулкой"

Ты вроде бы не сделал ничего,
Ты лишь собрал расстроенные чувства.
Ты мне вернул надежду и тепло,
Где краски жизни не играют тускло.

Вновь кисть любви рисует блеск Луны
И звёздную сонату откровений,
В которых два крыла одной мечты
Уносят нас к вершинам вдохновений.

Север в сердце навеки

Снова утро пришло, я гляжу за окно,
Там природа одежду меняет.
И в туманных лесах, и в безлюдных дворах
Белый снег потихоньку летает

Всё покрыл он уже, и дома, и пути,
И уже до весны пролежит, не растает.
И зима тут длинна, и нет лета почти,
Так на юге нигде не бывает.

Каждый житель здесь солнечным днём дорожит
И несёт в себе солнце, как знамя.
Люди дарят друг другу частицы души
И они согреваются, как пламя.

Здесь холодны ветра и сурова зима,
И суровы прошедшие вехи.
Только если уеду куда-нибудь я,
Север мой будет в сердце навеки.

Пусть смех звучит повсюду

Пусть смех звучит повсюду,
Тоска сойдёт на нет,
И жизнь, подобно чуду,
Несёт свой яркий свет.

Пусть радости фиеста
Над городом поёт.
И пусть от сердца к сердцу
Всё доброе идёт.

Пытаясь найти вдохновение...

Пытаясь найти вдохновение,
Забыв про комфорт и престиж,
Найдя для себя утешение,
Приехав в гламурный Париж,
Красивая женщина смело
В мечтах о прекрасной любви
«...на правую руку надела
Перчатку с левой руки...».

Художник назвал её нежно
«Канатной плясуньей» своей,
А в сердце рождалась надежда
На вечное пламя страстей.

И став для художника Музой,
Осталась в картинах его.
Но горечь измен будто грузом,
Засела в душе глубоко.

Она «До свиданья» сказала
Парижу, забыв про любовь,
Чтоб снова Россия встречала
Свою королеву стихов.

*«...на правую руку надела перчатку с левой
руки...» - из стихотворения Анны Ахматовой
«Песня последней встречи», 1911 г.*

В краю чудесных белоснежных грёз...

В краю чудесных белоснежных грёз
Так хочется, порою, задержаться,
Чтоб насладиться красотой берёз,
Тихонечко по-дружески прижаться.

Рукой коснувшись тонкого ствола,
Я чувствую: тепло передаётся,
И боль, что в сердце раненом была,
Уходит, и обратно не вернётся.

Возможно, я разборчива в судьбе,
А может быть, не то я выбираю...
Но в белоснежной искренней мечте
Душа летит к берёзовому раю...

Привязанность мою не объяснить...

Привязанность мою не объяснить
К Вам, близкие, мои родные люди!
И хочется навеки сохранить
Связующие нити наших судеб.

Мне хочется приветствовать всё то,
Что нашу Дружбу ярко наполняет.
И пусть, порою, где-то нелегко,
Но с Вами вся нелёгкость исчезает.

Желаю Вам весенней красоты
Не только в состоянии природы.
Пусть от добра, сердечной теплоты
Уходят прочь печали и невзгоды!

Цветков Петр Николаевич

Родился в 1975 году в городе Магадане. С детства увлекается охотой и рыбалкой, свою жизнь неразрывно связывает с Колымой. По трём образованиям и призванию автотранспортник. В рамках общественной деятельности проводит много встреч с жителями города и области, активно участвует в решении их проблем.

Карибская дорога в колымское детство.

Говорят, если о чём-то всерьёз мечтаешь, то это обязательно сбудется. Вдохновленный рассказами Хемингуэя и сюжетами телепередачи «Международная панорама», многие годы мечтал побывать на Кубе. Не пляжи с белыми песками, не отели «Всё включено», а страну под названием «Остров Свободы».

В очередной раз витая в облаках, и мечтая о посещении далёкой Гаваны, просматриваю цены на авиабилеты. В чудеса я не верю, но они случаются - я нашел билет на чартер! Решил путешествовать дикарем - никаких путевок и экскурсий. Всё, что хочу увидеть, планировал много лет.

Путь оказался неблизким. В пути я провел более суток с пересадкой в Москве, из них почти двадцать часов в полёте. Тем волнительнее было ожидание встречи, встречи с далёким островом, о котором так много читал и, как оказалось впоследствии, ничего не знал. Большинство пассажиров в самолете были из Мексики и Кубы, сократить время полета в разговорах не удалось. Выручил зачитанный до дыр сборник старика Хемингуэя.

Главные ворота Кубы - аэропорт Хосе Марти - оказались современной и комфортной воздушной гаванью. Отношение к гостям из России здесь особенное, это я почувствовал сразу по прилету. Персонал в аэропорту встретил радушно и приветливо, подсказали как правильно заполнить необходимые бланки и всё это с неподдельной улыбкой. Прежде мне приходилось бывать в странах Карибского бассейна, но такой искренней улыбки я не встречал больше нигде.

Обменяв в аэропорту небольшую сумму евро на куки, так здесь называют валюту для туристов, я направился в город. Вероятно, Куба - единственная страна в мире с хождением двух валют. Твёрдо для себя решив, что не стану потакать своим туристическим прихотям, проследовал мимо назойливых таксистов, за местными жителями - ведь только они добираются в город на автобусах. Первым камнем преткновения стал языковой барьер. Жители Острова Свободы в большинстве своём категорически не понимали ни мой русский, ни мой английский.

«Соламенте эспаньол компрендо», - слышал я на любой мой вопрос. «Русс?» - спрашивали они, и на утвердительный ответ, расплываясь в улыбке, произносили: «Русс команд, Путин команданте!» Все дружно смеялись над моими неуклюжими попытками объяснить в автобусе конечный пункт моего маршрута, в итоге я поехал до остановки «центр Гавана». До отеля мне пришлось идти пешком еще полчаса. С отсутствием русскоязычного персонала я столкнулся и в забронированном отеле. С горем пополам я заселился в номер. Большая светлая комната, в которой было всё для комфортного отдыха, тем более что я плани-

ровал появляться там только ночью. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что в номере неисправны электро-розетки и кофеварка. Наличие последней было определяющим при выборе отеля. Здание отеля и интерьеры времен Аль Капоне были пронизаны духом того времени, многое обветшало. После получасового диалога на разных языках о бытовых проблемах на стойке регистрации, сотрудники отеля сдались и привели пожилого мужчину. На вид ему больше семидесяти, он отлично говорил по-русски и сразу решил мои кубинские проблемы. Мигель - восьмидесяти-трёхлетний гаванец, бывший военный, служивший со специалистами из СССР. Его образ легко узнаваем в персонажах произведений о Кубе. Он немногословен и рассудителен. Как глубоко и философски он говорил о простых вещах... Я благодарен нашему случайному, а может и не случайному знакомству. В памяти всплывали мои разговоры со старыми колымскими водителями-трассовиками, коллегами моего отца, я не раз был невольным участником их «посиделок за рюмочкой», многое сказанное там стало мне правилом на всю жизнь. Как открыты и честны они были друг перед другом, мой новый знакомый очень похож был на них!

Именно Мигель рассказал мне о Кубе, о людях, которые дарят искренне улыбки в ответ. О людях, не страдающих завистью и злобой, открытых и жизнерадостных. Я был воодушевлен его рассказами, ведь среди таких людей и прошло моё колымское детство.

Я встречался с ним каждое утро моей гаванской поездки. В шесть утра он ждал меня на скамье бульвара Прадо с чашкой свежесваренного ароматного, густого кубинского кофе, а я вручал ему специально купленную для него сигару. Он давно одинок, и был безмерно рад нашему общению, ничего не требуя взамен. Я делился с ним впечатлениями о посещенных мной за вчерашний день местах, а он советовал посмотреть что-то новое. Мимо спешил различный люд, город просыпался, родители провожали детей в школу, следом, выкурив сигару, спешил на работу и Мигель. Несмотря на почтенный возраст, он носил костюм светлого хаки. Такой костюм носят государственные служащие, помогающие на остановках ловить частных таксистов, работники парков и многие другие представители не известных мне специальностей. В парке Джона Леннона, например, есть хранитель очков. Он надевает очки бронзовому Леннону, когда с ним фотографируются туристы. Мигель помогал парковать автомобили на стоянке отеля с шести тридцати утра до обеда.

Целыми днями я был на ногах, посещал крепости, музеи, соборы. В Гаване всё имеет свою историю. Много мест, непосредственно связанных с Эрнестом Хемингуэем, описанных в его рассказах. К вечеру, когда силы были на ис-

ходе, я приходил на знаменитую набережную Малекон, вдоль которой расположено множество вполне сносных кафешек, предлагающих сытный и недорогой ужин с видом на потрясающий закат, воспетый в произведениях Хемингуэя. Днём там было безлюдно, но к вечеру Малекон становился центром притяжения для местных и туристов. Это неповторимое зрелище, когда приливная волна с шумом перелетала через каменную набережную и широкую пешеходную дорожку, окатывая водой находящихся там зевак и проезжающие мимо автомобили. В бухте стояли большие морские корабли, ожидающие очереди захода в порт, меж ними суетливо сновали маленькие моторные и парусные рыбацкие лодки, словно оживляя картинку из «Старика и моря».

В одну из наших утренних встреч он посоветовал мне сходить в гости к гаванцам домой. «Вы, скорее всего не поймете друг друга, но ты сможешь узнать, как на самом деле живут все эти люди», - сказал он, махнув на проходящих мимо. На следующий день, купив в ближайшем магазине пару банок сгущённого молока и захватив припасённую из дома плитку шоколада «Алёнка», я отправился в спальный район Гаваны. По пути мне встретился рынок, был воскресный день, и там шла оживлённая торговля, колоритные дамочки шумно торгуясь, покупали овощи, фрукты и мясо. Я тоже купил немного продуктов: авокадо, бананов для жарки, риса и отличный кусок баранины. В выходной день на улице было непривычнолюдно. Всюду носились ватаги детворы, играя в игры, известные им одним. На табуретках, держа на коленях доску и потягивая из стаканов ром, играли в шашки два почтенных гаванца, женщины вывешивали постиранное бельё. Четверо мужчин, шумно споря и, наверное, ругая конструктора, ремонтировали «Москвич-2140».

Входные двери домов были открыты. Я постучал в первую попавшуюся, на стук выбежали два удивленных карапуза лет четырёх-пяти, следом вышла женщина лет тридцати с ослепительной улыбкой. «Касса?» - спросила она. Так называют на Кубе частные гостиницы и столовые. Я утвердительно кивнул и протянул ей пакет с продуктами, и она жестом пригласила меня пройти в дом. Её звали Мария, она немного говорила на русском и английском, т.к. работала в музее и часто общалась с туристами. Выпив разведённого водой молока, дети отправились на улицу, где шумно делились с друзьями шоколадкой и впечатлениями о пришедшем госте. Дом состоял из двух комнат и кухни. Помимо семьи Марии, с ними проживали ещё родители её мужа. На стуле я увидел аккуратно повешенную школьную форму третьего ребёнка. В комнатах всё очень просто, было видно, что это люди не высокого достатка, но во время нашего общения ни она, ни её пришедший позже супруг Хосе не жаловались на тяжёлую жизнь. Напротив, они говорили, что совсем не плохо живут, хвалили своих детей и гордились родителями. Рассказывали мне о своих работе и увлечениях. Мы говорили обо всём, не затрагивая лишь темы политики. Общение было открытым и приятным. За разговорами я и не заметил, как Мария приготовила обед из купленных мной продуктов. Она спросила меня, может ли она пригласить к столу всю семью, чему я конечно же был очень рад. Это был большой семейный обед, где все дружно и неспешно общались, ели вкуснейшие и нехитрые блюда, приготовленные по традиционным рецептам. Много смеялись над сказанным мной невпопад и тем, как стариков передразнивали малыши. И я не чувствовал себя за этим столом незванным гостем наоборот: все присутствующие старались оказать мне знаки гостеприимства. Эта атмосфера возвращала меня в далёкое детство колымских барачников. Туда, где не запирали двери и искренне были ра-

ды гостям, и зашедший в дом сидел за столом как старый знакомый. Дети играли всем двором и, если дрались, то стенка на стенку, защищая своих. Туда, где читали по очереди новую книгу и искренне радовались успехам знакомых и не очень тебе людей. Да и вообще, мы тогда не знали, что такое - чужой человек, все беды и радости были общими...

Когда пришло время покидать гостеприимный дом, меня провожали как давнишнего знакомого или родного человека. Дети вручили мне, специально нарисованную для меня «картину». На обрывке газетного листа они изобразили много человеческих фигур, с протянутыми к солнцу руками, а старший, в верхнем углу аккуратно, каллиграфически написали «Гавана». Мария протянула мне на память бережно свёрнутый в листе той же газеты маленький флаг Кубы. Она наотрез отказалась взять у меня деньги, и я украдкой положил их под скатерть. Я знал, что они им очень нужны.

Впереди была длинная, бессонная ночь. Я сидел на каменной скамье бульвара Прадо, всюду слышалась музыка, парочки кружились в сальсе, торговцы предлагали незатейливые сувениры и нелегальные сигары, попрошайки просили на выпивку, дамы древнейшей профессии предлагали себя, но я не замечал всего этого. Все мои мысли были о произошедшем днём знакомстве, об услышанном и увиденном там, за акварелью экскурсионных мест и картинок буклетов, в доме настоящих граждан Острова Свободы! Я увидел там другой мир, совсем не похожих на меня людей. Но почему-то именно тогда, сидя, на скамье под миллиардами звёзд я осознал, что попал в мир моего детства.

Мигель нашёл меня утром с чашкой кофе на той же скамье, мимо проходили люди, я молча наслаждался густым и ароматным напитком, а он пускал дым сигары, зажмурившись в лучах раннего солнца. «Я знал, что ты изменишься. В следующий раз съезди ко мне на родину, в Сантьяго-де-Куба, там отличный ром и замечательные люди» - сказал он. Я поблагодарил его за всё, мы попрощались. Его ждал очередной рабочий день, а меня в полдень - вылет в Москву.

В долгом полёте над Атлантикой мне не давала покоя одна мысль: где мы свернули не туда, что могло так изменить людей, откуда появилась в нас эта зависть, леность, жадность?! Шоры от чужих бед?! За какой дверью остались те мы, открытые, добрые и честные? А может это розовые детские очки воспоминаний, и не было на Колыме таких людей, как в Гаване? А как же мой отец, и те, кто встречался мне по жизни и стали для меня примером? Что позволило кубинцам сохранить то, чем мы, северяне, гордились и в какой-то момент потеряли? Я возвращался в заброшенный край земли, край закрытых посёлков с пустыми глазами домов, стоящих в безмолвной, леденящей тишине. К людям, отчаянно топящим свою жизнь в стакане и винящим в своих неудачах всех подряд. В Гаване я тоже видел отчаянно пьющих людей, но, похоже, они не пропили душу... С усталостью навалилась дремота, и я опять сидел с Мигелем, привыкая к терпкому дыму его сигары, Хосе и Мария были тоже рядом, мы спорили как поделить курицу на семь частей и громко над этим смеялись. В мгновение все оборвалось, стюардесса с милой улыбкой настойчиво просила пристегнуть ремень, самолёт уже шёл на посадку. А я хотел вернуться туда, где, как мне казалось, осталось мое детство. И поймал себя на грустной мысли, что ощущение это пришло ко мне за тридцать земель от родной Колымы. Сложно сейчас найти там повод и место для погружения в детство.

Живопись

Елена (Алена) Емелина

Алёна Емелина родилась в Санкт-Петербурге, Россия, и в настоящее время живет в Арендале, Норвегия. Окончила Ленинградский Технологический институт им. Ленсовета и факультет психологии Санкт-Петербургского Государственного университета. Двадцать лет руководила Институтом интегральной психологии «Либра» в Санкт-Петербурге. В настоящее время практикующий психолог (семейные и индивидуальные консультации).

ВЫСТАВКИ:

2015

Мэрия г. Назарет, Израиль

2005

Частная галерея, Дурбан, Южная Африка.

Городской выставочный зал, Кристиансанд, Норвегия

2004

Дом ООН, Арендал, Норвегия

Католическая школа Святого Франциска, Арендал, Норвегия

2003

Городская библиотека, Арендал, Норвегия

2002

Галерея S, Арендал, Норвегия

2001

Технологический центр Longum Park, Арендал, Норвегия

Галерея Арт Харбор, Санкт-Петербург, Россия

1997

Международный культурный центр, Ribody Terrace, Кембридж, США.

1996

Галерея Антеи Мартин, Дурбан, Южная Африка

1995

Факультет изобразительных искусств, Технокон, Дурбан, Южная Африка

1994

Русский культурный центр, Иерусалим, Израиль

1993

Breakthrough Center, Лондон, Великобритания

Minton House, Финдхорн, Великобритания

1992

5-я выставка Ассоциации независимых художников, Санкт-Петербург, Россия

1991

Юбилейная выставка Товарищества Экспериментального Изобразительного Искусства, Галерея Сальвадора

Дали, Санкт-Петербург, Россия

Ежегодный фестиваль искусств, Лагуна Бич, Калифорния

4-я выставка Ассоциации независимых художников, Санкт-Петербург, Россия

Ежегодная выставка русского искусства, Галерея СОМАР, Сан-Франциско, Калифорния

1990

Советско-американская совместная выставка «Все за одну Землю», галерея 10-10, Ленинград, СССР.

Советско-американская совместная выставка «Все за одну Землю», Галерея СОМАР, Сан-Франциско, Калифорния

1989

Фонд Финдхорна, Финдхорн, Великобритания

Оствальдский культурный центр, Страсбург, Франция

1988

3 благотворительные выставки в 1-м медицинском институте, Ленинград, СССР.

1975 - 1981

Квартирные выставки Товарищества Экспериментального Изобразительного Искусства, Ленинград, СССР

Елена (Алёна) Емелина окончила Ленинградский Технологический Институт, работала инженером-технологом в экспериментальной лаборатории и на производстве медицинских полимерных изделий.

Но все эти годы ее истинным увлечением было искусство, живопись и поэзия. Живописные сюрреалистические произведения, часто на религиозные сюжеты, не вписывались в официальную советскую художественную догму соцреализма, поэтому Алёна стала участвовать в деятельности нонконформистских художественных объединений. Это был напряженный и счастливый период «квартирных» выставок авангардного искусства, где было представлено творчество многих ленинградских художников, впоследствии ставших известными.

«Одна из них в ремонтирующемся пустом доме на улице Бронницкой особенно помнится: неотапливаемые помещения, запотевшие окна - и стены, от пола до потолка покрытые картинами. Художники, в свободные часы присутствующие на выставке, а в остальное время где и кем только не работающие. И густой поток людей, в пальто, с лицами заинтересованными, радостными - или смущенными...»

В 1981 году в Ленинграде было организовано Товарищество Экспериментального Изобразительного Искусства (ТЭИИ). В том же году Алёна работала в студии Яна Фолла в Праге, где было больше свободы для творчества, чем в Советском Союзе.

В 1989 году она получила первую возможность поехать на Запад. Она успешно демонстрировала своё искусство во Франции, Шотландии, а затем в Соединенных Штатах. Её творчество можно отнести к направлению, привлекавшему внимание в конце XX века и определяемому широким понятием “Духовное искусство”. Действительно, процессы одухотворения психики, бытия человека в мире, отношений человека с людьми и природой составляют основные темы её работ: таинственная, блуждающая душа, перелётные ангелы, красивые женские лица озёр, люди, растворяющиеся в природе. Она ощущает себя дома в воображаемых, мистических мирах.

«Я считаю живопись своим путём духовного развития. Больше всего меня интересует человек, его душа. Психология, религия и искусство - вот «краеугольные камни» моего художественного самовыражения».

В поисках более глубокой самореализации, Алёна получила второе высшее образование и степень магистра психологии на факультете психологии Санкт-Петербургского государственного университета. Наконец она смогла совместить две свои страсти - психологию и художественное творчество, начав использовать арт-терапию для своей работы психолога. Она организовала серию арт-терапевтических выставок в ленинградских больницах.

«Я называю эти выставки «Исцеляющим искусством», потому что искусство действительно лечит душу, и это необходимая часть исцеляющего процесса. В наших больницах не хватает тепла и пони-

мания. Врачи и медперсонал находятся в постоянном напряжении, у них нет времени на терапевтическую поддержку больных, на свою индивидуальную психотерапию, без которой может наступить выгорание. Пациенты и их родственники напуганы и дезориентированы. Встреча с положительно заряженным искусством в больничном пространстве открывает людей, наводит их на мысль, что физическое заболевание является лишь видимой частью болезни души. После художника приходит психотерапевт, но не со «словесным ланцетом», а с вдохновляющим инструментом: картиной, оказывая помощь в исцелении».

Работая психотерапевтом, она разработала уникальный метод обращения к подсознанию пациента с помощью медитативной техники визуализации состояний, в которой арт-терапевт совместно с пациентом создает цветное изображение на стекле и делает монопринт, отражающий комплексное психологическое состояние человека, своего рода «иероглиф души». Изображение декодируется в последующем психоаналитическом сеансе, проявляющем скрытые образы бессознательного, а затем терапевт-художник придает картине возможный эстетический уровень целостности.

Картина переходит в распоряжении пациента, являясь одновременно материальным и символическим объектом, отражающим проблемные процессы и тенденции развития психики клиента в данный период. Большинство своих нововведений в области арт-терапии она использовала в Институте интегральной психологии «Либра», который она основала в 1992 году, где она преподавала арт-терапию, работу со сновидениями и религиозную психологию.

Другими направлениями творчества Алёны Емелиной являются проза и поэзия, обращенные к взрослым и детям. Она пишет стихи и прозу, издала две книги «Психея» и «Иные небеса», издательствами Детгиз и Аст выпущена её книга рассказов «для детей и их родителей» «Лестории».

Как книжный иллюстратор она оформила книгу «Тысячелетний миф шахмат» международного гроссмейстера Леонида Юдасина (2003 год).

Используя в смешанной технике прием монотипии, Алёна стремится вступить в контакт со зрителем, представляя ему возможности свободной игры воображения.

В этой технике она выполнила нескольких серий графических работ, таких как иллюстрации к Библии и Бхагавад-Гите. Многие работы находятся в частных коллекциях в Британии, Франция, Швеции, Норвегии, Израиле, Чехии, США и России.

В Норвегии Алёна расширила свои художественные возможности, начав экспериментировать в трёхмерном искусстве. Она создала серию масок и небольших скульптур, используя технику инкрустации перламутром.

Сейчас Алёна Емелина работает в новых медиа, пишет новую книгу, готовит новые психологические семинары, обращаясь к творческому началу в человеке. Она всегда в поиске.

Канал (The channel)

Последний поход (Last voyage)

Холодная аллея (Cold alley)

Ангел (Angel)

Иона (Jonas)

Волшебное озеро (Trollsk vann)

Серафим (Seraph)

Тайная вечеря (The Last Supper)

*Кольский полуостров
(Kola peninsula)*

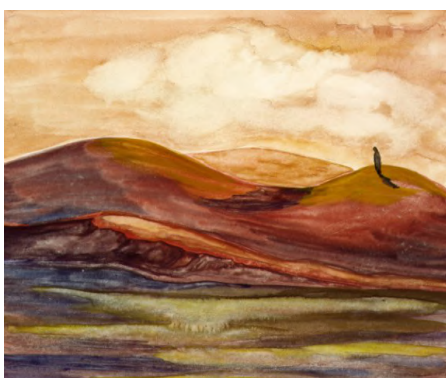
6 золотых Будд (6 golden Buddhas)

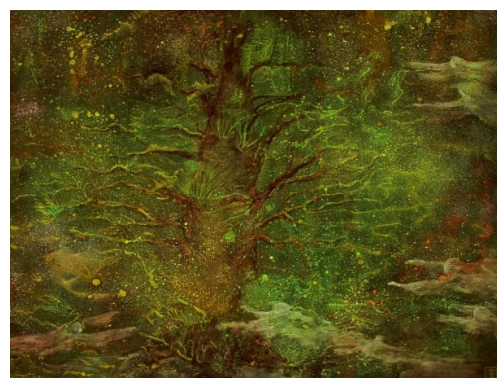
Кандалакша (Kandalaksha)

Хибины (Khibin mountains)

*Моисей в пустыне
(Moses in the desert)*

Древо жизни (Tree of Life)

Тайна жизни (The mystery of life)

Egg island

Ангел летящий (Angel flying)

Алёна Емелина

Екатерина Лимонова (Титаренко)

Я родилась 10 января 1988 года в Магаданской области, п. Синегорье. Коренной житель. Всё своё свободное время и безграничную любовь я дарю своей семье.

Стихи начала пробовать писать в 12 лет, к 15 годам у меня зародилась мечта – когда-нибудь выпустить свой сборник стихов. И вот, моя мечта сбылась в июне 2018 года – вышел мой первый долгожданный сборник стихов. В г.Магадан под названием «Не забывай, что я люблю тебя». Электронный макет книги и идею обложки я подготовила самостоятельно. Мне нравится делиться своим творчеством, проникать в сердца людей через свои стихи. Моим наставником в мире поэзии был замечательный человек и поэт Суздальцев Анатолий Фёдорович. Я с удовольствием принимаю участие в различных конкурсах, связанных с поэзией или прозой, посещаю поэтические мероприятия в библиотеке.

«Я духом крепче стала»

Огнём мне душу выжигала боль,
Тисками сердце мучила до крови,
С ума меня сводила вновь и вновь,
Всё думала, сломаюсь я от боли.

С колен на землю падала плашмя
Без сил, растерзанная, но живая.
Холодный дождь лил с неба на меня,
Всю соль из ран на сердце вымывая.

Ветра подталкивали с силой встать,
Тянул ко мне клён ветви свои - руки,
Хотел меня с земли сырой поднять,
Ещё улавливая сердца стуки.

Но ЖИЗНЬ во мне сильнее всех невзгод,
Всегда боролась за меня упрямо.
Спасибо ей, что я из года в год
Вперёд иду и духом крепче стала.

«Мы стали снегами белыми»

Мы стали снегами белыми,
Холодными и несмелыми.
С поступками не серьёзными,
Мы стали такими взрослыми.

С глазами без капли нежности,
С улыбками повседневности
Плывём по реке забвения,
Плюём на людское мнение.

Играем в любовь отчаянно,
Я часто бываю ранена.
Молчанием мшу намерено
И рвутся наружу демоны.

Шагая дорогой к вечности
Стираются наши личности,
Теряем по капле храбрости
В Пути к невесёлой старости.

Ворвёмся с тобой торжественно
В тот мир, где поют божественно,
Где ангелы окрылённые
Нас сделают вновь влюблёнными.

«Моя любовь похожа на зефир»

Моя любовь похожа на зефир
Фруктово-ягодный, воздушный, белый.
Давай всё бросим, и устроим пир,
Раскрасим красками мир этот серый.

Твоя любовь - фруктовый мармелад:
Лимонный, яблочный, порой клубничный.
Не по душе мне горький шоколад,
К нему я, если честно, безразлична.

Нальём без сахара зелёный чай
И будем вместе наслаждаться пиром.
Теперь я знаю, что такое рай,
Он пахнет мармеладом и зефиром

«Церковный перезвон»

Ветра завывают магически,
Церковный вдали перезвон.
Становится легче физически.
Волшебный, наверное, он.

Коснуться губами мне хочется
Иконы Иисуса Христа.
Молиться и сосредоточиться
Мешает всегда суета.

Упасть на колени отчаянно
И Господа благодарить
За то, что душа хоть и ранена,
Но всё же, умеет любить!

«Дождь стучит в окно»

Я слушаю, как дождь стучит в окно,
Как будто просится: «Впусти меня погреться».
А я сижу, мне будто всё равно,
Не отзывается на просьбу моё сердце.

Стекает каплями дождь по стеклу,
Пытается разжалобить меня слезами,
А я который день уже не сплю,
Покоя нет, в душе беснуется цунами.

Я знаю, свет сильнее тьмы, но вдруг
Холодный дождь прорвётся в душу ненароком?
Что делать мне, чем вылечить недуг,
Как оправдаться за уныние перед Богом?

«Когда я на небе у Бога была»

Когда я на небе у Бога была
Тебя повстречала однажды.
Носил за спиной ты два белых крыла
И выглядел очень отважным.

Тогда попросила у Бога тебя:
«Пусть станет опорой по жизни,
А крылья его сохраню у себя,
Отдам их у самой лишь тризны.

Он будет от бури меня укрывать
И холода с ним не узнаю.
Не станет меня никогда обижать,
Я вижу, я верю, я знаю.

Я буду ему самой верной женой,
Поддержкой, любимой и другом.
Любить обещаю любовью большой,
Он будет мне лучшим супругом.

А втайне от всех и него самого,
Я крылья над милым расправлю
И буду его защищать от всего,
В беде никогда не оставлю».

«Не нужно больше боли»

Не нужно больше боли,
Печали, слёз и бед.
Мне хватит в ранах соли
На много-много лет.

Собакой пусть удача
У ног моих лежит,
Не воет и не плачет,
А счастье сторожит.

«Не падайте духом, люди»

Не падайте духом, люди,
Не плачьте в тиши ночной,
Уныние душу губит,
В нём личный ваш враг земной.

Не пейте вина, не надо,
Оно не решит проблем.
Бокал с красно-тёмным ядом
Не вылечит грусть совсем.

Не рвите мечты на части,
Не злитесь ни на кого,
Молите Бога о счастье -
Подарит Он вам его.

Накопленные обиды
В себе не носите зря.
Простите людей, простите,
Любите их, как себя.

«Ты дорог мне, колымский край!»

Ты дорог мне, колымский край,
Своей особенной природой.
Люблю тебя, холодный рай,
Великий, как мужчина гордый.

До неба, кажется, рукой
Легко здесь можно дотянуться,
Найти душевный свой покой
И с вечностью соприкоснуться.

На свет я появилась здесь,
Вдали от суеты столичной.
Мне выпала большая честь
В краю родиться необычном.

Природа здешних мест меня
Поэтом сделала до тризны,
Я без поэзии ни дня,
Я без неё не мыслю жизни.

Живу в посёлке небольшом
С названием редким «Синегорье»,
С рожденья он мой отчий дом,
В нём для души моей раздолье.

И я совсем не рвусь в Москву,
И не стремлюсь в Париж красивый,
Ведь я в таком краю живу,
Где каждый человек счастливый.

«Ты живи, пока...»

Ты живи, пока лёгкие могут дышать,
Пока сердце кого-то отчаянно любит.
Не молчи, когда хочется близким сказать,
Что таких, как они, в мире больше не будет.

Если есть хоть какой-то от Бога талант,
Не продай за гроши, не растрать его даром.
Это твой уникальный в душе бриллиант,
И всю жизнь, как на привязи, будет он рядом.

Не стесняйся добро людям в мире дарить,
Даже тем, чья душа почернела в Дороге.
Они просто забыли, что значит любить,
Разуверились и отвернулись от Бога.

Не печалься о том, что когда-то прошло,
Улыбайся всегда, когда хочется плакать.
Слёзы глупые, ты проведёшь их легко,
И не нужно глаза будет мокрые прятать.

Жизнь идёт слишком быстро - за ней успевай,
Не сгибайся под сильные ветра порывы.
И всегда о хорошем, о светлом мечтай,
Интересно живи, пока Бог дарит силы.

«Люблю, когда звучит аккордеон»

Люблю, когда звучит аккордеон,
Мне звуки дороги его с рожденья.
Я шлю нижайший дедушке поклон,
На нём всегда играл он с вдохновеньем.

Как хочется вернуться мне назад
И молча слушать дивное звучанье.
О, как бы дедушка мой был бы рад
От внучки получить своей вниманье.

Тогда горела жизнь в его глазах,
Во рту дымилась часто папироска.
Теперь мой дед живёт на небесах,
Принять мне это далеко непросто.

Люблю, когда звучит аккордеон,
Его звучанье в детство возвращает
И мой протяжный, тихой грусти стон
Он будто специально заглушает.

«Поздравление свыше»

Упади на мою ладошку
Первым снегом октябрьским, папа.
Свою дочку согрей немножко,
Я, поверь, буду очень рада.

Улыбнись мне улыбкой счастливой,
Я почувствую, будь уверен.
Мне не будет уже так тоскливо,
Или грустно, по крайней мере.

Засияй ярким солнцем мне свыше
В тридцать первый мой день рожденья,
Я проснусь, и в окне свет увижу -
Твоё, папочка, поздравленье...

«Корабли моей жизни»

Корабли вы мои, корабли,
Детство с юностью вдаль унесли
По волнам, далеко, безвозвратно,
Не вернётесь ко мне вы обратно.

Если встретят вас злые ветра -
Не дожить вам уже до утра
И не плыть по просторам бескрайним
К берегам неизвестным и дальним.

А пока у причала стоят
Корабли мои новые в ряд.
Они ждут мою зрелость и старость,
Чтобы жизни забрать моей радость.

Вслед за вами уйдут и они
И погаснут на небе огни,
Корабли моей жизни исчезнут
И уже никогда не воскреснут.

«Я лягу у ног твоих кошкой»

Я лягу у ног твоих кошкой
И преданно буду лежать.
Смотреть будем вместе в окошко,
О чём-то приятном мечтать.

С тобой не страшны мне метели
И выюги пронзительный вой.
Глаза твои лишь бы блестели
Всегда только рядом со мной.

«В космосе»

Средь тысяч звёзд я потерялась,
В огромном космосе - одна,
Как будто что-то оборвалось -
Не дочь я больше, не жена.

Я - вечность, свет звезды холодный,
Космическая пыль, ничто.
Я - ветер в космосе свободный,
Меня не видит тут никто.

Но где-то там звезда сияет
И светит только для меня.
Она мне Путь мой освещает,
Её люблю за это я.

Вокруг такая бесконечность
Ни гор, ни леса, ни домов.
Среди планет живёт здесь вечность
И прячет ключ от всех миров.

«Мой отчий край - посёлок Синегорье»

Мой отчий край - посёлок Синегорье,
Мой милый дом, мой сказочный дворец!
Своим бескрайним покори раздольем
Ты много человеческих сердец.

Тобой горжусь, тобой я восхищаюсь,
Тебе всем сердцем предана навек,
Пред красотой колымской преклоняюсь,
Как и любой в посёлке человек.

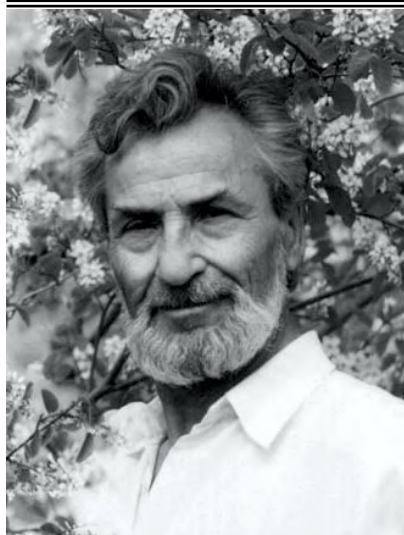
Край лиственниц, берёзок белоствольных,
Пленительно чарующих небес,
Растёт немало тополей здесь стройных,
Кедровый стланник укрывает лес.

Средь сопот удивительно красивых
Построили тебя, посёлок мой,
Как много судеб видел ты счастливых,
Гордятся очень многие тобой.

Свою любовь тебе, как дар, вручаю,
Родное Синегорье от души,
Тебя любить всю жизнь я обещаю
И посвящать тебе свои стихи.

Москва

Тишков Василий Петрович

СОНЕТЫ

ПОДРАНКИ

Кто сегодня ответит подранкам войны?
Кто поймет эту боль и большую утрату?
Нет за нами, как будто, ни капли вины,
Что мы в детских летах уже были солдаты.

Век военный промчался, искрясь и дымясь,
Нам сердца переплавил в извечной заботе.
И томила душа в непосильной работе.
Сквозь осколки от бомб наша Русь поднялась.

Нас немного осталось в суровом строю.
Пирамиду познаний - упрямо храню
Жду и верю, что непозволительно скоро

Вдруг объявится Он - богатырь Пересвет -
Стариков собирая на званный Совет.
Русь поймет - это новой Державы Опора!

Я ВЕРНУСЬ

Моя Родина, где ты? В плену заколдован,
Обездвиженный тем, что меня и не видят,
И не слышат в утробе стекла и бетона,
Я кричу из зеркал: - Помогите! Спасите!
За один только век миру сдвинули разум
Ладно б просто людской, уже моль ест проводку!
От бесовского сглаза - сбежишь на подложку,
Коль живучая плесень сжирает всё разом.

Моя Родина, где ты? Как жить мне без песен?
Дух в оковах становится крепче железа,
Вольных гор, и камней у любых пирамид.

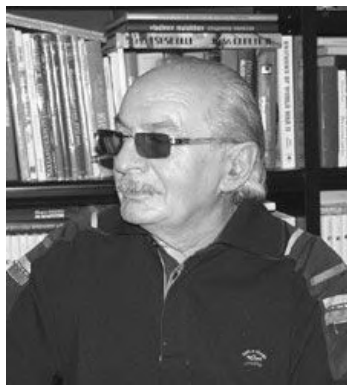
Моя Родина предков - земля Путорана,
Жди меня, я вернусь - или поздно, иль рано.
Нас судьба запаяла в единый гранит.

СЕРГЕЮ КАМЕНЕВУ

Беда - и друг уходит в мир иной
На рубеже эпохи Водолея,
Но он остался навсегда с тобой,
Как жар огня от сердца Прометея.
Друзья живут, пока мы помним их.
И если ты осмелился на повесть,
То не скупись на правду, беспокоясь
Огнём суровым закалить свой стих.
Златою Цепью скованы мы были.
Враги и друзья это не забыли.
Ту гвардию пусть помнят молодые.
Я стар и сед. Прости меня, прости,
Что не смогу сегодня принести
К твоим ногам ромашки полевые...

ПРИЧАЛ

Века хранят упрямые сонеты.
К Олимпу - путь суровый, без прикрас.
С надеждой тайною идут поэты
В страну чудес, где царствует Пегас.
Кого-то Муза нежно поцелует.
Тогда, считай, что снова повезло.
А кто-то бурям и ветрам назло
Стоит у горна, истово колдуя.
Куёт кузнец из слов Златые Цепи,
Приковывая к небу лес и степи,
Узреет ли с Пегасом свой привал?
А тот, кто уклонялся от пожаров,
Кто не искал понятия «Товарищ»,
На праздник Бога, так и не попал

Ян Кауфман

Прозаик, поэт, публицист. Родился в Москве. Публикации: сборник стихов «В любом из нас спит где-то гений...», Нью-Йорк, 2003 г.; сборник рассказов «Вид на жительство» Москва, 2008 г. Многочисленные публикации в периодике США, России, Германии, Австралии, Израиля. Член Союза писателей Северной Америки, Председатель Правления Московского РО МСП «Новый Современник», куратор проекта «Московский Салон Литераторов».

Былое и думы...

- Ну, за встречу! Будь здоров, свояк!

Давненько ты не был у нас. Давненько! Давай, нажимай на сало, небось соскучился. Я его давеча малость подкоптил, а вот и лучок с картошечкой. Такого у вас нет - всё натуральное. Да и самогон двойной перегонки с клюквой... Для себя ж делаем. Куда там ваша столичная!

Что рассказывать-то?

За это время уж многих соседей не стало, а кто просто уехал в город, как вы с Любкой. Пустеет деревня. И выпить порой не с кем. Нехай бы только пустела, а то и глупеет. Вот и мы всей деревней лопухнулись. Помнишь немого Фролова Кузьму, которого в деревне не шибко любили? Да и он, правда, никого особо не жаловал. А уж с тех пор, как его глухоне-

мая супружница Настя померла, совсем рехнулся. Бабы наши, с одной стороны, жалели его - а то!

Потерять жену, с какой всю жизнь с мальства. А с другой - а мы-то причём?

Знакомы они были с Настей ещё с сиротского дома, и прожили вместе лет сорок. Детей, правда, так и не нажили.

Бабы любили им косточки перемыть. Вечером, когда все дела наспех поделают, собирались и балаболяли про Фроловых. А о ком ещё? Не о себе же!

Вспоминали, что они ещё с детства были такими нелюдимыми и скрытными.

И для всех деревенских эта пара была, что бельмо на глазу - жадны, мол, ну сил нет! И то правда. Бывало, какой праздник, вся деревня гуляет, кру-

гом песни да пляски под гармонь, выпивка, закуски и всё такое, а эти - в своём доме по хозяйству хлопочут.

Казалось бы, на двоих, без детей, при пенсиях - что ещё надо? Живи да радуйся! А они за высоким забором вкалывают с утра до ночи. У их там и куры с утками, и порося, и коза. Куда такую прорву?! А сад-то!

И в охранниках - здоровущая собака, что понимала Фроловых без всяких слов.

Однажды местная ребятня набухалась сивухи и полезла сдуру на забор - поглазеть, что там у их есть. Так собака чуть всех не порвала. Ребята попрыгали отдедова, с забора, с кандибобером. Кто чего себе порвал и поломал.

Настя по воскресеньям, когда ещё здорова была, с раннего утра прошмыгнёт из дому с рюкзаком за спиной и тележкой с колёсами на автобус. И в город. Видать на базар.

Говорили, что у их там уже свои покупатели были. И за дорого всё брали. Даже огурцы ихова засола шли нарасхват, потому, как шибко хрустящие получались. Чего они туда ложили, кто знает?

А наши бабы, сидя на завалинках, только и лужгали семечки, да возмущались:

- Ну и Фроловы! Ну и жадны! Куда им столько денег! Ведь и Кузьма тоже, мужик какой-то ненормальный, совсем непьющий. Может из экономии?

Всем это, конечно, было интересно, но спросить про то боялись, - какой спрос с инвалидов? Да и как их спросишь? А врагов себе наживёшь!

Мужики, каких на всю деревню и так осталось два с половиной калеки в эти разборки не влазили. У нас свои дела, ты ж понимаешь...

Но, апосля, как Насти не стало, и мы-то думали: «Ну, Кузьма таперича изменится, поболеет... Может поближе прибудет к мужикам! Третьим будет и на закуску хрустящих огурчиков притащит».

Ага, сейчас! Как ходил сычом, так им и остался, да и здороваться с людьми стал кивком, не повернув башки.

Правда, когда у евонной соседки, фельдшерши Пелагеи помер муж, оставив её с тремя детьми и недостроенной избой, Кузьма здорово подсобил, и под конец крышу покрыл оцинковкой. А денег не взял.

Но в город так и мотался по воскресеньям с рюкзаками да сумками, вместо покойной Насти.

Только всему приходит конец. Том годе захворал Кузьма, и в два дня убрался... И скорая не помогла.

А на следующий день понаехали из райцентра

обратно скорая, милиция и заведующая детдомом Галкина, какая раньше схоронила его Настю.

Собаку милиция сразу забрала. Врачиха скорой осмотрела Кузьму, составила какой-то акт, и тело увезла в морг.

Бабы деревенские из любопытства толпой повалили во двор Фроловых. Милиция с понятыми начала глядеть помещение.

Я в понятые тоже попал.

Беднота, я те скажу, - не дай бог! Ни ковров каких. Даже телевизора в доме нет! Стол, пара табуреток, и вся мебель - самоделка. Сделаны, кажись, давно, но добротно, путём! Видать Кузьма сам сварганил.

А чистота, что в казарме! И на участке такой порядок, что наши бабы тока охали да ахали и удивлялись. Что курятник, что сарай козий, что свинарник - будто на выставке!

Но не это главное. Главное, что на столе лежал конверт и на ём рукою Кузьмы:

«Галкиной Софье Андреевне, заведующей детским домом № 2».

При милиции она вскрыла конверт и прочитала:

«Дом и все хозяйственные строения на участке, вместе с садом и живностью завещаю детскому дому № 2, что в Кирпичном переулке. А ниже приписка: Даже глухие слышат детскую беду. И подпись - Фролов Кузьма».

Вот тада, заведующая и рассказала, что все эти годы, Настя с Кузьмой постоянно помогали детскому сурьёзными, так и сказала - сурьёзными денежными переводами и всякими продуктами.

Вот тебе и Ёшкин кот!

Лопухнулись мы так, что со стыда, глядеть друг на друга не хотелось. Это ж надо, сколь напраслины гнали на Настю с Кузьмой!

Потом целый год все бабы ходили как немые. И даже лужгать семечки уже не садились вечерами. Отпала охота.

Похоронили Кузьму рядом с Настей. Много народу всякого пришло - с детского дома ребята и ихое начальство. Наши деревенские цветы принесли и скинулись на венок. Видать совесть всех мучила.

С той поры, дом в деревне и хозяйство Фроловых, обернулось в подсобное детдомовское, и заведует им та же Пелагея, фельдшерша. Сейчас правда, кто моложе, помогают ей по хозяйству.

Вот такая история, свояк. Ну, давай помянем Настю с Кузьмой. Ты ж их как-никак помнишь. Может они хоть там нас слышат.

Ирина Гусева (Науменкова)

Родилась в столице Латвии - Риге. Публиковалась в газете «Заря» (Брест), журнале «Неман» (Минск), в журнале «Работница» (Москва). В 2010 году вышли две книги поэзии в издательстве «Альтернатива» (Брест): «На языке любви» и «Дары пилигрима» (переводы лирики Юзефа Игнацы Крашевского).

На интернет-портале Ольги Лялич-Кровицкой (республика Польша) размещены мои переводы лирики польских авторов из Люблинского воеводства (2012). Живу в Москве.

«Графика поэта и... стихи художника» (о творчестве Аркадиуша Савчука)

Время, отданное поэзии, в своей жизни я не считаю потраченным впустую.

Не только потому, что, читая стихи, знакомишься, входяшь в мир другого человека, восхищающий тебя либо отталкивающий (и такое бывает!), но и потому, что иногда судьба дарит тебе встречу с родственной твоей душе душой.

Насколько это нечасто, настолько, поэтому драгоценно. И пускай кажется, что подарок не заслужен, радость от него не становится меньше.

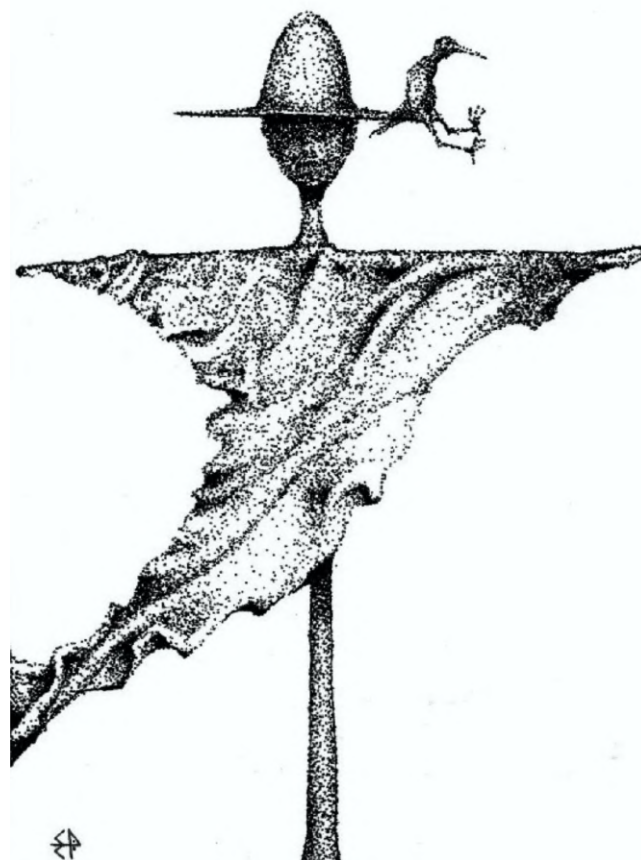
С лирическими стихами Аркадиуша Савчука я познакомилась значительно позже, чем с его графическими работами. Читая книжки польских поэтов, иллюстрированные художником-графиком А.Савчуком, еще тогда подумала, что человек, оформляющий книги поэзии, должен (непрененно!) ее любить и возможно даже сам писать стихи...

Графические работы настолько гармонировали с поэтическим текстом, не превалируя над ним, что казались естественным его продолжением, наполняющим искренние строчки авторов глубиной, открывающей иные грани их поэтического мира.

Позже на международном портале Ольги Лялич-Кровицкой в Интернете я просмотрела все размещенные там работы Аркадиуша Савчука. И еще раз полюбовалась на уже знакомые мне графические работы, а также на новые, в которых «нашла» такое милое, напоминающее далекое детство и почему-то сказку «Волшебник Изумрудного города», Огородное Пугало. Оно как будто приветливо помахало мне лохмотьями, напыленными на него. А сидящая на его шляпе птица подмигнула, как давнишней своей знакомой...

И вот однажды, не так давно, я прочла стихи, подписанные уже виденными именем и фамилией... И подумала - «Неужели?». Вторая мысль была «Отчего же?»

И она подпитывалась впечатлениями от чтения стихов, которые были ощутимо зримыми, с деталями, как мне кажется, присущими именно глазу художника, подмечающего их независимо от своего желания и хотения, благодаря особому складу натуры.

* * *

на заборе в моем саду сушится солнце
вчера тучи боролись друг с другом
за так называемое жизненное пространство
и пролилось немало слез
а скрежетанье зубами засыпало павшую
землю лавиной искр
и как всегда так и теперь оставшиеся в живых
тучи склоняются в задумчивости над теми

что уже неподвижно и плоско лежат на земле
и не лягаются ногами и не бодаются рогами
а на моем заборе сушится солнце
я сижу на террасе и даже не шелохнусь
боясь его спугнуть
потому что хотя месяц и оттащил меня
за бороду
я все время такой ребячливый

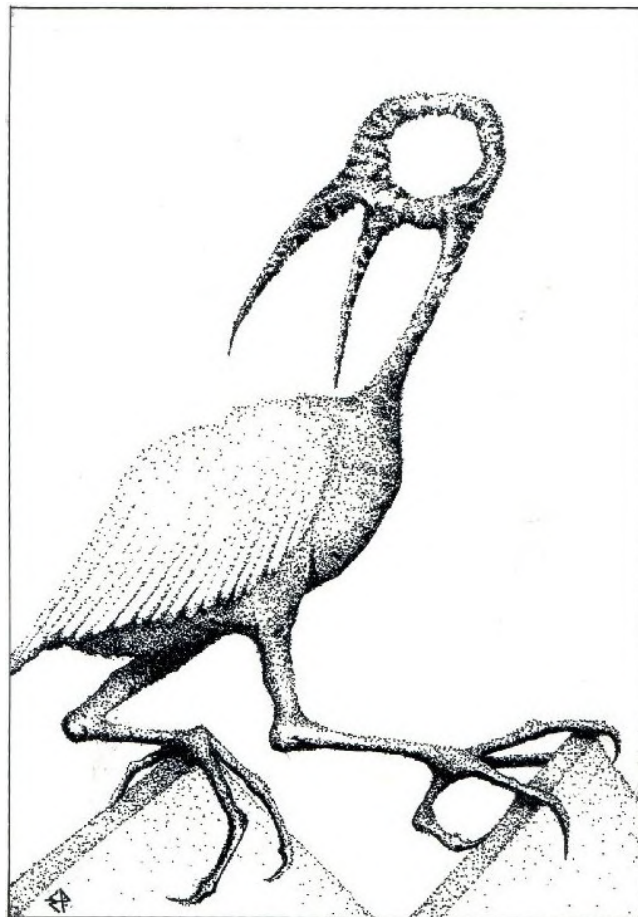
Его цапля, практикующаяся в йоге, стоит у меня перед глазами, как живая, благодаря его «счастливому», как мне кажется, биноклю:

на берегу цапля практикующаяся в йоге
смотрю на нее в бинокль
и думаю что это хорошо что река нас разделяет
иду по лугу в сторону леса члап члап члап
теплая грязь просачивается сквозь пальцы
солнце отражается в траве порой сверкнет во всю мощь
это хорошо что река соединяет

Мысли об окружающем мире, выводы, выстраданные автором, юмор, сарказм, ирония Аркадиуша Савчука удивительно созвучны моему внутреннему миру, хотя, казалось бы, все мыслимые и немыслимые обстоятельства разделяют нас. Тем не менее:

почему
почему
почему
так поздно узнал
что слепота заразна
отчего никто раньше не сказал мне что
глупость так легко переносится
от человека к человеку
как это случилось
что
не мои мысли
стали моими

мои ангелы
орошают витражи
золотят пергаменты и атласы
мои ангелы мерцают между
слоями сосен
зарастают лугами водорослей
мигают плечами фонтанов
порой потеряв головы
прячутся среди надгробных плит
порой непристойно шутят
мои ангелы улыбаются
мои ангелы так же плачут
мои ангелы не видят
кое-где сидят парами
порой одинокие
порой стаями кружат над лугом
некоторые имеют свою цену
другие бесценны
многие ничего не стоят
мои ангелы любят кувыркаться
в траве и в моих волосах
не люблю этих памятливых
и тех с растрепанными крыльями
ненавижу этих с пустыми глазами
и всезнающих
и тех которые знатоки добра
и
зла

мог бы рассказывать
об ангелах долго
за годы накопилось много
интересных историй...

а
так действительно
нет уже
никаких ангелов

ем следовательно существую
и сегодня съел фильм
запил его двумя концертами
а на десерт нюхал
подсолнухи
- да
те известные
известные смаковать лучше
нужно много есть
пища облагораживает
хотя порой нелегко
вчера после биографии поэта
у меня было несварение желудка
а часто философские трактаты
вызывают у меня изжогу
из-за моего деликатного желудка
под водку самые лучшие закуски
из актеров-трагиков
шведские столы выставок
хороши чтобы побыть вместе
с гурманами

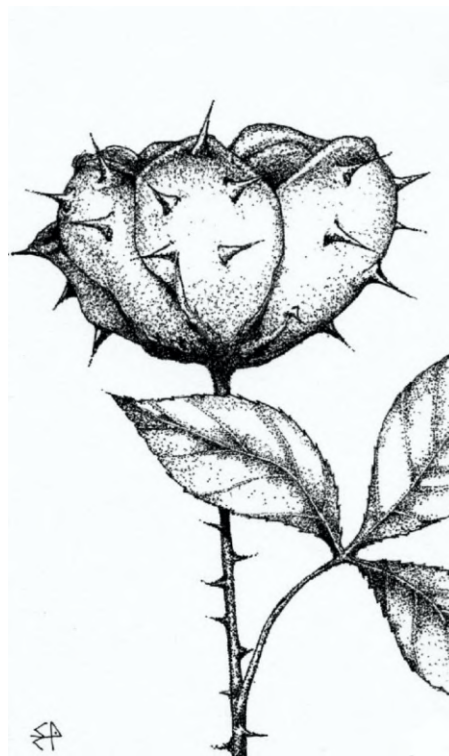
друг мой
если встретишь человека, который встал
не спрашивай его о погоде
потому что он спросит о ней также
не говори ему о себе
потому что он слушает только о себе самом
нелепостью будет также вопрос
о будущем
ведь он живет лишь от шага до шага
своих бесцельных странствий
если ты несчастлив
он тебе не поможет
потому что он всегда доволен
друг мой
если встретишь человека который встал
отойди как можно скорее
ты должен идти

недалеко от моего дома
есть старый опустевший аэродром
после дождя сверкают на взлетных полосах
вытянутые восковые полосы солнца
есть недалеко от моего дома птицеферма
когда приходит пора жатвы
дымоходы крематория дымят
моими тревогой и беспокойством
порой когда ветер выпьет слишком много водки
и неестественно весел
и носит его по всей округе
на аэродром падают белые перья
сейчас я смотрю на тарелку на которой лежит груда
отваренных маленьких сердечек
это не то же самое что бульон из курицы
это не то же самое что бульон из одной курицы
количество все-таки имеет значение
хотя миллион это как будто просто статистика

Любовная лирика, несмотря краткость стихотворений, очень емкая, много говорящая об отношениях любящих:

усталый был вчера
усталый был позавчера
а сегодня прижались ко мне твои
самые высокие ожидания
наполнила мою голову тем
что нужно
и уже не чувствую себя усталым
и таким одиноким
уже живу листьями
из твоего календаря

как тихи нынче твои слезы
как сдержанно заламыванье рук
без прежних молний
твои взгляды
сегодня не роешь уже окопов
и не пробуешь взрывать мои
бункеры рассеянные
по трясинам
выбросила ружье и белый флаг
не требуешь уже тех вещей
сплошная нерешительность
только грустно
у моей совести пожалуй
нет совести

С моей точки зрения, поэзия Аркадиуша Савчука органично дополняет его графику. И, думаю, в недалеком будущем, на свет появится его поэтическая книжка, иллюстрированная его же графическими работами.

Уже сейчас хочу прочесть, увидеть и снова пережить момент узнавания, восхищения и (тьфу, тьфу, тьфу!!!- чтоб не сглазить)...

Новая Зеландия

Ирина Кушнерова

Родилась 1 июля 1980 года во Владивостоке. Окончила институт массовых коммуникаций Дальневосточного государственного университета в 2002 году. Работала редактором спецпроектов в Тихоокеанской государственной телерадиокомпании «Владивосток» и корреспондентом на Общественном телевидении Приморья. С декабря 2005 года года живёт в Новой Зеландии (г. Окленд). Стихи публиковались в различных интернет-изданиях.

Пятую осень

У него без неё остывает
эспрессо-маккьято
Где-то в центре Москвы,
в опустевшем под вечер кафе.
Так случается пятую осень,
и есть вероятность,
Через год он поставит ещё один прочерк
В графе...

У неё без него поутру леденеют ладони.
Листья падают вниз,
оставляя круги на воде.
Возвращаясь домой,
она едет в последнем вагоне.
Так случается пятую осень,
И есть ли предел?

Всё течёт, как всегда -
Без эмоций, интриг и загадок.
В ночь с субботы на зиму
опять переводят часы...
У него без неё черед
аварийных посадок.
У неё без него и посадочной нет
полосы...

Теория невероятности

Сонное утро, влюбленная девочка
трогает лучик тонкими
пальцами.
Ей очень хочется доброго-вечного.
Чтобы не ввали
метеостанции.
Чтобы цыплят не считали по осени.
Чтобы принцесса,
но без горошины.
Чтоб отношения - не однополосные.
Чтоб в двадцать восемь

не было прошлого.

Чтобы любили до дури! до судорог!
Чтобы по краю
или по лезвию.
Чтоб автостреды без трэффиков- сутолок.
Чтобы мгновенно и
безболезненно.
Чтоб вероятность сильнее теории.
Чтобы балансы
точно по-белому.
Чтобы у самого синего моря
и
паруса
к берегу...

Big city life

В этой стране пушистые облака.
Боинги-птицы ныряют сквозь
них на сушу.
Если я здесь - значит
это кому-то нужно!
Город родной, ты там не скучай... Пока!
Остров вулканов и необычных птиц
как тебя кук нашел на краю планеты?
После зимы окунуться в цветное лето
пару снежинок нежно смахнув
с ресниц...
Путать слова, теряться среди витрин
верить в мечты и в улыбки простых прохожих
смысл искать в рисунках на смуглой коже
слать эсэмэсок пачки
[сегодня - free]
Русская речь здесь приносит особый кайф -
редко слышна под флагом у королевы...
Реки машин текут непривычно - слева
бурным потоком уносят в
big city life...

Тук-тук

Здесь на юге зима,
здесь никто никого не греет...
Продырявились крылья
без веских на то причин.
Отпускаю тебя
[только память звенит сильнее]
в некрестовый поход
[будет повод точить мечи].

Будет повод для слёз
алкоголя,
стихов,
неврозов.
Для смешных откровений,
для веры в нечудеса...
Будет повод для встречи
[быть может, вернуть не поздно?!]
А увидев...
Скучая сказать:
“ну, привет... как сам?”

А потом разойтись
по своим непрямым дорогам.
Посидеть в тишине,
подвести, как итог, черту.
Не осталось у нас
ни кола,
ни двора,
ни бога,
только память стучит по рельсам:
тук-тук,
тук-тук.

Золотой ключик

Меняю свой гардероб на весенний,
хлам убираю с плечиков.
Прощаю обиды друзей и любимых,
грехи почти отпускаю...
В сердце больше нет ничего,
кроме автоответчика.
Но это неважно. шлюзы задраены,
воздух не пропускают.
Кошка-копилка снова беременна,
все говорят, будет тройня.
Это число счастливое, значит
мир изменится к лучшему!
Сотни влюблённых сейчас ненавидят
рельсы-вокзалы-перроны,
а я продолжаю верить в фильм-сказки
про золотые ключики...
Сплошь и повсюду оттепель. хочется
быть очень яркой и звонкой!
Весна вливает под кожу микстуру
острым огромным шприцем.
Вместо кого-то я занимаю
лучшее место под солнцем,
а кто-то вместо меня отчаянно
любит лучшего
принца...

Гравитация

Я давно научилась читать между строк и слов.
Между смайликов
скобок
кавычек
и многоточий...
разбивая ‘ходовку’ о выбоины и кочки
добираться ‘на лампе’ до станций и маяков.
Я давно научилась жить там куда занесёт
самолётом
автобусом
рикшей
такси
трамваем...
я умею устроиться так чтобы ‘хата с краю’
только это почти ничего не меняет. чёрт!
я давно научилась быть крошечной как Плутон.
быть сама себе осью
и тихо вокруг вращаться...
истерически верить
в теорию гравитаций
по которой однажды притянемся
Я и ОН

А знаете...

А знаете, что такое любовь?
Это когда в самой крепкой цепи
размыкаются звенья.
Это когда для него растаешь
с собственной тенью.
Это когда за спиной ощущение
сломанных крыльев
и нечем дышать... словно тебя
цунами накрыло!

А знаете, что такое любовь?

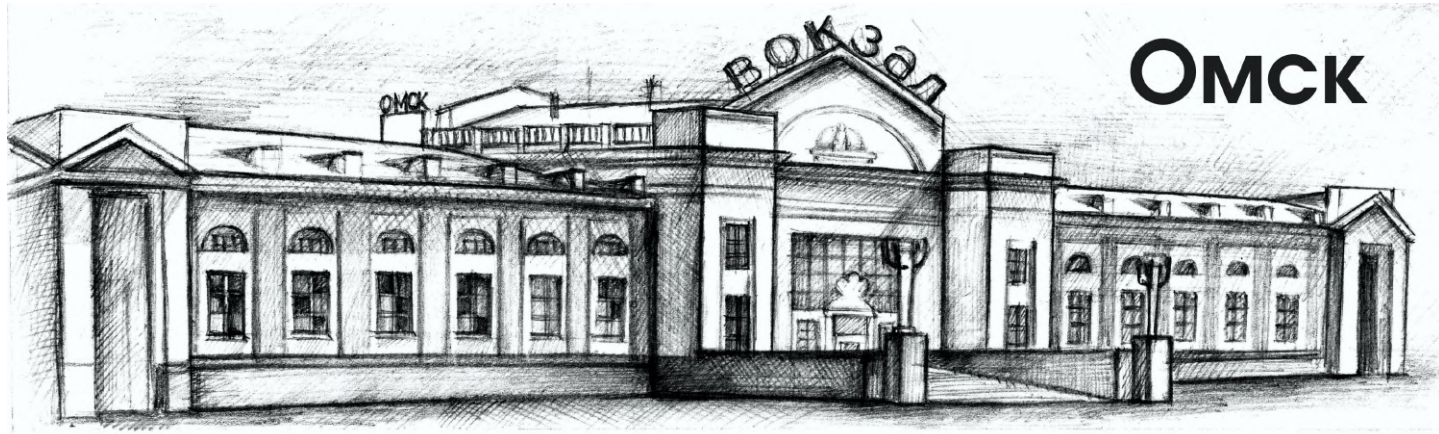
Это когда семь раз на дню
из гнезда выпадаешь.
Это когда без него не живешь -
едва выживаешь.
Это когда до ручки
до края доходишь
до паперти!
И ни царя в голове нет,
ни господ бога,
ни матери!

А знаете, что такое любовь?

Это когда словно плетью хлещут
слова его.
Это когда срастаешься взглядами
намертво!
Это когда несет тебя в бездну
бурным течением
и наплевать!
И ничто на земле
не имеет значения!

А знаете...?

Да ничерта вы об этом
не знаете...

Евгений Фельдман

Родился в Омске в 1948 году. Закончил Омский государственный педагогический университет (факультет иностранных языков и исторический факультет) и аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории Томского государственного университета.

Член Союза российских писателей и Союза переводчиков России. Единственный за Уралом профессиональный поэт-переводчик. Стаж творческой деятельности - более 40 лет. Перевёл свыше 60.000 стихотворных строк из англо-шотландской классической поэзии.

Больше всех в России перевёл из Редьярда Киплинга (треть всего творческого наследия Киплинга-поэта), Роберта Бернса (две трети; для сравнения - С.Я.Маршак около 36%) и Джона Китса (чуть более половины творческого наследия).

Впервые перевёл и подготовил для печати сборник стихов Артура Конан Дойля «Песни действия».

Трёхтомная антология «Семь веков английской поэзии» - вышла в московском издательстве «Водолей Publishers» (2007) - на 15% состоит из переводов Евг.Фельдмана. В издательстве «Фолио» (Украина, Харьков) в переводе Евг.Фельдмана вышла любовная поэма Джона Китса «Эндимион» (2008). В этом же издательстве в переводе Евг.Фельдмана вышла книга - Роберт Бернс «Былые времена» (2009). В 2010 году в издательстве «Фолио» вышли книги - Редьярд Киплинг «Кабульский брод» и Омар Хайям «Рубаи»

В 2010 году Евгений Фельдман стал Лауреатом литературной премии имени И. А. Бунина

Из Роберта Бернса (1759-1796)

«Четыре ветра на земле...»

Четыре ветра на земле,
Но западный один,
Мне повторяет имя Джин,
Моей любимой Джин.
Мечтаю я под звон ручья,
Под шум лесных старшин.
Моя душа летит спеша,
Летит к любимой Джин.
Цветы ли все стоят в росе
И птицы ли поют, -
Но с ней душа в любой красе
Находит свой приют.
И в мире целом нет глубин,
И в мире нет вершин,
Что не напомнили бы мне
О Джин, любимой Джин.
Повей, мой западный, повей!
Над полем, над лужком
По небеси пчелу неси
С нагруженным брюшком.
Неси ко мне мою любовь,
И тысячи кручин
Улыбка нежная сотрёт
Моей любимой Джин.
О, встреч, разлук блаженный круг!
О, жаркие сердца!
Река, холмы, - здесь только мы,
Здесь клятвы без конца!
Лишь только Тот, кто создал род
И женщин, и мужчин,
Поймёт меня: прожить ни дня
Я не могу без Джин!

I love my Jean

Of a' the airts the wind can blow,
I dearly like the West;
For there the bony Lassie lives,
The Lassie I lo'e best:
There 's wild-woods grow, and rivers row,
And mony a hill between:
But day and night my fancy's flight
Is ever wi' my Jean.
I see her in the dewy flowers,
I see her sweet and fair;
I hear her in the tunefu' birds,
I hear her charm the air:
There 's not a bony flower that springs
By fountain, shaw, or green;
There 's not a bony bird that sings
But minds me o' my Jean.

Переводы из Роберта Льюиса Стивенсона
(1850-1895)

Моя тень

Бежит за мной - то тут, то там, -
 повсюду маленькая тень,
И ей за мною по пятам
 повсюду следовать не лень.
Она похожа на меня,
 совсем как братик мой родной.
С разбега прыгаю в кровать,
 а тень - ага! - передо мной.
Я удивляюсь каждый день
 тому, как тень моя растёт.
Я очень медленно расту -
 чуть-чуть - вот столько - каждый год.
А тень-то мигом подрастёт,
 высокой станет, как сосна,
то станет маленькой совсем -
 почти невидимой - она.
Не может маленькая тень
 играть, как наша ребятня:
Ей нравится на все лады
 лишь передразнивать меня.
Она трусиха, тень моя,
 трусиха, честно вам скажу,
И льнёт ко мне, идёт за мной,
 как я за няней не хожу.
Проснувшись утром как-то раз,
 я тут же встал, протёр глаза.
Ещё и солнце не взошло,
 сверкала в лютиках роса.
А тень-ленивица постель
 никак покинуть не могла,
И не хотела выйти в сад -
 и всё спала, спала, спала...

Городок из кубиков

Кубик на кубик, - а что же потом?
Выстрою крепость и выстрою дом.
Дождь на дворе и весь город промок.
Дома я выстрою свой городок.
Станет горою высокий диван.
Мягкий ковёр - голубой океан.
Гавань - в углу; заплывают сюда,
Вдоволь по морю поплавав, суда.
Маленькой башней дворец увенчал.
Краше дворца я ещё не встречал!
Вниз по ступенькам к причалу бегу,
Вслед кораблям я машу на бегу.
Эти уплыли, а те пристают.
Слышу, как песни матросы поют.
Вижу, король к ним пожаловал сам
И леденцы подарил храбрецам.
Всякой игре наступает конец.
Крепость я рушу, дома и дворец.
Но неужели исчез без следа
Мой городок - навсегда-навсегда?
Нет, не исчез, но остался во мне.
Вижу его наяву и во сне.
Где бы я ни был, - он в сердце моём,
Мой городок на ковре голубом!

My Shadow

I have a little shadow that goes in and out with me,
And what can be the use of him is more than I can see.
He is very, very like me from the heels up to the head;
And I see him jump before me, when I jump into my bed.

The funniest thing about him is the way he likes to grow—
Not at all like proper children, which is always very slow;
For he sometimes shoots up taller like an india-rubber ball,
And he sometimes gets so little that there's none of him at all.

He hasn't got a notion of how children ought to play,
And can only make a fool of me in every sort of way.
He stays so close beside me, he's a coward you can see;
I'd think shame to stick to nursie as that shadow sticks to me!

One morning, very early, before the sun was up,
I rose and found the shining dew on every buttercup;
But my lazy little shadow, like an arrant sleepy-head,
Had stayed at home behind me and was fast asleep in bed.

Block City

What are you able to build with your blocks?
Castles and palaces, temples and docks.
Rain may keep raining, and others go roam,
But I can be happy and building at home.

Let the sofa be mountains, the carpet be sea,
There I'll establish a city for me:
A kirk and a mill and a palace beside,
And a harbor as well where my vessels may ride.

Great is the palace with pillar and wall,
A sort of a tower on top of it all,
And steps coming down in an orderly way
To where my toy vessels lie safe in the bay.

This one is sailing and that one is moored:
Hark to the song of the sailors on board!
And see on the steps of my palace, the kings
Coming and going with presents and things!

Now I have done with it, down let it go!
All in a moment the town is laid low.
Block upon block lying scattered and free,
What is there left of my town by the sea?

Yet as I saw it, I see it again,
The kirk and the palace, the ships and the men,
And as long as I live and where'er I may be,
I'll always remember my town by the sea.

Санкт-Петербург

Юлия Рудомазина

Родилась и почти всю жизнь живёт в Ленинграде/Санкт-Петербурге. Неоднократно публиковалась в изданиях «Интеллигента» и дружественных изданиях. Бессменный вебмастер сайтов (а их стенилось уже три) проекта «Интеллигент». С осени 2018 года - главный редактор Международной медийной группы «Интеллигент».

Основное направление в творчестве - верлибр, как вид поэзии, относительно свободный от давления формы.

Наибольшее влияние на становление стиля и формы произведений оказали как американские авторы: Керуак, Гинзберг (и другие битники), Бротиган, Буковски, так и, разумеется, классики русскоязычного верлибра: Михаил Кузмин, Владимир Бурич, Геннадий Айги. Также творчество в духе времени аккумулирует явления современной культуры, печатной, визуальной, музыкальной, в попытке на их основе создать что-то новое.

... весна

1. Птица

Мёртвая птица лежала
На углу, возле аптеки
Обезглавленная, слегка расплюснутая
Колёсами заезжающих на тротуар машин

Яркое, оптимистичное,
Первое весеннее солнце
Радостно освещало
Проголодавшийся город

Прохожие делали шаг
В сторону, обходя
Мёртвое тело вороны,
И улыбались тому,
Что снова пришла весна,
Что снова стало тепло
И солнце
Солнце
Солнце...

2. Солнце

Солнце не спит,
Оно на работе
Ласково греет,
Жжётся и плавит
И пепелит
Пепелит
Пепелит...

3. Это весна

Это весна. Она неизбежна

4. Машины

Машины ездят по тротуарам
В нарушение всех норм и правил
Пугают старушек, пылят на детишек
Словно танки, переезжают
Заезавшихся птиц
И всех-всех-всех, кто не успел увернуться.

5. Весна

Под тяжёлый грузовик весны
Попадут булыжники и пустые бутылки
Глупый смех детворы
И лай весёлых собачек
Пыльные дворники
И злые старушки
Мёртвые птицы и президенты.

Карма Полис

Одинокий
След
Беглый
Отражает
Свет
Лунный
Прошлогодний
Лист
Ференц
Танцует под "Karma Police"
Вместе
Со мной
А за нами наблюдает
Кто-то злой
С надзорною
Надменною трубой
Ugam* Лист,
Обернитесь!
Он там!
Арестуйте его, -
Он нам всё поломал
Он всё здесь порушил
Он тяжело дышит,
Словно старый
Приёмник радиоволн,
Который он
Тоже испортил...

*Ugam - (венг.) Господин. Как обращение, я так понимаю, использовано неверно, зато звучит красиво!

Всё застыло в ожидании (чуда)

Всё застыло в ожидании чуда.
Из ниоткуда
Вот-вот
Прилетит вертолёт
С голубым волшебником
Таким включенным
Таким бархатным
Будто сам Кайл Маклахлан
Или сам Дэвид Боуи.
Ободранный, словно обои,
Из обрывков слаженный,
Замазанный сажей,
Сотканный урывками,
Сшитый жестяными нитками,
Красными, зелёными
Фиолетовыми,
Фальшиво отпетый,
Написанный наощупь,
Чёрным ботинком по снегу пройдёт
Слепой как крот
По двойной сплошной жёлтой
Следами третьего сорта
Второго апреля десятого марта...
...Тысячу раз ха-ха...
С высока
Эхо отзовется
Паническим смехом уродца -
Плачем по безлюдью,
По усопшему празднику
Непослушными слезами,
Затолкнутыми в глотку,
Связанными в кулак,
Грохотом, стоном и топотом...
...Потом...
...А Потом...
...Эхо...
Свет выйдет из тени
Останется только
Взрыднуть на колени.
Вздыблены вены
Жар в руках
В кончиках пальцев пеплово
Незачем вовсе дышать...
Через час меня здесь уже не было

Заклинание змей

Маяковский заклинал змей,
Играя на своей сломанной
Флейте-позвоночнике.
Ходил по битому стеклу.
Ходил по горячим углям.
Ранил ступни, а затем
Обжигал свежие раны.
Он смеялся над теми,
Кто жалел его и предлагал
Бинты, перевязки и мази.
Он недоумённо качал головой
И сокрушённо вздыхал,
Когда ему предлагали
Взять новую, целую флейту.
«Что», - думал он, - «эти люди
Могут понять в таком деле
Как Заклинание змей?».

Удушье

Угол зелёного света
Боковым зрением,
Межпозвонковое трение.
На выдох
Воздуха не хватит.
С какой-то невидимой стати,
На краешек кровати,
Присядет
Кто-то неприятный,
Заговорит о разумном,
Заговорит о нужном,
Станет скучно,
Станет даже грустно...
Внезапно,
Случится окружность,
И по дорожке из серого гравия
Прискачет То Самое,
В рамках злого и странного
Правила,
Знойного, струйного, струнного,
Забьётся мелким щебнем в ботинке
В правом
Верхнем углу восприятия,
И останется только сидеть
И ждать...
Наслаждаться
Естественным ходом,
Да смотреть
Как густое время
Налипает на руки,
Забивает лёгкие,
Впивается колочками,
Психоаналитическими штучками
В изнанку разума.
Тело застынет
В предвкушении
Неизбежного расстояния...
И начнёт б-б-бить
Дрожь.
Душить
Сп-п-пазм,
Кружиться пейзаж,
Слева направо,
По часовой
И против секундной,
Вниз,
И вверх,
И вбок ...
И...
Погасите лампу!
Разбейте стекло,
Порвите вольфрам,
Поверните рубильник,
Обесточьте весь город...
Всё равно темно...
Только пляшут
Сиреневые мультики
На нервных моих окончаниях.
Только, всё равно, уже всё равно.
Ниспошли мне, Господи, снов неправедных

Город (из Недописанного цикла)

*Ночь. Город утомился.
За большим окном
Тихо и торжественно
Как будто человек умирает.
Но там стоит просто грустный,
Расстроенный неудачей,
С открытым воротом,
И смотрит на звёзды.
А. Блок*

Никто не знает Мой Город.

Мой Город подобострастно
Бросает пыль в глаза всем желающим,
А сам лежит, пустой, за моим окном,
И шевелит деревьями,
Как злодей из диснеевских мультфильмов.

Улица безлюдна.
С фонаря свисают сосульки.
Жаль, что аптеки нет,
А то можно было бы писать стихи Блока.

Никто не знает Мой Город.

Мой Город бесцветен,
Он состоит из заборов и снега.

Мой Город делает вид, что не замечает
Заборов и снега, смен времён года,
Неуместных влюблённостей
И бессонных ночей, -
Тогда Мой Город притворяется спящим
И подглядывает через щель между занавесками.

Никто не знает Мой Город,
С которым я не могу смириться.

Никто не знает Мой Город.

Мой Город, вместо колыбельных,
Жужжит своей тишиной
И никак не желает заткнуться.

Мой Город - это ночь после паршивого дня,
Который никто не починил,
Коньяк, наушники и музыка.
Как будто "How Could Hell Be Any Worse?"
И "Wish You Were Here"
Могут заглушить безразличный и тихий город

Никто не знает Мой Город.
В конце концов, Мой Город -
Только подходящий повод для верлибра.

Лошадки облаков плывут на восток

Лошадки облаков плывут на восток

Над голубыми незабудками
Над жёлтыми лютиками
Над зеленоющей снытью
Над белыми одуванчиками
Над розовым шиповником
Над довольными июньскими пчёлами
Над высокими-высокими берёзами

Лошадки облаков плывут на восток,
Превращаясь в бегемотиков.

Облачные бегемотики скачут по небу
Над остывшим чаем
Над одиноко сохнувшим на верёвке полосатым носком.
Над нерадивым соседским Вовой,
На которого два дня кричит всё семейство
(Причём не ясно, это маленький ребёнок

Или просто пьяный балбес).

Над работающими бензопилами
Над ленивыми ленивыми собаками,
Над шумом электричек,
Над длинными-длинными рельсами
Над чёрным дымом
Над безжалостным постмодернизмом этого утра.

*Летели облака,
Летели далеко,
Как мамина рука
Как папино трико
(ДДТ)*

Новый сценарий

*«I don't want to be anything
Other than what I've been trying to be lately
<...>*

*I don't wanna be anything other than me»
Некто по имени Gavin DeGraw*

Первой новостью этого утра
Было то, что авторы сценария
Выжили из ума

Они заставляют своих героев
Делать странные вещи:
Невозмутимо и хладнокровно
Говорить о сексе, вдаваясь в детали,
Пару раз публично
Произнеся слово «трахаться»,
А один раз даже и слово похуже.

Они заставляют своих героев
Делать даже опасные вещи:
Откровенно говорить о любви,
Волнуясь, описывая свои переживания,
Пару раз публично
Произнеся «я люблю тебя»,
А один раз даже заплакав.

Они заставляют своих героев
Делать множество всяческих глупостей,
От которых их жизнь теперь интереснее...

* * *

Второй важной новостью этого утра
Был разговор на платформе метро
И возбуждённый сбивчивый шёпот
На ушко:
«Мы с тобой будем
Как Дилан и Бренда,
Как Пейтон и Лукас...
А если не выйдет,
На крайний, на случай,
Как Барни и Робин...
Но мы будем вместе».

Слова проглотил приехавший поезд
Суровая дама,
Что моет полы
Большим аппаратом
Затёрла следы тех, кто мог их сказать
Или слышать.

* * *

Третьей новостью этого утра
Была песня
С попсовым мотивом,
На плохие стихи,
Которая так хорошо
Дополняет сценарий.

Екатерина Асмус

Родилась в Санкт-Петербурге, 11.10.1967 года. До 4 лет жила с родителями в Африке (Хартум) и Европе (Лондон, Париж). Образование высшее – художник – модельер. С 2000 года основная работа в кинопроизводстве. Профессии: художник постановщик, автор-исполнитель, журналист, писатель, сценарист.

Публикации: в многочисленных альманахах, сборниках и журналах. Написан и проиллюстрирован рисунками автора роман «Рок».

Голова вождя

- Да поймите же вы, мы не можем ее принять!
- Но она полностью к школе подготовлена, на каком основании вы мне отказываете?

- А на каком основании девочку вашу перевели в детском саду через группу? Они там неизвестно что выдумывают, а вы куда смотрели?

- Сказали, что ребенок развитый. Нет смысла в «старшей» группе год тратить, а нужно сразу в «подготовительную».

- Развитый? И кто это сказал? А вы и растаяли! А как в школу отдавать - подумали? Нет! Вот и сидите сами с ней еще год, пока семь лет не исполнится.

- Но мне сказали, что проблем не будет, ей же семь исполняется в конце сентября!

- Сказали, ну надо же! Тут учебное заведение! И правила устанавливает РОНО!

- И что же теперь делать? Я работаю, ребенка дома одного не оставишь...

- Не знаю! Раньше нужно было думать! Никаких исключений мы не делаем, и не ждите! Ни для кого.

- Но тут недалеко французская школа, они принимают с шести, я слышала.

- Не знаю, кого они там принимают, и знать не хочу! Раз такие знающие - вот и ведите туда.

- Но дочка еще маленькая, сама ездить не сможет, а мне на работу рано, я отвезти не успею...

- Женщина! Я же вам русским языком говорю, исключений не будет! Это ваши проблемы! Все, разговор окончен.

Завуч районной школы. Кримпленовый голубой костюм. Пергидроль. Знаменитая прическа под названием «хала» на голове. Синие тени, вмазанные в морщинки у глаз и розовая помада. Почетный методист. Социальный работник в подведомственном социуме.

Бетонный серый прямоугольник школы зыблется посреди грязной лужи и глиняных валов. Район новый: пустырь, три дома. Наконец-то квартира, кооперативная. А главное - школа рядом, пять минут ходьбы. Сама Аська дойдет и провожать не нужно. Школа, правда, обычная, без всяких уклонов, но это не важно, в Советском Союзе для всех хорошее образование, слава Богу.

Лидия Сергеевна поднялась со стула.

- Спасибо. Я все поняла.

В дверях кабинета завуча она остановилась и обернулась.

- Интересно как у вас вестибюль оформлен. Мозаикой.

- А это наш директор, - вдруг оттаяла завучиха. - Своими руками выложил смальтой портрет Вождя! Удивительный человек!

- А... Понятно. Ну что ж, всего доброго!

Покинув кабинет заведующей учебной частью, Лидия Сергеевна двинулась по коридору, но не на выход, а совершенно в обратном направлении. Интуиция привела ее прямехонько к кабинету директора. Эх, была, не была! Хуже не будет. Немного помешкав, она постучала.

- Войдите! - сказала дверь глубоким басом.

Изнутри директорский кабинет выглядел шикарно - светлая велюровая мебель, массивный лакированный стол. Два больших окна с желто-оранжевыми занавесками придавали помещению солнечный и радостный вид. Несметное количество вымпелов, кубков и флажков на полках. Сам хозяин кабинета покоился в удобном кресле. За спиной у него виднелся весьма габаритный портрет Вождя в тяжелой богатой раме. Менее масштабные полотна с изображениями Вождя и его соратников, были развешены по периметру кабинета.

- Присаживайтесь, - прогудел хозяин, благодушно глядя на мило-

видную и элегантную посетительницу. - Слушаю вас.

- Добрый день. Я увидела внизу мозаику, поинтересовалась - кто автор. Говорят - вы. Зашла как художник к художнику. Не часто встретишь директора школы, который сам занимается оформлением. - Спасибо, приятно услышать похвалу от профессионала! - растекся директор. - Я ведь так, по-любительски... Хотя в художественной школе учиться довелось. А вы, простите, в какой области?

- Я дизайнер. Специалист по интерьеру - скромно улыбнулась Лидия Сергеевна.

- О! Какая интересная профессия! А можно вопрос к специалисту? Видите ли, у нас здание новое, пустовато как-то, стены голые.

- А давайте посмотрим ваши владения? - внезапно предложила Лидия Сергеевна, легко поднимаясь с кресла.

- Да? А это удобно? Я отниму у вас время, вы не торопитесь?

- Нет. Сегодня у меня на работе вечерние часы. Пойдемте.

Следующие шестьдесят минут они колесили по школьным коридорам, взбирались на этажи, спускались с этажей, под непрерывную директорскую похвальбу. Школе всего год, а она уже носит звание «лучшей школы района». Совет ветеранов. РОНО. Обком. Исполком. Комитет ВЛКСМ. Все одобряют. Хвалят. Поощряют. Награждают.

Остановились под смальтовой головой Вождя.

- А у вас Лидия Сергеевна есть дети? В каком классе?

- В том-то и дело, что еще ни в каком. Нужно в школу поступать.

- Да? И в какую?

- А вот, проблема возникла - не берут нас никуда!

- Это почему же?

- Ей семь лет в конце сентября исполняется, говорят - ждите год.

А она уже и читает и пишет!

- Да, что вы? Такой ребенок развитый?

- Да, вот и в саду говорили... А теперь - неразрешимая проблема.

- А вы приводите к нам! Мне способные дети очень нужны. РОНО за успеваемостью строго наблюдает.

- Я бы и рада, но отказали.

- У кого вы спрашивали?

- У завуча, конечно, как положено, - мстительно сообщила Лидия Сергеевна.

- Ох, уж эти мне методисты. Все по букве! Но с другой стороны - правильно. Как говорить, лучше перебдеть чем недобдеть, верно? - директор засмеялся, потирая руки. - Несите документы. Прямо ко мне.

- А они у меня с собой.

- Ах, вот как? Отлично. Давайте. И приходите первого сентября. Я сам передам ваши бумаги.

- Спасибо вам огромное! Вы меня очень выручили. Школа в нашем дворе, ходить сама будет. - Лидия Сергеевна облегченно вздохнула и улыбнулась.

- Ну, конечно, о чем вы. Так, насчет оформления стендов в рекреациях мы договорились, да?

- Да, да, конечно!

- Ну, до свидания, очень рад был знакомству!

- Всего доброго! И спасибо вам еще раз!

В вестибюле, под мозаичной головой Вождя, Лидия Сергеевна остановилась, прикидывая: восемь стендов в каждой рекреации. Это, соответственно, шестнадцать на этаж: на этаже по две большие рекреации. А этажей - четыре.

Итого, простая арифметика: пятьдесят шесть бесплатных бессонных ночей!

Олег Ернев

Российский прозаик, драматург, либреттист. Член Союза писателей, Союза Театральных Деятелей, Профкома Санкт-Петербургских Драматургов и Санкт-Петербургского Союза Искусств.

Родился в городе Ашхабаде, Туркменской ССР в 1949 г. В 1973 г. оканчивает Туркменский государственный университет и уезжает на Дальний восток, где работает заместителем директора школы и преподаёт русский язык и литературу в старших классах. Потом переезжает в Рязань и устраивается научным сотрудником в государственный музей-заповедник С. А. Есенина в селе Константиново. С 1975 по 1981 живёт и работает в Москве. Затем переезжает в Ленинград и поступает в драматургическую мастерскую Игната Дворецкого.

С 1986 года начинает печататься и ставиться в театрах. Пьесы «Мы пришли» и «Когда Спящий проснется» прошли по многим театрам Советского Союза.

Совместно с композитором Виктором Плешаком работает для драматических и музыкальных театров. Такие мюзиклы, как «Инкогнито из Петербурга», «Ночь перед Рождеством», «Женитьба» были поставлены во многих театрах России. Параллельно драматургической деятельности выпускает детские книги и прозу.

Продолжает эту работу и поныне.

Гераклит и хитрец

Какой-то человек (он был хитрец)
спросил у Гераклита:
“О, мудрец, в чём состоит твоё ученье?”
- В том, что весь мир находится в движении,
что всё течёт, меняется, и дважды
не вступишь в реку, по которой плыл,
и я, что час назад страдал от жажды,
я, утолив её, уже не тот, что был.
- Твоё ученье глубоко и тонко, -
хитрец сказал, восторга не тая. -
Я, съевший на обед вчера цыплёнка,
сегодня, евший курицу - не я?
- Примерно так, - философ отвечал. -
Концы всегда отличны от начал.
А середина удалённа от концов,
как сыновья от дедов и отцов.
Да не возникнет у тебя сомнение:
в основе мира коренное изменение.
- Попробую твоё учение понять,
но я сейчас от голода страдаю.
Займи мне сотен пять.
И на досуге я поразмышляю.
Философ был от хитрости далёк
и вытаскивал охотно кошелек.
Была сухая теплая погода.
Гуляя, Гераклит увидел должника.
- Постой! - вскричал. - Уже полгода
прошло как ты займы из кошелька,
из моего пятьсот монет...
- Учение твоё я изучал, - ответил ученик. -
Я глубоко в него проник
и понял так: нас всех несёт течение,
и каждый, кто в течение то войдёт,
проплыв полгода, выйдет уж не тот,
каким он был, войдя в ту реку.
А потому, Учитель мой,
скажу я с чистою душой,
что никакого отношения к человеку,
что занял денег у тебя, я не имею.
А ты уже не тот, кто их давал.
Как? - Гераклит вскричал. -
Ушам не смею поверить.
Кошелек ведь я тебе отдал.
- Да не кричи и не смотри таким сычом.
Всё изменилось. Мы-то здесь при чём?
- Хитрец! Ты подложил мне жирную свинью!
- Я просто воплотил теорию твою.

Школьная любовь

Всё началось с Феди.
Он узнал от приятеля Пети,
Что он, Федя, нравится Ленке.
И тогда он на переменке
Присмотрелся: а Ленка-то красавица.
Понял Федя, что ему Ленка нравится.
И он бац - её учебником по спине.
Мол, Ленка, ты тоже нравишься мне.
А Ленка ему линейкой - «раз»
И побежала из коридора в класс.
Не поняла она признания в любви,
Только крикнула Федьке: «Лови!»
Он поймал и дернул её за косу,
И тут же у него что-то взорвалось в носу.
Это Ленкин кулак
Показал, что она не боится драк.
Не выдержал Федька, взял за шиворот Ленку
И с размаху ударил её об стенку.
Ленка даже не удивилась,
А вот стенка взяла и обвалилась.
Вслед за стенкой рухнул потолок.
Сверху хлынул воды поток,
Зазвенел тревожно звонок.
Ученики подумали на урок,
Оказалось, что всех выгоняют на улицу.
Кто смеется, кто плачет, кто рыдает, кто хмурится.
Шум стоит, крики и гам.
Крыша школы треснула пополам.
И упала на землю крыша.
Ай! - завопил испуганно Миша. -
Кажется, это землетрясение!
- Да нет, это просто чувство весеннее, -
Мише ответил Вася. -
И случилось всё в нашем классе.
Это чувство «любовь» называется.
С неё-то всё и начинается.
Просто Федька влюбился в Ленку
И ударил её об стенку.
Ленка сразу же на пол свалилась,
Тут стенка взяла и обвалилась.
Потом рухнул потолок,
Помчался воды поток.
Плохие у нас в школе стенки.
Но какие крепкие Ленки.

Влюбчивая Таня

Бедная Танька запуталась,
В голове у неё все перепуталось.
Осталась одна извилина.
Глаза стали, как у филина.
Сначала ей нравился Олег.
Но разонравился, едва выпал снег.
Домой провожал её Колька,
Но Колька не нравился нисколько.
Записки писал ей Сережка,
Вовка стучал в окошко.
С Федей ходила в кино,
Сашку любила, но...
Ах, нет, это был не Сашка.
С Сашкою вышла промашка.
Любила она Андрея,
Чтоб Сашку забыть скорее.
В театр ходила с Петей,
Петя даже готов был спеть ей
Арию из Людмилы и Руслана.
Только ему не хватало фортепьяно.
Но... Таня застыла, увидя
Как шёл одноклассник Витя,
Он на поводке вёл собачку,
потом сел в роскошную тачку
и... заболела Таня,
мечтая теперь о свиданье
с Витей. Но тут Семён
сказал ей, что он влюблён
в неё, что он так влюбился,
что сразу на ней бы женился.
И покраснела Таня,
Назначив ему свиданье
В мороженице на углу.
Семён промычал: «Угу!»
Но... на встречу не явился.
А ведь сам говорил, что влюбился.
А это Вовка с Антошкой
Его попинали немножко,
А после предупредили:
«Запомни, дружок, или-или:
Или про Таньку забудешь,
Или мордою в луже будешь».
Семён как-то быстро смылся,
И в Маринку влюбился.
А Таня? Не знает, как быть,
кого же теперь любить?
Ей симпатичен Гриша.
А он: «Да зачем мне грыжа?»
Клеится к ней Сергей,
Но он далеко не окей:
Худенький, ходит боком.
Ещё зашибёшь ненароком.
Димка - мягкий, как вата,
Да и морда у него глуповата.
Васька девчонок боится,
Говорит, что его любовь - это пицца.
Летом на лодке со Славкой каталась,
Чуть было в озере навсегда не осталась,
Оказался такой придурок,
Мало того, что проглотил окурок,
пока она любовалась на закат,
Слава дал ей ногой под зад.
Это у него такая шутка,
А она воды набрала полжелудка.
Решила отдать своё сердце Мише.
С Мишей даже целовались на крыше.
Он ей вдохновенно стихи читал,
потом поскользнулся и с воплем упал.
К счастью это был гараж,
высотой в один этаж.

И теперь он с палкою ходит.
Нет, Мишка ей не подходит.
Есть еще правда Жора,
но тот не похож на ухажера.
Сколько в нем не ищи -
Найдешь лишь одни прыщи.
Может, поробовать вновь
Семену подарить любовь?
Но он, пнув со злостью ведро,
сказал, что ему нравится Мэрлин Монро.
Вроде неплох Антон,
Но очень толстый, как слон.
Ей улыбается Костя,
Но у Кости сплошные кости.
Лежа в пенистой ванне,
Таня мечтает о Ване,
Сидя в школьном буфете
Думает Таня о Феде.
Мальчишки кругом, как микробы.
В кого бы влюбиться, в кого бы?

Софокл и его сын

Софокл - драматург имел своё поместье.
Богат и славен был. Дожил он до седин.
Но недоволен был им сын,
который с папою жил вместе.
Отец в узде его держал,
был строг, кутить не разрешал.
А папе было уж под девяносто.
И обещал прожить он до ста.
Ну, а сыночку шестьдесят.
Когда ж хозяином он станет?
Когда отец тиранить перестанет
жизнь сына, превращая в ад?
В один из дней, стерев слезу с лица,
сын к судьям потащил отца.
- Достопочтимый Суд! - вскричал он гневно. -
Вот этот человек... Он выжил из ума!
Так стар, так глуп, что смерть сама
бежит в испуге от него, наверно.
Пусть передаст он управление
именем мне. Моё теперь имяне!
- Софокл, что ты нам скажешь?
- Что скажу?
Что я не сумасшедший докажу
вам просто. Ну, а вы решите сами
легко ли жить с такими сыновьями?
Коль уделите мне внимание,
прочту вам пьесу новую. Названье
“Эдип в Колонне”.

Тихо голоса
в судейском зале отзвучали. И кивнули
согласно судьи. Драматург на стуле
усевшись, начал. Три часа
восторженные зрители внимали
чтецу. То тишина стояла в зале,
то всхлипы, то рыдания. Наконец,
читать закончил приведённый в Суд отец.
И... тишина, потом аплодисментытакие
бурные (как драматург, скажу,
что в мире ничего не нахожу
прекрасней, чем подобные моменты).
Платки все были мокрые от слёз.
Кто вытирал глаза, кто покрасневший нос.
- Почтенный Суд, каков твой приговор? -
спросил Софокл. - Ему беспрекословно
я подчинюсь. Реально ли, условно...
- Твой сын, Софокл, и лжец и вор.
Мы признаём, и в этом нет сомнений
ни в ком из нас: что ты - великий гений!
Отчизны слава! Сына-подлеца
в тюрьму за то, что он клеветает на отца!

Эзоп и градоначальник

На рынок шёл Эзоп с каким-то порученьем
(он был, как помним мы, рабом,
и сам Эзоп не забывал о том).
Нельзя сказать, чтоб с увлеченьем
он выполнял задания, погружён
по большей части, в басни, в размышленье.
Вот и сейчас он совершал движенье
по направлению к рынку, углубясь
в поэзии ажурнейшую вязь.
Он басню сочинял о сыре
и о вороне, о лисе, о мире
вельмож, которым так по нраву лесть.
О том, что с нею можно в мир вельмож пролезть,
забраться выше, ибо учит свет:
оружья нет
сильнее похвалы и лести.
Почёта и богатств добьёшься с ними вместе.
А честь - та в наше время не в чести:
ни власти не добьёшься с ней, ни денег -
так думал наш Эзоп и продолжал брести.
Вдруг - окрик грозный: "Стой, бездельник!"
Эзоп остановился удивлённо.
Пред ним градоначальника персона.
- Куда идёшь? - начальник прокричал.
Эзоп на все вопросы отвечал
уклончиво. Поскольку, как философ
он упрощённых не любил вопросов.
Вот и теперь ответил он: "Не знаю,
куда иду.
- Не знаешь?! Понимаю.
Сбежал, небось, затеяв кутерьму.
Я вижу вас насквозь. Схватить его! В тюрьму!
- Ну, что я говорил, - вздохнул Эзоп. -
Вот видите, ответ мой точно в лоб.
- Как так? - вскричал начальник. - Почему?
- А разве мог я знать, что попаду в тюрьму.

Македонский и предсказание

Как говорит античное преданье,
Оракул дал такое предсказанье
царю: «Чтоб победить врагов,
ты, Александр, должен быть готов
из города сегодня выйдя
и первого же встречного увидя,
его схватив, им ублажить Богов.
Лишь этой жертвой победишь в боях.
Пожертвуй встречного - и мир в твоих руках».
Велению Оракула послушен,
покинув город, Царь сказал друзьям:
«Ворота позади. Теперь мне нужен
тот, первый, кто идёт навстречу нам».
А им навстречу ехал на осле
какой-то человек навеселе.
Вино из кувшина глотая,
он песни распевал, на солнце тая.
- Схватить! - его схватили слуги рьяно
и приготовились зарезать, как барана.
Он в ноги бросился к Царю.
- За что, великий Царь?! - бедняге объяснили:
мол, так и так, ты жертвой станешь или
Царь проиграет войны.
- Я горю
желанием помочь. И стать готов я жертвой.
Но по Оракулу вам нужен встречный первый,
а я не первый.
- Нет? А первый кто ж?
Да тот, кто на меня ни капли не похож.
Он от тебя к Богам твоим посол.
- Да кто же это?
- Это... мой осёл.
Ведь если судим по горизонтали,
сперва осла вы морду увидали.
А я, как вертикаль, уже потом.
То бишь, посередине, как известно.
А значит, я - второй. Так будет честно.
- Тогда прощайся со своим ослом.
И наградив крестьянина монетой,
смеялся долго Царь над выдумкою этой.

Эсхил и Оракул

Эсхил - великий грек и драматург,
божественных трагедий демиург -
к Оракулу пошёл и долго плакал
потом над тем, что предсказал Оракул.
"Эсхил, куда бы ты ни шёл, не скрыться
тебе от массы, павшей с высоты
на череп твой. И это - черепица.
До срока от неё погибнешь ты!"
С тех пор, как прозвучало предсказанье,
он опасаться стал входить в любое зданье,
хоть новое, хоть старое оно.
Прошли года. Оракул уж давно
забыл про драматурга. Но Эсхил
ему предсказанного не забыл,

и поднимаясь по ступенькам славы выше,
с опаскою поглядывал на крыши.
Жил на дворе, и там же ел
и пил, писал, толстел или худел,
беседовал с друзьями или спорил,
читал... Но кто же смерть его ускорил?
Орёл, который черепаху подцепив
когтями, в небо с нею взмыв,
не удержал добычу... В этот час
Эсхил прогуливался по двору как раз.
Летела черепаха, как из пушки.
Удар пришёлся точно по макушке.
Оракул знает все наши дела.
Жаль, не дописана трагедия была.

Ирина Рудомазина

Я родилась 21 апреля 1951 года в г. Ленинграде, где и проживаю по сей день. По образованию инженер-экономист.

Стихи начала писать в возрасте 53 лет. Для меня стихи это разговор по душам, рассказ о сокровенном, наболевшем.

Я с удовольствием делюсь своим творчеством с друзьями и близкими. Радуюсь, если оно проникает в их сердца и находит отклик, а возможно, помогает понять и пережить некоторые, схожие с моими, жизненные ситуации.

ФЕВРАЛЬ

Зима, круг жизни завершая,
Ещё хозяйствует, сильна.
Пугает холодом, сугробы намедает,
Своих позиций не сдаёт она.
Мороз не шутит - щёки, нос кусает,
Снег под ногами оглушительно скрипит.
На ветках иней хрусталём сверкает.
Лес тишиной и сумраком манит.
Всё, как обычно в зимний день погожий,
Но, почему же сердце так щемит.
День, на другие вроде бы похожий,
Но, воздух, как вино, пьянит.
Возможно, оттого, что стала даль синее,
И солнце выше, и длиннее тень.
И жажда перемен сильнее
В этот февральский
предвесенний день.

Во всём разлито ожиданье:
Ещё чуть-чуть и занавес падёт.
Есть некое очарованье в тайне
О том, что впереди нас ждёт.
Мы будто бы на корабле, готовы
Плыть в неизвестность, веря в чудеса.
Осталось лишь отдать швартовы,
Февраль нам надует паруса.

* * *

Под ногами опавшие листья -
Как паркет в танцевальном зале.
Всюду капли дождя

повисли,

Бриллиантами засверкали.

Фонари своим ярким светом.
Плавят золото листьев клёнов,
Не гнушаясь и медных монеток,
Что берёз осыпали кроны.

Уже голые ветки рябины
Наклонились под тяжестью ягод,
И, как фон драгоценным рубинам,
Ночь раскинула чёрный бархат.

Эта роскошь пробудет не долго
Украшением осеннего бала,
Скоро зимний наступит холод,
А потом

всё начнется с начала.

ОБНОВЛЕНИЕ

Тамаре, моей дорогой подруге, посвящается

Как будто грязные бинты, с земли
сползает снег,
Пред нами неприглядно обнажая
Её увечья, раны, боль прошедших лет,
Всё тайное бесстыдно открывая.
Печальная и жалкая картина.
Да, нелегко даётся обновление.
Всё ж для унынья нет причины,
Набраться надо лишь терпенья.
Пройдет совсем не много дней,
И первые весенние дожди,
Грязь смоят всю с земли, с ветвей,
Плохое оставляя позади.
Зеленая трава затянет язвы, раны,
И жизнь начинается с чистого листа.
Цветами первыми покроются поляны,
И веточки берёз накинут кружева.
И солнца щедрого нежнейшее тепло
Наполнит силой каждый стебелёк,
Чтоб **снова** жило всё, росло, цвело,
Пусть милостью своей поможет в этом Бог.

Догоняя ушедшее лето

Вновь на юг улетают птицы,
Догоняя ушедшее лето.
Ну, а мне начинает сниться
Берег дальний, солнцем согретый.
Нескончаемый шум прибоя,
Крики чаек, бегущие волны,
И, слегка опалённые зноем,
Стройных пальм роскошные кроны.
Шаловливый ветер-проказник
Заблудился в листве платанов,
А магнолии, будто в праздник,
Свечи красные зажигают.
Дышит всё теплом и покоем,
Словно стражи стоят вокруг горы.
Тихо, тихо, будто колдуя,
Шепчет сказки Чёрное море.
Я оставляю, хоть это не просто,
Хмурый Питер с косыми дождями,
Сяду в поезд, поеду в Хосту -
Уголочек земного рая.
Я поеду туда, где лето
Продолжает всё длиться и длиться,
И, как некогда в песне пропето,
Стану я перелетною птицей.

Тебе

Я дарю тебе,
 мой Невстреченный,
 Одному тебе,
 мой Неузнанный,
 Красоту волшебную
 вечера,
 Уходящего лета
 музыку.
 Как цветы яркие
 перед осенью,
 Так же чувства мои
 перед старостью,
 Хоть виски уже тронуты проседью,
 А в глазах отпечаток усталости.
 Я живу как все: есть семья, есть друзья,
 Только рядом нет,
 нет тебя у меня.
 Будто нет руки, будто глаз один,
 Будто солнца свет закрывает тень.
 И проходим всем я смотрю в глаза -
 Вдруг случится так, что сведет судьба.
 Продолжаю ждать, ждать-надеяться:
 В жизни в этой, не в «той», души встретятся.
 Пусть на день, на час, на короткий миг
 вспыхнет яркий свет и взорвется мир,
 Высота небес нам откроется,
 И что быть должно, то исполнится.
 Я дарю тебе,
 мой Невстреченный,
 Одному тебе,
 мой Неузнанный,
 Красоту волшебную
 вечера,
 Уходящего лета
 музыку.

Сентябрь

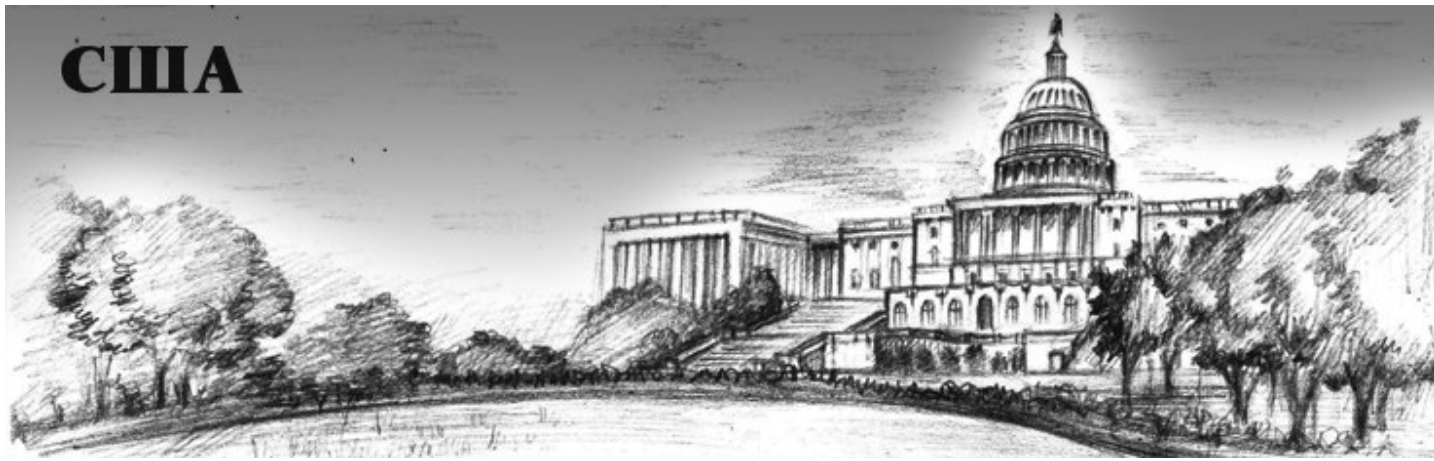
Хоть небо такое ясное, и солнцем земля согрета,
 И море волной лазурной ласкает горячий песок,
 Но я, почему-то знаю, уже закончилось лето,
 Время неумолимо всему отмеряет срок.
 Об этом шепнул мне ветер, листья с деревьев срывая,
 А может быть прядь седая, что серебрит мой висок.
 Пустеют поля, и ветви плоды на землю роняют,
 Птицы сбиваются в стаи, выжжена солнцем трава.
 И скоро придёт ненастье, я знаю об этом, знаю,
 Но пусть это будет завтра, а нынче
 потоки тепла
 Нежно меня обнимают...
 Жаль, что такое счастье не может быть навсегда.
 И день, наполненный светом, теплом и запахом моря,
 Как благодать, как чудо - бесценный подарок Небес.
 Но я, почему-то знаю, и принимаю не споря,
 Его не вернуть - невозможно ещё раз исполнить на бис.
 Об этом шепнул мне ветер, тучи над морем гоняя,
 А может быть прядь седая и лучик морщин возле глаз.
 От мимолетной ласки сердце так сладко тает.
 Из вечера делает праздник своим сияньем луна.
 И близок час расставанья, я знаю об этом, знаю,
 Но пусть это будет завтра, а нынче
 потоки тепла
 Нежно меня обнимают...
 Жаль, что такое счастье не может быть навсегда.

Рассвет

*«Жить хочу за рекой, где ночует рассвет,
 Там смогу подсмотреть, как рождается свет...»*
 Есть у ночи особенный час,
 Когда кажется, будто вот-вот, сейчас
 Непременно что-то случиться должно.
 Всё вокруг ожиданьем полно.
 В этот час тишина, как густой кисель,
 Захлебнулась в ней птичья трель.
 Притаилась, умолкла река.
 Нет ни звука, ни ветерка.
 Небо чёрно. Алмазы звёзд -
 Маяки наших сладких грёз,
 В бесконечном танце плывут.
 Будто замерло время,
 и тут
 Изменилась картина, слегка.
 Посерела, поблёлка тьма,
 Тусклым стало сиянье звёзд,
 Словно тряпкой протёрли холст.
 Как на фото, из черноты
 Проявляются лика черты,
 Также, виден, становится лес,
 На светлеющем фоне небес.
 Разгоревшись, как пламя в печи,
 Заря отобрала у ночи ключи.
 Небосвод стал прозрачней, синей,
 А стволы у берёз белей.
 Вот и солнце встает из реки,
 На воде, оставляя круги.
 Лёгкий ветер качнул кусты,
 Зашуршал, заглянув в камыши.
 Птицы проснулись, слышен звук
 Голосов их и дятла стук.
 Оживает лес, и река
 Заплескалась о берега.
 День за днём и за веком век
 После ночи
 всегда
 наступает рассвет.
 В постоянстве таком, вновь и вновь,
 Нам является Божья Любовь.

 * * *
 Не бывает весны без зимы,
 Света утра без ночи тьмы.
 Встреч не может быть без разлук.
 Радость мала, если не было мук.
 Не столкнувшись со злом, не ищешь добра.
 Друга ценишь, узнав врага.
 В полный сосуд не нальёшь вина,
 Наполнишься, лишь опустев до дна.
 Тому, кто сыт, не нужна еда,
 О Боге вспомнить заставит беда.
 Никто не войдет в закрытую дверь,
 Не жди побед, раз боишься потерь.
 Не умерев, не родишься вновь.
 Всё пройдет, вечно только Любовь.

США

Надежда Мархасева

Почти двадцать лет назад приехала в Америку из России, где много лет работала преподавателем фортепиано.

Здесь впервые начала писать стихи всерьёз. Вслед за этим появились романсы и песни на свои тексты и тексты других авторов. Много лет пишу забавные короткие рассказы и стихи для юмористического журнала «Смехотерапия», рисую к ним иллюстрации.

Имею публикации в газетах, журналах, альманахах Америки и за её пределами. Выпустила две книжки.

ГЛАЗА пародия

*В фойе влетела старая листва с осенними
безумными глазами, скрываясь от голодного костра...*

Михаил Нержин

От жутких глаз сегодня спасу нет!
Я вся дрожу... Помилуй меня, Боже!
Вслед за листвой в фойе влетел поэт
с безумными глазами тоже!

Бежать, бежать, (опасно здесь теперь!)
не тратить ни минуты на раздумье!
Но тут влетела кошка в ту же дверь,
в её глазах - кошачье безумье...

Листву страшил костра голодный свет -
ей хватит даже обгорелой головёшки! -
От глаз её в безумство впал поэт,
и от того ж его рехнулась кошка!

НА ПЕРРОНЕ

Отсверкав на шумном перроне,
поезд скрылся в пропасти черной...
В твоих мягких горячих ладонях
утонули мои

покорно.

Растворяюсь в сладко-опасном
колдовском твоём притяжении.
наполняет волнением страстным
губ, желанных уже, движение.

Не познав ещё вкус поцелуев
и объятий жарких отраду,
я тебя затаенно ревную
к тем, кого провожаешь взглядом.

Ты, как пламя вспыхнувшей спички,
опалишь, и тут же остынешь,
и на следующей электричке
и перрон, и меня

покинешь.

ЧТО СЛАЩЕ ВСЕГО?

Ни опыт долгих пржитых годов,
ни буря чувств, ни страстное томленье -
мне слаще мимолётное влечение,
без обязательств, без ответных слов...

Улыбки вспышка, ласка встречных взглядов,
нежданное тепло полуобъятия...
И нет резона объяснять мне,
что всё всерьёз воспринимать не надо!

Но... в глубине зрачков - волненья тень...
Мгновенье затаённого восторга...
Ах, право, мне не надо слишком много,
что б быть потом счастливой целый день!

ВОСПОМИНАНИЕ

Девушка в платочке,
в пёстром сарафане
яблоко кусает
белыми зубами,
и в разрезе блузки
на груди высокой
закипают капли
брызнувшего сока.
В синеве - неподвижность
облаков пушистых,
разметалась юбка
по траве душистой,
окропило щёки
золото веснушек,
золотятся прядки
рыжих завитушек,
и на вырез блузки
сок, вскипая, брызжет
в жарком свете лета,
в ярком цвете жизни...

Почему сегодня
вспомнилось мне это,
на закате жизни,
на излёте лета ?..

ПРИЗНАНИЕ

Ах, право же, не знаю:
влюблённость, иль каприз?
С восторгом принимаю
судьбы неожиданный приз!
На свет твоей улыбки
как мотылёк лечу,
и прежние ошибки
я помнить не хочу!
Как нежно эти губы
ласкают мне лицо,
и скромность мою губит
горячих рук кольцо...
Уже желаний токи
переполняют грудь,
в их пламенном потоке
рискую утонуть...
Теперь тебе лишь верю,
на всё как ты гляжу,
в таинственную веру
уже перехожу,
твоим увенчан ликом
души моей чертог,
мой ласковый владык,
мой синеглазый Бог!

В ТУМАНЕ

Вновь от тумана город изнемог...
Ползёт туман, стирая контур зданий,
запутал направления дорог,
а улицы лишил названий,
и воды отделить от суши смог,
ориентиром в призрачном блуждании,
лишь басовитый бархатный гудок
кораблика, бредущего в тумане...

СМЕХ
Пародия

*Вырою берлогу
И уйду от всех,
Чтоб никто не слышал
Мой сумасшедший смех...*
Лиза Софийская

Не ходите, Лиза, рыть берлогу в лес,
кто вас заставляет в ту берлогу лезть?
Холодно в берлоге, и опасно ведь:
вдруг неподалёку шастает медведь?
Напугает зверя сумасшедший смех,
он взревёт, и вздыбит на загривке мех,
а потом... пугать вас, Лиза, не хочу,
(вы и так смеётесь!) лучше - промолчу.
Вот альтернатива, слышала о томи
есть хороший очень для страдальцев дом!
Всем там помогают, исцеляют всех,
сделают укольчик - прекратится смех.
Есть дадут, уложат в чистую кровать...
Но потом придётся что-то выбирать,
даже, если будет приговор суров:
порекомендуют не писать стихов,
или, в крайнем случае, не давать в печать,
чтобы сумасшедшим смех не стал опять

МУЗА И МЕТЛА
Пародия

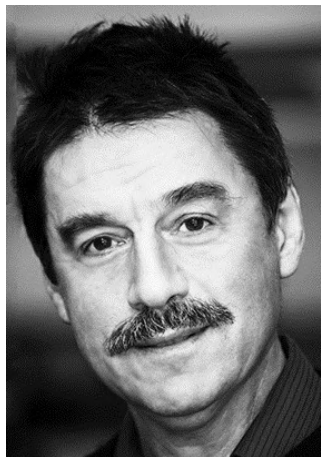
*Ну а сегодня к нам пришла весна шальная,
Ей рада я, и трепетно поёт душа.
Мы посидим с тобой ещё немножко у камина,
Я завершу стихи, в полёте музу вороша.*
Татьяна Оручоглы.

Наш дворник, старенький Степан,
что листья ворошил, сгребая в кучу,
как исключение, весенним утром не был пьян,
наоборот, был трезвостью измучен.
Сперва он осенил себя крестом,
своим глазам поверил лишь потом.
Средь искр, летящих из трубы камина,
(Тьфу ты, напасть! И как туда попала?)
крылами дамочка восторженно махала,
и пела трепетно её душа...
И на лету она стихи кропала,
метлой в полёте музу вороша...

ТЕЛЕФОН

Я припадаю к трубке телефонной,
как жаждущий - к источнику в пустыне...
Ваш голос, зазвучав в квартире сонной,
у одиночества меня отнимет.
Вернёт душе покой неспешный разговор.
Но признаюсь, что с некоторых пор
мне жаль, что из него ушли смятенье,
полупризнанья, полуоткровенья,
где грань меж «да» и «нет»
была ещё столь хрупкой,
где был подтекст важней
всех слов, звучавших в трубке.
Пусть - полуигра, полувлечение,
ни прошлого, ни будущего - что ж!
Прекрасен на излёте лета
звёздный дождь -
хоть падающих звёзд
так коротко горенье...

Дмитрий Гаранин

Родился и вырос в Москве в годы Брежневского застоя. Окончил МФТИ, работал в Физическом Институте им. Лебедева АН СССР. В 1992 эмигрировал в Германию, работал по специальности. С 2005 года - профессор на физическом факультете Lehman College в Нью-Йорке. Автор около 130 научных статей. Писал стихи в 1978-82 и 1988-89 годах, но не публиковал, и в литературной жизни не участвовал. Вновь заинтересовался поэзией в конце 2012 года. В настоящее время автор 16 книг стихов, изданных под собственной маркой Arcus NY. Публикации в журналах "Крещатик", "Слово/ Word", "45-параллель", "Зарубежные задворки", "Asian Signature (Индия)

УЖАС САДОВНИКА

* * *

Сорняк - это тот, кто не даст себя затоптать,
Искоренить без применения специальных средств.
Парков мемориальных жуть,
В разграбленность садов вторгшийся тёмный лес,

Кто отнимет место под солнцем в квадрате своём
У розы и ириса, спящих, себя опылив
Перекрёстно, наперекор ветрам
По периметру установив гранит.

Если зверь какой чужеродное семя занёс
В нерасчёсанной шерсти, в отпечатках своих копыт,
По недосмотру в ограде проделав лаз -
Этот случай прискорбный душу пусть берedit!

Если меры не приняты незамедлительно,
Через какое-то время задушит садовый строй
Колючая дикорастущая братия,
Для которой почва культурная - пережной.

* * *

Под настроенье депрессивное
Певучих жалоб брызнуть ливнями
На сокровенную тетрадь
И тучи сплина разогнать,

А лучше дерзко-завиральную
Строку воздеть маниакальную
К ультралазурным небесам,
К лечебным птичьим голосам.

* * *

*Сократ мне друг, но истина дороже
Платон*

Друг тебя никогда не предаст,
даже как жертву истине.
Она, с чешуёй золотой, тотчас
в омут амбиций свистнет.

Себя за твой утверждая счёт,
другой ступает на кочку,
вокруг которой тщета течёт
и лжи пузыри клокочут.

Скоро уж липы грянут своим ароматом
и среди зеркальных расщелин завяжется жар
Выйдет наружу то что до времени прятали
женщины чтобы и млад подивился и стар

В этом большом налившемся мёдом яблоке
в воздухе вязком себе червя туннель
мимо красавиц закинувших ноги за столиками
взгляды бросаешь чувствителен но несмел

в односторонности оптического контакта
по сю сторону социальных мембран
не рассчитанный для боевого акта
прорыва в направлении этих дам

Если бы курс пройти ролевой подготовки
с инструкторшей что умело срежет барьер
проведа через пару шагов неловких
первых за которыми без потерь

то не будешь уже в одиночестве упражняться
самопишущим органом языка
перед гипотетической зеленоглазой массой -
экзистенции извилистая река

тебя понесёт

* * * *

Кондиционер бился, как лев, в клетке окна,
В атмосфере комнаты не производя прохлады.
При малейшем движении из-под причёски на
Клавиатуру компьютера пот устремлялся градом.

Я напрягался, вместо того чтоб сорвать банан
И залечь под сенью широких листьев
На территории одной из отсталых стран
Вдалеке от обязанностей ветвистых,

Не придавая значения громадьё
В поле жизни дикорастущих планов
И идей, которым созреть даю
И настояться до степеней дурмана.

В четырёх стенах раб самого себя,
Одержимый собственным перебродившим духом,
Век на градусе, спокойствие не любя,
Всматриваюсь и говорю "Ану-ка!"

* * *

Когда не ждёшь её совсем
пускай нагрянет хоть случайно
и наконец необычайно
хоть что-то в будней суете
каким-то новым озарит
возможно и неясным светом
или подувшим было ветром
заплесневелый динамит
подсушит на предмет подрыва
уж неопасного но вновь
как к молодому всё ж любовь
спешит пока неторопливо

* * *

Ничего не требуй от кого
бы то ни было какой бы редкий случай
стрясся что противиться слабо
сильному и карта в руки лучше

Ни души вокруг ты незави
сим ни от кого кому ты нужен
был бы для поддержки визави
с бедствием средь человечьей стужи

* * *

В предвкушении скольженья по волнам
Афродита на берег сойдёт.
За спиной - опора бурных вод,
Спереди же вся открыта нам.

Папарацци, жми скорей на спуск,
Девушки фронтальный вид лови!
Пусть теснятся мысли о любви
В нас от этих первозданных уст!

Ещё миг и, оседлав прибой,
Позабудет нимфа о земле -
В том кипящем рождена котле
И не создана для нас с тобой.

* * *

Растворяя в крови каберне и мерло
Расширяя сознание до точки отрыва
От всего что знакомо как карта метро
К миру деепричастность узрев и отринув

Забрести что ли в глушь заповедных лакун
Где тяжёлые вещи на пушечный выстрел
На краю пустоты пляшет входа лоскут
И невиданный плод созерцания вызрел

* * *

Выходи пред небесною силой один-ка!
Грозовеет вокруг, недокликаться ближних.
Наступает развязка шнурков на ботинках.
Разжигают огонь, тот что грешников лижет.

Перед судьями скоро предстанешь ты босый
И душой на просвет ослепительно голый.
Ты ответишь за всё, что содеял без спросу.
И опустишь глаза пред журащими долу.

Ведь ты не был рабом, исключительно божьим,
И своими идеями полнился гордо.
Ты с рабами по жизни ничем не был схожим.
Обходил стороною достойных когорту.

И по схемам своим создавал каждодневно
Вольной мысли устройства в упорной работе -
В глубине человечества многоколенной
Пусть там крутятся дальше на автопилоте.

* * *

На отрезке бесконечной прямой,
В темноте освещённом отрезке,
На членистой линии родовой
Проведи выступление с треском!

Одноразовой жизни артист,
Ты не просто сцепление генов,
Своим собственным духом цветист
Средь материи тел гомогенной.

МЕРЛО

Неосушимое мерло,
Заблудшей мудрости мерило,
Подлей-ка жару озорно,
Чтобы сознание воспарило!

Но тело чтоб не умерло
В анестезии без обмана,
Когда бутылочное стекло
Наполнит вены, как из крана.

Окутав красной кисеёй
Всех органов хитросплетенье,
Бордовым отблеском сияй
В глаза счастливому растению!

Пусть мысли вольные кружат,
Птенцы, пробив свои скорлупы,
И отдыхают, не тужа,
Всех чувств немеющие щупы.

Анжела Шкицкая

Родилась 28 февраля 1969 года в семье музыканта и инженера. С детства прекрасно пела, писала стихи и рассказы. В 12 лет поступила в музыкальную школу №2 г. Кривого Рога по классу аккордеона. Затем - высшее музыкальное образование, и... мечта петь на сцене. Но мечта так и осталась мечтой, так как появились собственные детки - дочь и сын.

4 года назад стала писать стихи, ежедневно. Это стало необходимостью, как глоток воды в жаркий день.

На многие стихи Анжелы Шкицкой написаны песни, которые исполняют известные звезды украинской и российской эстрады. Среди исполнителей: сестры Заболотские, Алла Зохина, засл. артист Украины Иван Питик, Владимир Приоров, Тамара Гвердцители.

20 лет работает в школе, отдавая свою любовь детям, обучая и воспитывая их на понимании любви и добра.

Является редактором известного международного поэтического альманаха «Чувства без границ» (Москва), стала лауреатом премии «Поэт года 2011» (Москва), ее стихи всегда ждут читатели газеты «24 часа» (США).

Продолжая писать, Анжела так говорит: «Я о себе не все еще сказала...» В ее стихах так много любви, надежды и боли, отчаяния и борьбы, равнодушия и нежности, что, читая, их, невольно хочется самому продолжить строку, чувствуя, будто в них сказано именно о тебе...

Залишися

Я не хочу тебе відпускати... Ніколи...
Заметіль, чи дощі за вікном - все одно.
Ти не йди. Я благаю. Не знаю, відколи
Замість крові біжить через серце вино.

Я не хочу, щоб сніг пролітав над тобою,
Щоб вітри завивали і шуміли моря.
Я тебе збережу. Хочеш, стану святою?
Буду тихо світити, як вечірня зоря.

Я в долонях твоїх розплескаю все небо!
Забирай цілий світ... Тільки душу віддай!
Я не можу сміятись і жити без тебе.
Залишися, й мене, наче книгу - читай.

Оставайся

Я тебя не хочу отпускать никогда.
Пусть метель или дождь за окном - все равно.
Не иди, умоляю. Не знаю, когда
Вместо крови моей побежало вино.

Не хочу, чтобы снег пролетал над тобой,
Чтоб ветра завывали, шумели моря.
Я тебя сохраняю. Хочешь, стану святой?
Буду тихо светить, как под вечер заря.

Я в ладошки твои разолью небеса!
Забери целый мир! Только душу отдай!
Не могу без тебя пережить полчаса.
Оставайся! Меня будто книгу, читай!

Приходи в мои сны...

Приходи в мои сны. Угощу мандаринами.
Откупорю вино. Если хочешь - испей.
Где-то пляшет зима за седыми витринами.
Все, что было - прошло! Ни о чем не жалею.

Вспоминая любви незаконченный опус,
отпусти меня прочь, и к себе не зови.
Приходи в мои сны, будто в солнечный отпуск.
Пей вино. Говорят, хорошо - для крови.

На заре разбуди, возвращаясь в действительность.
Я открою глаза... А в руке - мандарин.
Я не плачу давно. Потеряла чувствительность.
Только кто и зачем этот сон подарил?

Снег оранжевого цвета

Снег оранжевого цвета
Заискрится, умирая.
И, в лучах зари играя,
Растревожит сон рассвета.

Недотрогой бродит утро,
Ничего не понимая.
И любовь глухонемая
Принакрылась снегом будто.

Очень скоро сон растает,
Как зима в лучах Авроры.
Апельсиновые шторы...
Снег...
Любовь...
Заря...
Светает...

Она уедет не с тобой...

Она уедет не с тобой. Она приедет не к тебе.
Вокзал вздохнёт. И в тишине вагон качнётся голубой.
Рассвет забрезжит за окном, не став решающим в судьбе.
Она уедет в те края, где будет праздновать любовь.
Её встречает новый день, где нараспашку - чудеса!
И, встрепенувшись от обид, в любви утонет с головой.
Чего ты ждал так много лет? Отдал ей только небеса.
Она приедет не к тебе. Она уедет не с тобой...

Неблизкий мой

Неблизкий мой... Ты гроздьями рябины
Стучишься в мое сердце на рассвете.
Под ветром выгибают ивы спины,
Послом твоим стал пересмешник ветер.
Неблизкий мой, какими же судьбами
Нам встретиться? Какие перекрестки
Пройти еще? Что станет между нами?
Все сложно, мой неблизкий, все непросто.
Далекий мой, охрипшие раскаты
Переплетутся с тысячами криков:
"Неблизкий мой, любимый мой, крылатый,
Ты мною не прочитанная книга!"

Посиди со мной на облаках

Посиди со мной на облаках.
Ноги свесим в падающий ветер.
Мы вернемся рано, на рассвете.
Посиди со мною в небесах!
Я в твою ладошку собираю
Звездопад желаний и событий,
Золотые сны и страсть открытий.
А к земле вернемся поутру.
Посиди со мною в тишине
Ярких пучеглазых звезд небесных.
Будет ночь с тобой - еще чудесней!
Ну хотя б... подумай обо мне...

Здесь такая тоска и боль

Здесь такая тоска и боль, что вычищая свою душу, ты невольно соприкасаешься с тем, что разбитые мечты остаются разбитыми навсегда. И приходится разбиваться вместе с ними, отчаянно превращаясь в крик, в разлетевшиеся вдребезги капли, в унылую песню пьяного дворника. Во что угодно, только ... не в самого себя. Здесь ты теряешь себя, поддаваясь общей тоске и равнодушию. Здесь другие (так я называю чужих, незнакомых мне людей) с одинаковыми лицами, будто в масках, с натянутыми улыбками, синеватой кожей и хриплыми голосами травят друг друга осенней тоской. А ты... ты идешь за ними след в след, послушно впитывая в себя их боль и отчаяние.
Запах мокрых листьев и серой тоски приторно вкрадывается в твою глотку. Ты смотришь не на небо, а в грязную лужу, отражающую его. И боль разлуки с высотой становится невыносимой. Ты идешь в ногу с толпой, одинаковый, серо-сучный, глядя в грязное небо под ногами. И чего же ты хочешь???

Здесь любовь не живет. Жжет
Одинаковая тоска.
И по вздыбленным венам бьет
Боль бездушная. А в висках
Непонятная сердцу мысль
О несбыточных, ярких снах.
Существуешь всего лишь... Смысл?
С кем осталась твоя весна?

Подскользнулся. Упал. А вокруг лишь шёпот. И никто не подал руки.
Нет, не твое это! Расправляй крылья, глупец, лети!
Разрывай свои мышцы болью, только встань, поднимись,

и - ввысь...

Никогда не сдавайся, слышишь?
Это шанс. Шанс всегда есть, пока ты дышишь...

Непонимание

Небо над нами косыми полосками
Плещется, словно волнуется море.
Мы с тобой стали как будто бы взрослыми.
Выросли... только, увы, поневоле.
Наши знамена теперь цвета разного.
Твой цвет - надежда, а мой - опасение.
Я понимаю тебя только разумом.
В непонимании... наше спасение.

Всё имеет значение

Всё имеет значение.
Беспокоюсь о том,
Что плыву по течению,
А любовь - на потом.
Что не всё успевается,
Не ломаю преград.
Это с каждым случается:
Шаг вперед, два - назад.
Не пишу. И не пишется.
Не хочу: не хотят.
Я живу, но не дышится.
А на небе... хранят.
"Всё имеет значение!" -
Прозвучит как набат.
Давит грудь ощущение,
Что иду наугад.

Убитый в спину

Ты когда-нибудь видел глаза человека,
Убитого в спину?
Сталь безжалостным жалом вонзается
В тело неожиданно. Как больно...
И слеза по щеке от обиды (за что же?)
Невольно...
Кем угодно мог быть убивающий,
Вряд ли - Мужчиной.

Что-то еще...

Что-то еще случится.
Давит под грудь презрение.
Ноет опять ключица.
Где ж ты, мое прозрение?
Вспять возвращаю реки
Гневом своим и муками.
“Ночи, фонарь, аптека” -
Бьет по ушам... не звуками.
Кто защитит от прошлого?
Хватит с собой бороться.
Стук по зубам - и крошево...
Вспомнишь тут богородицу.
Поиск себя закончен ли?
Рвется душа из свитера.
Падает... на обочину.
Лужу собою вытерла.

Пространство, разделяющее нас

В какой-то миг, в какой-то день и час,
Преодолев препятствия и боли,
Пространство, разделяющее нас,
Исчезнет по Его небесной воле.
И застучат, как капли по стеклу,
Минуты, нам отсчитывая годы.
Я шла к тебе, как зимний день - к теплу.
В твоих руках живет моя свобода.
Не встретиться мы просто не могли.
Как день и ночь, как солнышко с луною,
Друг к другу шли. И радость сберегли:
Любовью назовут её земною.
В какой-то миг, в назначенный нам час
Колокола раскрасят небо звоном.
Пространство, разделяющее нас
Останется в слепом окне вагонном.

Не отпусти

Прижми меня к себе, не отпусти.
Какие там обиды и тревоги!
Пушай смеются только недотроги.
Хочу тебя понять и обрести.
Прижми меня к себе, не отпусти.
Ты только мне позволь войти в твой мир,
Остаться там с тобою до рассвета.
Коснуться сердца нежного поэта,
Сказать тебе, что ты - неповторим.
Ты только мне позволь войти в твой мир.
Быть может, через много зим и лет,
Когда забудешь слезы и признания,
Примчусь в Париж на первое свидание.
Скажу тебе я искренне “Привет!”
Быть может... через много зим и лет.

Замёрзшая...

*Посвящаю моему другу,
поэту Александру Олейникову*

За дальней межой одинокою птицей
Рассвет постучался в заснеженный город.
Всё дремлет еще. За страницей страницу
Листает зима, снег кидая за ворот.
Закована льдом, спит усталая речка.
Искрятся снежинки как зори из сказки.
Кругом тишина... Ни мольбы, ни словечка.
Природа одела январские маски.
И в этой тиши, ни на что не надеясь,
Ища пропитания (или ночлега),
Сминая следы, и во всём разуверясь,
Собака брела по искристому снегу.
Последние силы почти на исходе.
И город неблизко, и спрятаться негде.
Кружатся над мордой в смешном хороводе
Снежинки, шепчась на своем диалекте.

Покорно легла на пустую поляну,
Укрылась хвостом. И, вздохнув, околела.
Никчемный хозяин забыл ее спяну.
А может быть, просто ему надоела...

И первая зорька над телом остывшим
Взошла, удивляясь людскому бездушию.
Так сколько же вас, так безумно спешивших,
Замёрзших от подлости и равнодушия?

Единственный мужчина

Мне кажется - я слов не отыщу,
Чтоб рассказать, не сбившись в поцелуи,
О том, что без тебя всегда грущу,
Рассвет на сны туманов полосуя.

Я без тебя - ненужный бумеранг,
Седающая ночь, и пляска ста валькирий.
Ты без меня и жил, и умирал.
Но я с тобой! Дышу в твоём эфире.

Иду к тебе всегда за пядью - пядь.
А в небе - солнце долькой апельсина!
Я пред тобой не в силах устоять.
Ты для меня - единственный мужчина...

Шёпотом

Написано со Шкичкой Екатериной

Брызнет рассвет, как шампанское, с хохотом.
Птица ночная кружится над чащей.
“Как я люблю тебя...”, - мысленно, шёпотом
Сердцем к тебе прикасаюсь щемлящим я.
Спишь... Ничего не услышал, наверное.
Стайкою птиц рассыпаюсь по площади.
Я - твой рассвет, и любовь твоя первая.
Я влюблена и так счастлива... Господи!

Медленно ночь отступает под натиском
Первой зари. И сдаётся безропотно.
Месяц-бродяга с улыбкой романтика
Нежно “Люблю тебя” вторит мне шёпотом.

Анатолий Жариков

Анатолий Фёдорович Жариков (Иванов) Родился в Донецке, вырос в Дружковке.

Время сознательного творчества с пробелами - 30-35 лет.

Майя Шварцман

Я позабыл,
какой на сегодня вторник,
зачем ходит облако,
куда растёт дерево.
Прислала весточку из Гента Майя:
– Всплывай, Анатолий! –
напомнила, что живём
в одно время. –

«Как вам, милые мои, помочь?
Я такой же забулдыга-графоман.
У меня от божьего только дочь,
у меня от Бродского только ман».

Ты умеешь улья ворошить,
где янтарный мёд чудесно мёртв,
ты умеешь отдавать свой мёд,
чтоб взамен жить.

Улыбкой не настроишь мир,
не потеряв улыбки.
Настройщик может уйти,
музыка должна остаться,
останется место,
где он стоял, сидел,
останется его голос, улыбка,
которые незаметно будут настраивать
разбитые жилы оставшихся,
чтобы они могли проснуться,
подняться, пойти куда-то,
на новые места,
где музыка совершенна,
слова искренни,
а женщины своей красотой
сдерживают некоторую вспыльчивость
соперничающих мужчин.
Сюда настройщик придёт не скоро.

В левой скрипки вия,
голос воя в правой.
Целую обе.

Весна

В торгово-прачечный Совет уже стучат
со всей в зобу провинциальной дрожью,
что подмывает быт их
(1.гараж, 2.дом, 3.кухня, 4, 5, 6...) пьяная моча,
в останках снега находили дрожжи.

Что я хожу небритый до конца
и не вожу при этом даже бровью,
что я рифмую с матом мир Творца,
сработанный в неделю и с любовью.

Что на монаха издали похож,
но в церкви и монастыри не вхож,
что в свою бытность при Эсэсэсре
меня бы мерили совсем иной мерой.

Я вышел за город, съел солнца и песка,
набрал воды и ветра полный рот,
и поднималась тихая тоска,
что поднимает человеческий род.

Февраль. Коты орут, как люди,
а человеки, как коты.
Давай проснёмся я и ты
и тоже - будем.

Три «теперь я»

Теперь я
ухожу в отстой
при -10 и +30.

Теперь я
сливаю тридцать
в три стиха.

Теперь я
зажигаю женщину
одной спичкой.

Утро города

И новый приползёт рассвет
в наш городок пятиэтажный,
в офсетный блеф больших газет,
в отстой использованных граждан.

Не суетись, на всё давно забей,
найди под рубрикой два-три прикола,
на скайпе повинись перед Мыколой,
налей в посуду и топи вождей.

Сентиментальное

Кухонное эхо разбивает окна
и выходит во двор,
из кухонного оно становится радостным
и кружит на асфальте.
Но вот приходит грустный человек в шляпе
и солнцезащитных очках,
он берёт метёлку и совок,
собирает эхо и сортирует эхо по пакетам:
«это тебе, это тебе...»
и обозначает их всякими буквами: «ф», «с», «б»...

Совсем не против жизни, против
жизненных укладов.
Прости, народ, Иуда, Понтий,
роди меня, Господь, обратно.

Нас презирая и любя -
уйду, чтоб и глаза не видели! -
поужинал, распял себя,
ушёл доучиваться в Индию.

Он был один, совсем один,
восторг и страх на наших лицах.
Но кто с любовью приходил,
не может мстью возвратиться.

До Петрова петуха продыши глоток,
подержи слезу дотемна, до дождя.
Разделили платье и молоток,
гвоздь и дырочку от гвоздя.

Свисало мокрое с небес,
я предложил под зонт ей зажигалку,
рука в руке другую задержала,
и женщина сказала: «Где Вы весь?»

Вот и время: уже можно взять
в жёны женщину лет на тридцать
поглупей и к себе считать
деньги, слёзы, дожди и лица.

Ночь опрокинута и космос прожит
и снова в безднах мир и нелюдим,
дышала трепетно добыча на груди,
я только возвратил, что ты забрал, о боже.

Встречу

Разыщу там Гумилёва,
расскажу, как в мире клёво,
в новом мире, рашен гуд,
не стреляют и не пьют.

И с улыбкой безобразной
он ответит: «Ишь!
Начитался дряни разной,
вот и говоришь».

Давно, неправда, ветхий век,
пустыня пыль сужает веки,
но этот ослик, конь и человек
идут всё время к человеку.

Так говорил

Живи танцуй, умри танцуй,
а жизнь и смерть лицо к лицу.
Проснись и пой, расти до вечности,
всё остальное - человечество.

А хотелось не мычать - светиться,
сколько градусов, страна, в нашем пойле?
Нам не стыдно видеть красные лица
над подтяжкой-галстуком, на распашке в поле.

В девятнадцатом немцы спились, написал Ницше,
значит, юнкеры нам приземлили заразу?
По опросам, однако, мы пьянее фрицев,
мой сосед про то серьёзно искрит по фазе.

Придвигаюсь сегодня я к ней напрасно.
-Где тебя, дорогой мой, носит?
Я дышу любимой женщине пасту,
а хотелось дышать ей осень.

Как?

Как жаркое варенье, снится
тетради первая страница,
попробуй из горсти вина
и загрызни его рябиной,
пей, как пила тебя Марина,
и как пила её вина,
как полстраны её винило,
как жизни кончились чернила...

Жизнь пересмотрел, перекрестил,
сам себя четвертовал, прости,
выгнал недоношенных из дома ;
не жури оглобля-Фукидид,
я - простой советский инвалид,
клиник частных неучтённый томик.

*Разменяй же, господь, сторублёвку...
М... Светлов*

Покраснеет с правого боку,
день удастся хороший,
разменяет господь сторублёвку,
сунет каждому грошик.

Дрочит прапор военный устав,
командир поясняет заповедь,
Дон Жуан Командора лапает,
хочешь, богу свечку поставь.

На этом празднике я не случайный гость,
едва улыбки, взгляды вскользь и всё же
твой плащ ещё закрыт на все застёжки,
любовь ещё презрение и злость.

Не всякий может повторить Верлена
открыто нехорошие слова:
«Я жил, но не пойму, какого хрена...» -
и всё живём себе, живём едва.

Стансы

1.

Ты ведь не можешь сказать во сне,
что ты спишь,
как ты можешь подумать о жизни,
что это не жизнь?
Пиши стихи
или болей за «Шахтёр»,
что одно и то же,
потому что вечность, говорил Сократ,
жизни позже,
потому как смерть жизни старше
и не страшней,
добавим дальше.

2.

Чтоб ты ни делал,
ты не можешь сказать,
что это свободные действия,
иди по улице или сиди в луже,
кому ты нужен?
Пиши стихи
или болей за «Шахтёр»,
что одно и то же,
как ты можешь утверждать,
что зеркало чище рожи?

3.

Что вверху, не видно,
потому что вверху,
что внизу, не видно,
потому что внизу,
пиши стихи
или болей за «Шахтёр»,
что одно и то же в итоге,
и ты вступаешь в Осоавиахим,
и начинаешь бредить о боге.

Ещё торчит вульгарное Ничё,
рожает ночь Державинские звезды,
и если б время не придумали ещё,
часы б отсчитывали бездны.

Но вот из тверди вытекла вода,
под яблони копают ямки в саде,
и чувство только в гадких мыслях гада,
но поднял руку Микеланджело Адам.

Диалектика Сократа

Я спорщик, я дурачу от противного.
Но я не врач, афиняне, Афинам.
Что жизнь абсурд и споры чепуха,
я понял, жизнь пройдя за середину.
Но жизни задолжал я петуха,
отдайте за меня мой долг, Афины.

Нет, оторвали её от бедра!
В этой области вечно клинит,
на горячем песке усыпили меня доктора,
божья клиника.

И сказал Господь: «Будет всё хорошо,
может, с первого раза не слишком».
А под утро проснулась она голышом
у меня под мышкой.

«Високосный мой, - сказала она, -
там, на кухне фрукты, приятные мне...»
Голова кружилась от вины, от вина,
пахло яблоней.

Встретишь ночью
если хочешь,
если трезвый, бесполезно,
только пьяный до зари -
Достоевского подъезды,
блоковские фонари.

А когда настанет «рано»,
да, уже встаёт охрана,
и спешит куда-то Анна...

* * *

Я обязан только родителям, их ночи звездастой от марта,
потом мосластым рукам акушерки, вниманию педиатра.

Кажется мне, я рано увидел мир и без интереса,
мне всегда не хватало физики: силы, длины и веса.

Не замедлил серьёзных смотрин перед службой в армии
взгляд военной сестры, он был явно рассеян на моих гениталиях.

И слагал я слова, как Майя Шварцман в пять лет на идише,
стих поднялся во мне где-то возле пятидесяти.

Что из лучшего, кажется, что-то такое было,
напечатал Евгений Орлов в «Площади Мира».

Что имел, я оставил, родина, в чужом доме:
кошку, стол со стулом, тетрадь, снежки валидола,

миру чёрствого хлеба честных детей, женщины слёзы
и совсем немного тоски, как до той берёзы.

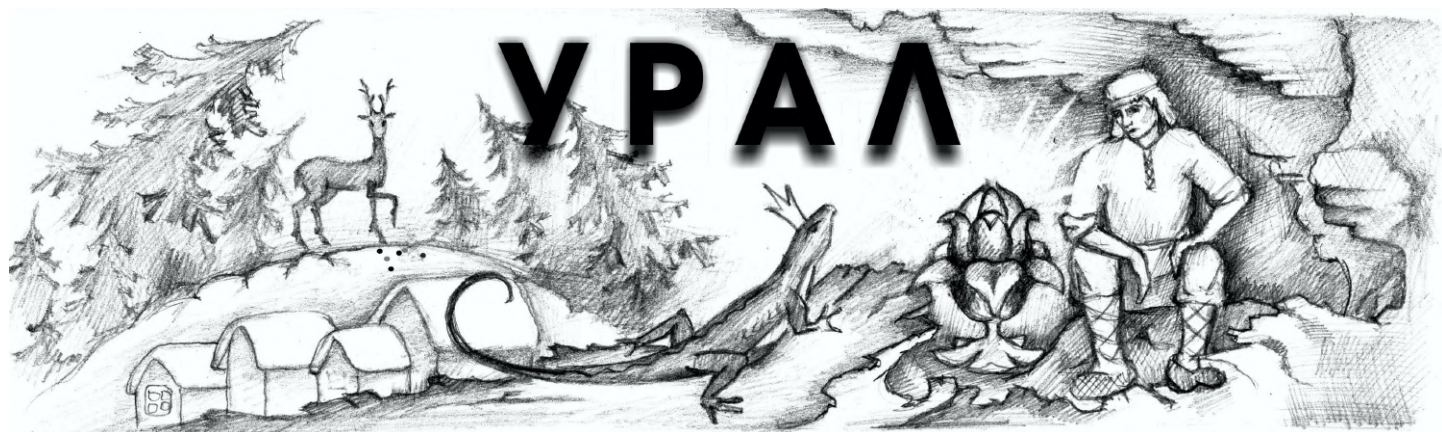
* * *

Тут хорошо! Останься – и старей...

Елена Таганова

Родись, не умирай, живи,
тут хорошо и лучше, се ля ви,
посадишь ветку, ветка даст плоды.
Она сказала: будет до среды.

Устанется – присядь, вина налей,
в корзине яблоки, на ветке воробей,
полей цветы и кошку пожалей.
Здесь хорошо, живи себе, старей.

Надежда Сергеева

Я родилась и выросла на Урале. Родной Урал и рождение внуков вдохновили меня на создание сказов. Пусть мои сказы радуют всех ребят, давая им не только свет волшебства, но и свет знаний.

Самая большая моя награда - Золотое перо Руси в номинации "поэзия" в 2010 году. В 2012 году меня наградили медалью им. Достоевского "За красоту, гуманизм, справедливость" А в 2013 и 2015 годах я стала Лауреатом Всероссийского конкурса им. В.В.Карпенко в прозе.

Вышли в свет три моих книжки - "Я поделюсь душою с вами" - сборник прозы, "И руки просятся к перу" - сборник стихов, "Зелёные огоньки" - сборник сказов, много публикаций в поэтических и прозаических сборниках.

Работала в медиа-группе "Интеллигент" с момента её основания.

Рыбалка на Черном отроге

Муж мой любит порыбачить. Не то чтобы он фанат этого дела, но посидеть с удочкой на берегу для него удовольствие и отдых. Я же, да простят любители рыбалки, к рыбалке отношусь прохладно. Для неё я слишком непоседлива – быстро надоедает сидеть, не двигаясь, и следить за поплавком.

Лишь один раз в жизни я получила удовольствие от этого занятия и от души гордилась уловом.

Дело было так.

Гостили мы в Магнитогорске. И все как-то не получалось у мужа съездить с другом на рыбалку: то погода плакала дождем, то в саду было много работы, то у Бориса, армейского мужниного друга, внеплановый рабочий день. Но вот, наконец, все благополучно совпало – и погода, и свобода от работы в саду, и выходной Бориса. Он предложил нам всем, вместе с детьми, поехать отдохнуть на Черный отрог:

– Там и покупаться есть где, и порыбачить, и народу никого.

Место, куда приехали, называлось Черным отрогом из-за большой скалы, поросшей темным мхом, обрывававшейся круто с высокого холма. У ее подножия река Урал круто поворачивала и, поиграв на перекате, разливалась спокойным неглубоким заливом, левый берег которого был почти отвесным, высотой не менее пяти метров, правый, пологий зарос кустами ивы и ольхи.

Мужчины расположились с удочками на обрыве. А я и дети отправились купаться. Хотя купаньем в полном смысле этого слова трудно назвать то, что мы делали... мы катались на перекате. Глубина – чуть выше моего колена, длина – метров двадцать, и приличная скорость течения. Сын с дочкой заходили в воду чуть выше переката и ложились на воду. А уж течение несло их ко мне. Ловить «катальщиков» надо было обязательно, иначе их бы отнесло в залив. «Наплававшись» и порядком

замерзнув, а вода в Урале довольно холодная, мы решили погреться на солнышке и посмотреть, как идут дела у наших рыбаков.

На обрыве мы застали только мужа. Борис отправился ниже по течению, где намного глубже, на подводную охоту. Усевшись на край обрыва, рядом с рыбаком, и я, и дети вначале просто наблюдали за процессом. А наблюдать было за чем. Глубина под обрывом около метра, дно – желтый песочек, а вода... кристальной прозрачности. Даже редкие водоросли не мешают обзору. Хорошо видно, как в воде то стайками, то поодиночке плавают серебристые рыбки с ладонь длиной. Вот в воду погружается крючок с наживкой, и рыбки врассыпную, испугавшись всплеска. Потом по одной начинают возвращаться, и вскоре их небольшой косячок бьется у крючка. Вот одна, самая проворная, хватается наживку, рыбок, и, блестя на солнце чешуей, рыбка совершает полет из воды на обрыв и оказывается в ведерке.

– А мне нравится так ловить рыбу, – говорю мужу и получаю удочку.

Достались удочки и дочке с сыном. Каждый получил банку под улов. И мы устроили соревнование: сначала соревновались, у кого быстрее клонет – проигравший отдавал свою добычу победителю, потом – кто дальше от обрыва забросит удочку, потом – кто ближе... Время пролетело незаметно. Было весело и интересно. Когда к нам вернулся Борис, неся на кукане пару шук, а в руках небольшого сома, у нас в общем ведре было больше килограмма серебристых рыбёшек. И трудно сказать, кто был больше горд уловом – муж, дети или я.

Дома мы приготовили прекрасный рыбный ужин – шуки пошли на котлеты и уху, сома целиком запекли на углях, а весь наш улов стал самодельными «шпротами».

Чуть не забыла...

А рыбка та уклеей называется.

Эстония

Марина Викторова

*Врач.
Живёт и работает в
Таллинне.*

Французская рапсодия

С Монмартра свет струился вниз, на крыши,
негромкий, мелодичный, мягкий свет,
хотелось быть счастливой и бесстыжей,
да так, как не хотелось много лет:

крутить парижских улиц хулахупы,
смеяться и трепаться ни о чём,
не опасаясь быть смешной и глупой,
касаться пальцев, чувствовать плечо.

Все знать, но зачарованность лелея,
вновь подставляя лицо семи ветрам,
и декупажно нежностью оклеить
все кадры с Сакре-Кер и Нотр Дам,

и замирать, вдыхая мимолетность,
и выдохнуть, за всё себя простив,
а после длить ту трепетную нотность,
что не сложилась в стойкий лейтмотив.

И пусть томит, пусть дольше не отпустит
в сиянии Монмартровских небес
рапсодия на коде послевкусья
из светлой грусти и из грусти без.

Холодному городу Клее

Умножались годы, люди, луны,
друг у друга в окнах отражаясь,
сколов крыш касался тонкорунный,
облачный уют небесной шали.

Так хотелось верить - потеплеет,
но сиял молочно-белой кожей
намертво остывший город Клее,
некогда на город мой похожий.

Синдром пустого гнезда

Твои устои. Что за чушь - "твои устои"?!
Им грош цена в базарный день, а день - базарный.
Они огрузлы, тяжелы до домостроя,
но полетят в тартарары элементарно.

И фиг бы с ними, всё могло бы стать лучше,
будь ты моложе и подъёмней лет на двадцать,
но только вряд ли ждет карета-кучер-случай,
плюс эта вечная упертость - не сдаваться.

Плюс - неуживчива, резка, прямолинейна,
вернее, минус - ведь привычной вычитанье
из производственных, общественных, семейных,
и в том сермяжность всех коллизий и метаний.

Но бережешь - прям, как кощей над златом, чахнешь! -
свою собою же придуманную небыль,
и только ахнешь, понимаешь, только ахнешь,
когда птенец орлом свободно взмлет в небо.

- И дай-то, Бог, - себе твердишь, но если честно,
совсем не знаешь, как согреть гнездо пустое,
чему, кому, да и найдётся ли в нем место,
и есть ли смысл в возведении новой Трои.

Так, словно Золушка в трудах по принуждению,
листая ночи, отделяешь суть от фальши,
А мир вот-вот сорвётся с ниточки сомненья
и без тебя и по тебе покатит дальше...

Свечницы

Нездешние. Ещё вчера о них,
забытых Богом, надрывалось небо,
но ветер ветви выломал и стих,
как будто не был.

Вот и они, покладисто-тихи,
сквозь слёзы улыбаются при встрече
с той стороны порожистой реки,
несущей свечи.

Всё - ни о чем. Всё - лишь о пустоте,
бесследна поступь и не страшен омут -
забудутся и ходят по воде,
и не утонут

На выставке Хайма Сутина

А дОмы плыли, дОмы плыли
по облакам музейной пыли,
поправ, раздвинув, берега
кондовых рам, текли и гнулись,
и в колыбели пьяных улиц
плескалась вечности река.

И вслед домам, срывая голос,
с холста тянулся гладиолус
кроваво-красною стрелой,
нацеливаясь в чьи-то мысли,
и в тощих рыб, что снуло висли
на блюде с кромкой голубой,
в портреты женщин и подростков,
сошедших с времени подмостков,
и хоровод кривых зеркал
мир обступал, и отражалась,
в них обнажаясь, боль. И жалость
давила с тяжестью свинца.

Свиньи Сутина

Тягуч и вязок грех унынья,
и наши две с тобой тоски
бледны, как сутинские “Свиньи”,
и так по-сутински близки.

Но отчего же, Боже правый,
в нативной нежности своей,
в своей бескожести кровавой, -
как быть нельзя среди людей,

как быть среди людей довольных,
вальяжных и велеречивых
греховно, Господи, и больно -
мы так постыдно отличимы

и так понятны друг для друга,
и в равной степени запретны,
ввиду похожести недугов...
О, эти сутинские меты...

Медея

Молодой гинеколог-мужчина сел,
небрежно придвинув лоток:
- Тринадцать недель... Позновато.
Вцепившись в рубаху, собрав все силы,
взглядом вспоров потолок,
она вскинулась и тут же обмякла, как вата.
Доктор (настроение - дрянь,
с утра повздорил с женой):
- Хорош ломаться, -
словами стучал, как мячом баскетбольным о пол:

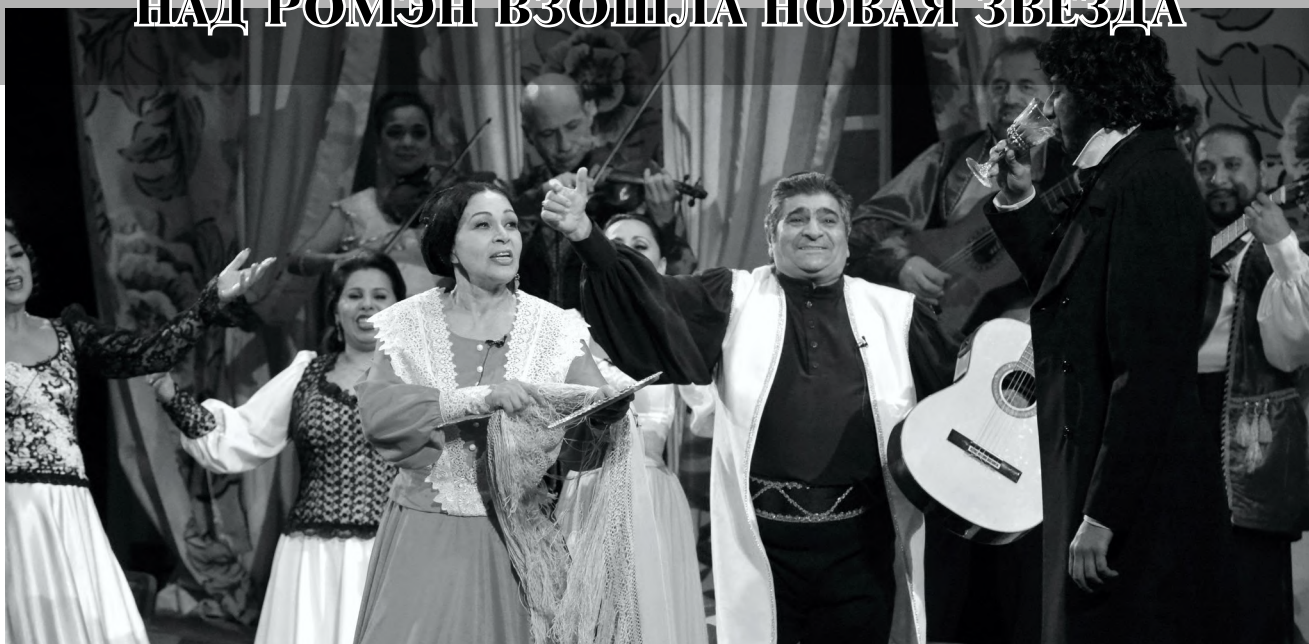
- Вон, сколько вас! Тоже мне, слабый пол.
Нам тут, знаешь ли, не до демонстраций -
с вашим братом возни...
Снова вскинулась. Побледнела.
Мертвенно лежала бледна,
будто вымарали губы мелом,
пока вымарывали жизнь попутно.
Провалилась. Пришла в себя наутро.
Мёрзла, всё натягивала тощее одеяло.
Не хватало сил. Так отчаянно не хватало!
СлОва вымолвить не могла - давилась словами, немея,
не брошенка, не вдова - новоспечённая Медея.
Дура дурой была - что да, то да,
но ведь не стервой,
да и что с неё взять - тогда,
в том лохматом девяносто первом
это был не из ряда вон, а обычный, рутинный случай,
в поликлинике врач сказал, так ей станет лучше.
Убедителен, как никто,
на безбожьи подобный богу,
а вернее, почти что бог,
даже если хотя б немного...
Врач сказал - все вопросы сняты.
Муж-предатель - и разом двое. А куда с двумя-то
сироте, а ну что случись?!
Это - жизнь, деточка, это жизнь.
И было ей тогда лет двадцать пять, двадцать шесть...
Думала, успеет ещё нарожаться.
Жесть.

Девочка Мунка пубертат

Субтилен верх, но силуэт налит.
Невинности сургуч - и взгляд, и поза,
лишь нежной кожи свет-электролит
проводит тайну той метаморфозы,
которая должна произойти,
но чувственности трепетная птица
ещё в пути. Пока ещё в пути.
Торчат по-детски острые ключицы,
чем дольше смотришь, тем тревожней взгляд,
тем напряжённей сомкнуты колени,
приходит мысль в который раз подряд,
что тень первична. Из зловещей тени
незримой силой вытеснило в мир
испуганную девочку-подростка,
чья женственность - всего намёк, пунктир
в рождении портрета из наброска,
и только мотыльками бьётся страх
неведомой, но неизбежной доли
да скрытая мольба в её глазах,
да мир вокруг, настоящий на боли.

Музыка

НАД РОМЭН ВЗОШЛА НОВАЯ ЗВЕЗДА

Коллектив театра «Ромэн» великолепно завершил сезон Года Литературы постановкой «Здравствуй, Пушкин». 29 и 30 декабря прошли премьеры спектакля, вызвавшие у зрителей шквал аплодисментов. Точно напоенные вином, поднялись они с мест, лишь артисты вышли на поклон. Возгласы «Браво» раздавались и с привилегированного первого ряда и с галерки. Но, как только бархатный красный занавес опустился, разгоряченные, выдохнули зрители разочарованно! Мало! Им показалось мало двух с половиною часов чудесного духовного напитка.

*«Кубок янтарный
Полон давно,
Пеной угарной
Блещет вино.
Света дорожке
Сердцу оно;
Но за кого же
Выпьют вино?...»*

Как и все цыганское - спектакль полон динамизма, огня, любви и песен.

Артисты смело молодые. Можно сказать, юные. Невероятно красивые. Пластичные.

Музыкально-романтическая фантазия в 2-х действиях А. Гессена и И. Ром-Лебедева была интерпретирована в литературно-сценической редакции Георгия и Андрея Жемчужных.

Прежде всего, хотелось бы отметить ряд «опьяняющих» находок.

Впервые озвучена тайна появления русского поэта на свет. Несколькими намеками зрителю дается сенсационная информация о том, что

Осип Абрамович Ганнибал к рождению великого русского поэта не имеет никакого отношения, потому как его супруга Мария Алексеевна Пушкина три года во время появления поэта на свет жила у цыганского принца индийского происхождения. И у Марии от Ганнибала детей не было. Эту тайну унаследовала дочь Марии Надежда Осиповна, мать Александра Сергеевича Пушкина. Как истинный дворянин Пушкин не мог при жизни открыть эту «не свою» родовую тайну. Но его поэма «Цыгане» выстроена, как шифrogramма истинно цыганских предсказаний и мистик.

Спектакль «Здравствуй, Пушкин!» построен на фактах из биографии поэта, когда он бродит с цыганами и знакомится в таборе с Земфирой, когда его тянет общаться с бродячим таинственным племенем. Обильно снабжены сцены лирикой поэта. Великолепны и исторически-точные костюмы.

Яркие краски находок сценографии тоже не оставляют зрителя без восторгов. Потрясающе, например, сцены разведения магического легендарного «Цыганского костра времен», укрощения в танце выбранной поэтом белой лошади среди черного табуна. Свадебный танец цыган возле бочки, предназначенной, как выкуп невесты удивит хореографической новизной и радостно-дерзновенной веселостью участников. Чарующие передвижения зеркал, птиц, окон... Вообще вся площадка авансцены снабжена несколькими лестницами и «взгорьями», и ландшафт «местности» из-за этого все время меняется.

Одинаково «вкусно» показан как домашний быт помещика, так и высшее светское общество, балы, маскарады, так и кочевая жизнь цыган.

На каком-то этапе зритель ловит себя на мысли, что он наблюдает в окна времен натуральную жизнь из воспоминаний или снов.

Истинное наслаждение доставит любителям цыганского искусства душевное исполнение Народных артистов России Моисея Оглу, Романа Грохольского, Екатерины Жемчужной.

Прекрасна и Заслуженная артистка России Ляля Жемчужная, сыгравшая Анну Керн. Органично вписана в действие не менее блистательная игра молодежи, коей полна сцена. Потрясающе пластична Земфира - Плахотная, невеста - Абасова, другие певуны и танцовщицы, сыщики и друзья поэта.

Но главное слово хотелось бы сказать о самом Пушкине.

*«...Пейте за радость
Юной любви -
Скроется младость,
Дети мои...
Кубок янтарный
Полон давно.
Я - благодарный -
Пью за вино».*

Приятнее всего сознание того, что 27-милетний Андрей Жемчужный, исполняющий главную роль действительно похож! К тому же он юн, строен, и прекрасен, его очаровательная улыбка, унаследованная от династии всей плеяды артистов Жемчужных удивительно хороша! Черные натуральные шелковые кудри, бакенбарды, умение достойно держаться до мелочей - вплоть до - подавать белые перчатки и шляпу лакею, кидать оземь дорогую бобровую шубу, сопровождать в танце партнёрш, кстати, тоже дивной красоты, но самое главное, конечно же уметь читать с удивлением и задором по-новому стихи и держать в постоянном развитии неким центром галактики всех остальных артистов оба акта от начала до конца! Ведь, как ни крути, действие завязано постоянно на него одного.

Совершенно очевидно, что ТАКОГО Пушкина в мировом искусстве еще не видели и не знали, и над театром «Ромэн» взошла новая звезда. Постановка Жемчужных в «Ромэн» - некий вызов другим спектаклям той же чопорной Москвы, где условности давно преобладают над эстетикой.

Спектакль начинается с бала Маскарада, и заканчивается Свадебным балом. Наполнение новой постановки символизмом заставляет задуматься. Ведь в жизни Наталья Гончарова была выше поэта. Но в спектакле «наш» Пушкин значительно выше нее. И зритель воспринимает это нормально, потому что - ну да - кто для нас Гончарова и кто для нас Пушкин? К тому же не белым саваном окутана невеста, танцующая с Александром Сергеевичем, а зажата в корсет свадебных одежд.

Торжество великого искусства над остальным миром выведено и в название спектакля: «Здравствуй, Пушкин!» Здравствуй всегда.

Светлана Савицкая

Фото Юрия Машикова

ПОЭЗИЯ ВАЛЬСА

Музыка бывает ли символом?

Да! Если она гениальна!

10 лет назад мой младший сын робко попросил научить его танцевать вальс, чтобы достойно показать себя на выпускном вечере. Из множества классической музыки он выбрал вальс Евгения Дмитриевича Доги из фильма «Мой ласковый и нежный зверь». Что двигало его душой? Не знаю, но всецело я отдалась музыке, и показала нехитрые приемы вальса. Мы открыли все двери и окна и вальсировали по квартире, пролетая то поперек, то вдоль нее. А потом я плакала. Да. Я плакала, потому что повзрослевший вдруг ребенок пригласил меня в школе при всех на Выпускном...

Эта музыка понималась мною без слов. Мною. Им. И всею школою. Плакала ведь не только я, а все мамы, которых вот также неожиданно растрогали мужанием наши мальчики-мужчины. А однажды мне захотелось перевести вальс с ангельского на русский. Слова родились мгновенно. Вальс любви стройными рядами лег на бумагу и композитор признал его, чему я даже не обрадовалась, а облегченно вздохнула. Признал! Согласился, значит, удалось выразить поэзию вальса верно.

Что же «невооруженным глазом» с очевидною точностью читается по звучащим фонемам параллельного мира Евгения Дмитриевича Доги без сомнения любым далеким от классики дилетантом и маститым музыковедом?

Любовь! Любовь высшая. Любовь музыки Сфер, открытая Пифагором. Космическая энергия разворачивающихся шальных галактик, взрывающихся в каждой нашей клетке планетами и солнцами. А еще именем Абсолюта «А-а-а-а!», что яростно кричим мы, выныривая из материнского лона на свет божий.

Пусть поет ее высокими голосами ангелов хор небесный. Она и без слов станет понятна на любом языке мира! Земли! И Неба!

Дивным сном соловьи

В вечность льют звуки любви.

Звезды вдруг в небе сойдутся в ряд.

Сердце замрёт!

И запоёт!

Лёд на вершинах растает!

Любовь эта не имеет границ. Нашими очами обращена она то обратно к матери, то к семье, то к улице, то к городу, то к стране. К своим детям. Второй своей половинке. Земле. Космосу. Делу, которому мы служим! Открытию. Искусству! Науке! Движению вперед и только вперед по лестнице знаний! Победе великославянской нравственности в любой войне!

В танце ты будешь петь лишь со мной.

Лишь со мной.

Мы пронесем сквозь века

Нашу любовь.

Музыка Доги - нечто большее, чем просто музыка. Это диалог ведомого и ведущего. Мелодии и оркестра.

Меня - тебя - вселенной! Она «медленно запрягает коней». Но «какой русский не любит быстрой езды»? Его вальсы - точки взрыва, окрыляющие новою неизведанной силой. Дар наших предков сквозь веру в самого себя и в поддержку всех, кто был до тебя, продвинувшись до всего разумного и просвещенного человеке-ества! И бога!

Небеса свяжут святую нить.

Вместе нам

В танце легко кружить.

Гимны

Щедрого солнца любви посвятить,

Чтобы зажечь на земле

Новую жизнь!

Для христиан в вальсе раскроется рождение Христа, для буддистов - проявление Будды, для кришнаитов - явление Кришны, для мусульман - воля Аллаха, для атеистов - призыв «Будь готов!» Потому что у Такой музыки, как и у Бога, нет религии.

Функция символа - объединить в кратком обозначении единичного элемента бесконечность и множественность.

Три с половиной минуты мы воспринимаем вальс из кинофильма «Мой ласковый и нежный зверь». Три с половиною минуты?

Это прошлое через нас прошло или будущее? Или все-таки раскрылось прекрасное настоящее?

Ни то, ни другое и ни третье!

Возвышенная Музыка Доги вне времени! В нее ты восходишь, как в жизнь, как в Храм, и становишься ей вровень, потому что она поднимает тебя на своих крыльях до своего уровня, кем бы ты ни был - президентом великой державы, ученым или сталеваром, землепашцем, кузнецом, вором, или убийцей, художником или поэтом. Учеником или профессором. Пропойцей или философом. Каждой душе найдется теплое место под сердцем для музыки Доги!

ЛЮБОВЬ ПРЕДПОЧИТАЕТ РАВНЫХ! Это сказал Лопе-де-Вега. Как он правильно сказал! Ведь в любви становятся равными все!

Щемящая. Манящая. Волшебная. Романтическая. Жестокая. Героическая. Возвышающая. Принципиально-превосходная. Великая! - эпитетов есть бесконечное множество - и все они правильны. Потому что символ любви многогранен!

Нас судьба позовет.

И душа вновь оживёт.

Сто тревог мигом разбудит взгляд!

В вальсе огня,

Кружат маня,

Звезды от страсти сгорая!

Крылатыми становятся бескрылые ветры и цветы, что расплетают лепестки свои, под сладкое звучание этих скрипок и флейт. Окрыленно вздыхают наши души. Да что уж там души - планеты кружатся в вальсах Доги!

Без всякого сомнения, подобную этой музыке слышали мы во сне рождения и услышим у ворот Божьих после смерти, и именно она поможет нам спастись от самих себя на верховном суде. Ведь мы полюбили это при жизни! Мы прожили в этом бессмертном вальсе Доги! Мы становились им сами снова и снова без всякого сомнения!

Вальс отражает героизм Витязей времен и народов. Эта музыка рисует картины высших точек нечеловеческого напряжения строителей БАМа и Керченского моста, защитников Бреста и Сталинграда, героев, укрепляющих советское знамя на Рейхстаг!

Для тебя солнца взойдет как встарь!

Для тебя жизни моей не жаль!

Под нее могли бы падать в снопы миллионы спелых колосьев в страду, так же и как биться о скалы морские волны! Это - земля. Это ветер! Это огонь!

Вальс объединяет все четыре стихии, где композитору уделено место пятого элемента - творца.

Это - радость, разделенная на всю планету и помноженная солнечными бликами в мириады раз, потому что люди, прослушав вальс Доги, становятся лучше, справедливей, нравственней, душевнее, милее, приятней, красивее! Именно красивее. Именно такая «красота спасет мир»!

В ней все! Ощущение поезда, вырвавшегося из тоннеля! Брызги кормы корабля, где радугами играет

солнце с чайками и дельфинами! В ней жизнь макового зернышка, пробивающегося сквозь толщу тяжелой глины на горных склонах, чтобы явить миру алый трепетный цветок. Беззащитный и всесильный!

Это зеленый вьюн, покрывший могильный холодный камень сотнею белых бутонов, что собирают росу ожидания и надежд у песни звезд. Это и сама песня звезд, то зажигающаяся от черночерного космоса, то гаснущая белым-белым утром.

Это вывод из многострадального опыта. Это рождение мысли мудреца.

Замирание и возгорание свечей в храме за здоровье и за упокой. Это самые заветные мечты и самые теплые наши воспоминания.

Нет никакой тайны в том, почему в России и странах постсоветского пространства так любят именно такую музыку. Это не коньяк рока и не бренди рэпа, не самогон шансона, и не отравленное искусственными консервантами пепси попсы. Она проста и понятна русскому человеку, как Святая вода в Крещение, кислотно-щелочной баланс которой в норме. Как веселый проливной ливень после засухи. Послевкусие от питания вальсами Доги, подобно улучшению самочувствия после принятия родниковой воды. Живой воды. Это живая музыка! Живая!

В чем еще проявлен ее символ? Задача любого мужчины - влюбить в себя за жизнь хотя бы одну женщину. Задача творца такого уровня, пусть даже он и не подзревает о истинной цели бога, что сидит на кончике его пера - поделить любовь на всю вселенную, да так, чтобы еще осталось! Чтобы не «до краёв», а прямо через край!

Чем выше точка обзора, тем глубже символизм его работы. Так кто же Евгений Дмитриевич Дога, если смог выразить с помощью семи нот музыку Сфер? Ангел? Несомненно! Только в образе простого человека. Очень скромного и доброго в быту.

Он даже не заставляет, он церемонно приглашает на танец загадочную русскую душу, будь то женщина или мужчина, ребенок или умудренный опытом старец. И душа танцует! Вальсирует самозабвенно и просто, точно делала это всю свою жизнь!

Так три с половиной минуты оборачиваются вечностью!

Сохрани память любви моей

Память любви...

Эту радостную «весенность» непонятную другим народам увозят с собою диссиденты - русские, украинцы, евреи, армяне, молдаване, цыгане, немцы... за границу. Эту «русскость» никогда не понять другим, тем, кто жил без нас. Она въедлива и неизлечима. Немного она похожа на «песенность» Индии. Англичане, оккупирующие мудрую страну в свое время, ввели строку закона: «Те, кто прожил в Индии более двух лет, не имеют права выбираться в английский парламент...»

Вот тоже самое можно сказать и о музыке Доги - кто ее хоть однажды понял сердцем и принял душой, ни-

когда в английский парламент не попадет!

*Воспоют соловьи
Гимн святой нашей любви.
Без нее мир так ничтожно мал.
Вянут цветы.
Гаснут мечты.
Птицы на юг улетают...*

Почему? Да потому что «Я - не Шарли!» Я - Дога!
Ты - Дога! Мы все - лишь вальс любви Евгения Доги!
Мы все - Россия, вместившаяся в три с половиной
минуты звучания оркестра!

Плыть, полностью растворяясь, в вальсе Доги может
быть равнозначно понятию «быть в Боге». Также как
и в литературном мире «обрести себя в Пушкине, иг-
рать в пьесе Чехова, пройти по Красной площади
песчинкой людского потока «Бессмертного полка» с
портретом деда героя.

Это понимать и восхищаться законом построения
вселенной, закону Золотого сечения.

Музыка - миф для глухого. Ее нельзя потрогать. Но
можно нарисовать, и вызвать ассоциации. Я пытаюсь.

Слышите? Внемлите? Различаете? В ней огненные
языки пламени и искры утреннего солнца. Холодные
синие вечные звезды. Это одновременно разная кровь -
синяя венозная и красная артериальная, что движутся
в разных направлениях, составляя единый организм
любого земного существа. Это и заходящее и вос-
ходящее солнце. Но вот оно встало и равно замерло в
зените, как и наше сердцебиение, остановленное му-
зыкальной паузой. А ведь даже пауза у Доги - это то-
же музыка. И какая!

*Замирают часы.
Свет дрожит в каплях росы.*

Где же живет она? Из чего рождается? Как этот че-
ловек ловит сии сказочные аккорды среди сотни ты-
сяч отражений в окнах метро, стеклянных витринах,
зеркалах?

Это не песенка и не вальсок, которым стало принято
стоя аплодировать на эстрадных площадках...

Это икона Музыки(!), пред которой каждая русская
Душа «разворачивается и сворачивается», а потом, сра-
женная наповал, плененная и восторженная, ликуя,
падает на колени от восхищения!

Из всего вышесказанного можно сделать лишь един-
ственный вывод - музыка Евгения Доги - уникальное
и яркое явление в мировой культуре.

Браво! Маэстро!

*От земли и до высоких звезд
Жарким огнём
Мы пронесём
Через века нашу песню...*

Светлана Савицкая

фото: www.dogamusic.com

P.S. А теперь еще раз вдумчиво и серьезно.

ДОГА. ВАЛЬС ЛЮБВИ

Дивным сном соловьи
В вечность льют звуки любви.
Звезды вдруг в небе сойдутся в ряд.
Сердце замрёт!
И запоёт!
Лёд на вершинах растает!

Нас судьба позовет.
И душа вновь оживёт.
Сто тревог мигом разбудит взгляд!
В вальсе огня,
Кружат маня,
Звезды от страсти сгорая!

Небеса свяжут святую нить.
Вместе нам
В танце легко кружить.
Гимны
Щедрого солнца любви посвятить,
Чтобы зажечь на земле
Новую жизнь!

Замирают часы.
Свет дрожит в каплях росы.
От земли и до высоких звёзд
Жарким огнём
Мы пронесём
Через века нашу песню...
Для тебя солнце взойдет как встарь!
Для тебя жизни моей не жаль!
В танце ты будешь петь лишь со
мной,
Лишь со мной.
Мы пронесем сквозь века
Нашу любовь.

Воспоют соловьи
Гимн святой нашей любви.
Без нее мир так ничтожно мал.
Вянут цветы.
Гаснут мечты.
Птицы на юг улетают...

Сохрани память любви моей,
Память любви...

Двуглавый орел Достоевского и Яначека

Почти все побывавшие в Милане считают своим туристическим долгом посетить скромную церковь Санта Мария делла Грацие, чтобы увидеть вживую «Тайную вечерю» Леонардо да Винчи. Попав в святая святых, мало кто оборачивается, чтоб хотя бы взглянуть на «Распятие» кисти Джованни Донато ди Монторфано, находящееся на противоположной стене трапезной. Эта фреска прочно остается за спиной у посетителей, ибо любители искусства предпочитают оплаченную ими четверть часа смотреть лишь на ту красоту из разряда «спасающих мир», чья известность им гарантирована. Так все доводы, что Монторфано, в 1495 году приглашенный для росписи наравне с Леонардо, был, очевидно, не менее признанным художником и стоит хотя бы взгляда, разбиваются о неумолимый консерватизм человеческого восприятия. Его прекрасную фреску в том же помещении замечают немногие. Что еще раз говорит о том, что вес и ореол того или иного явления - часто вопрос рекламы.

Я начала так издали, потому что мне обидно, что для большинства любящих музыку Леош Яначек традиционно остается композитором второго ряда. Автор доброго десятка опер, самобытный симфонист конца девятнадцатого - первой четверти двадцатого века, создатель хоровых, камерных и фортепианных произведений, он почему-то не занимает уверенного первого места в репертуарах и на мировых афишах. А мог бы - особенно в России, ибо был большим знатоком русской культуры и литературы: написал оперы по Островскому и Достоевскому, оркестровую рапсодию «Тарас Бульба» и квартет «Крейцера соната» - под впечатлением от повести Толстого.

Я бы с удовольствием послушала и нежно любимую мною «Лисичку-плутовку», но Оперный театр Брюсселя Ла Моннэ преподнес мне настоящий и неожиданный подарок, поставив совместно с Ковентгарден оперу Яначека «Из мертвого дома» по произведению Достоевского «Записки из мёртвого дома».

Поскольку сюжет этой небольшой оперы известен меньше, чем сюжеты «Травиаты» или «Севильского цирюльника», приведу его, очень бегло.

В сибирский острог прибывает новый осужденный, дворянин Александр Петрович Горянчиков (политический - в отличие от оригинального персонажа Достоевского). Заключение в этот момент развлекается тем, что находят подбитого орла и сажают его в клетку. Уголовники («пахан» Лука Кузьмич, Скуратов и прочие) ссорятся, дерутся, рассказывают друг другу о прежней жизни на воле (монолог Скуратова), тюремщики бреют Горянчикова наголо, отнимают «вольный» костюм и избивают сразу по прибытии, просто так, «чтоб знал», и вторично он появляется на сцене только к концу первого действия, еле живой.

Горянчиков, живя в тюрьме, тепло относится к угнетаемому всеми дагестанцу Алею, своему соседу по нарам, отечески беседует с ним, обещает научить его читать и писать по-русски. В день церковного праздника заключенные могут не работать; свободное время они тратят по обычаю на скабрзные байки и на «театр», разыгрывая пантомиму о Дон Жуане, отправляющемся в ад. В тюрьму приходит проститутка, к обоюдному удовольствию и заключенных, и охранников. Как всегда, вспыхивает ссора. Алея вмешивается и получает удар ножом.

В госпитале Горянчиков сидит у койки Алейи. Здесь же в углу умирающий от туберкулеза Лука Кузьмич, заключенные Скуратов, Шапкин, Чекунов, Шишков. Каждый тянет что-то свое. Шишков рассказывает об убитой им жене, страстотерпице Акулине, на которой женился, чтобы законно измываться, поскольку она была ославлена его же дружкой Филькой Морозовым как гулящая. К концу его рассказа Лука Кузьмич умирает, Шишков смотрит ему в лицо и опознает в нем Фильку.

Заключительная сцена оперы показывает освобождение Горянчикова и прощание с Алейей. Заключенные выпускают орла на волю и смотрят ему вслед.

Главное действующее лицо - Тюрьма. Несвобода. Клетка. Тюрьма по определению НЕ оперная, как у дона Хозе, маркиза Поза, Фиделио, Каварадосси и прочих. Вместо супер-занавеса - металлическая литая стена, время от времени превращающаяся в экран: вот беззвучно произносит свою речь успешный юрист - на его лице нет эмоций, он-то останется в тепле и неге независимо от исхода процесса, это не ему отправляться за решетку. Вот отвечает на вопросы заключенный, каждый день ждущий смерти.

Музыка идет - поистине говорящая: в увертюре прощальствует дребезг (кандалы?), короткие реплики труб (побудка?), мрачные, беспросветные интонации.

Что можно выжать из этой практически бессобытийной, неоперной истории без явно обозначенных арий, кантилен и дуэтов? Постановщик Кшиштоф Варликовский и дирижер Михаэль Бодер справедливо отдадут ведущую роль самому Яначеку. Музыка оперы изначально похожа на ясно скомпонованную, хорошо продуманную постановку, уже готовый коллаж из инструментальных и вокальных высказываний, калейдоскоп впечатлений, выраженных звуками. Очень ценно, что опера идет без антрактов. Только так и можно остаться в едином пласте музыки, времени и действия, хоть как-то прочувствовав «срок». Согласитесь, было бы странным побывать в театральном буфете, чтобы потом вновь вернуться в острог. Сценограф Малгожата Шесняк показывает внутренний двор тюрьмы: бетонный угол, стены, загаженные и исписанные, убитые скамьи вдоль стены, облезлую баскетбольную стойку.

Вообще композитором задано демонстративное расслоение голосов на высокотесситурные и басовые; трепетные, замысловатые фразы струнных накладываются на периоды низких духовых, гротескная пикколо сочетается с реющим тромбоном, есть и сольные выступления иронизирующего es-кларнета или брутальной тубы. Яначек не дает возможности оркестру и вокалистам слиться в хоть какое-то подобие созвучия, наоборот, доминирует принцип распада. Нет и не может быть никаких консонансов при несвободе. Это и есть *ostinato* оперы. Все, обладающие голосами, певцы или инструменты, существуют в этом опусе сами по себе, в трагическом одиночестве - в одиночку - в камере-одиночке - не слушая друг друга и без взаимопроникновения. Основное движение мелодики оперы - короткий взлет и падение вниз, в минор, что ясно слышно хотя бы во фразе об орле: *Orel carlesud* (Орел - царь лесов.) И «Царь» в этом мотиве -

самый высокий и продолжительный звук, апогей полета и свободы.

Интересной была мысль постановщиков ввести в спектакль нескольких танцоров. С подачи хореографа Клода Бардуйя все эти роли были с ошеломительным правдоподобием сыграны чернокожими артистами, с их невероятной пластикой, неуловимыми телодвижениями, натуральной мимикой. Один из них был представлен публике отдельно. Еще до вступления оркестра худощавый молодой человек разминался на спортплощадке, даже в тюрьме радуясь своему гибкому послушному телу, бросая мяч в корзину, бегая кругами, словно летая. Догадка приходит к зрителю постепенно: это и есть орел, которому предстоит попасть в руки озлобленных каторжан. Клеткой для него станут его ранение, обездвиженность и инвалидное кресло, в котором он останется до конца спектакля.

Чем еще удивительна опера Яначека: главное действующее лицо, Горянчиков, - персонаж практически «без речей». У него нет ни одного развернутого монолога, он участвует в небольших дуэтах с Алейей или тюремщиками, никак не выражая себя, не рассказывая свою историю, не потрясая зал эффектной арией с верхними «до», вообще никак не проявляя свою «заглавность».

У него нет лейтмотива или лейт-тембра. Вся свобода, что осталась ему доступна, это возможность сказать несколько слов: товарищу по нарам либо охраннику; отсюда не пение, а декламационность, речевые интонации. Вся опера больше похожа на озвученные клочья и обрывки человеческих жизней, случайно сбившихся вместе. Вероятно, идя на это, Яначек отчасти сознательно сохранял дух «Записок из Мертвого дома» Достоевского, как цепь рассказов и бытовых очерков, а отчасти стремился показать, как обезличивает человека несвобода, как обесцвечивает его тюрьма. Все это в спектакле дано очень органично.

Из изобразительных средств, найденных постановщиками для поддержки и усиления идеи Яначека, упомяну несколько. Звуковые эффекты оперы проявились не только в звучании красочной партитуры: заключенные на сцене иногда ритмично и раскатисто били ножами по решеткам, и этот металческий лязг придавал спектаклю устрашающе убедительный колорит. Угнетаемый всеми Алейя - «опущенный»:

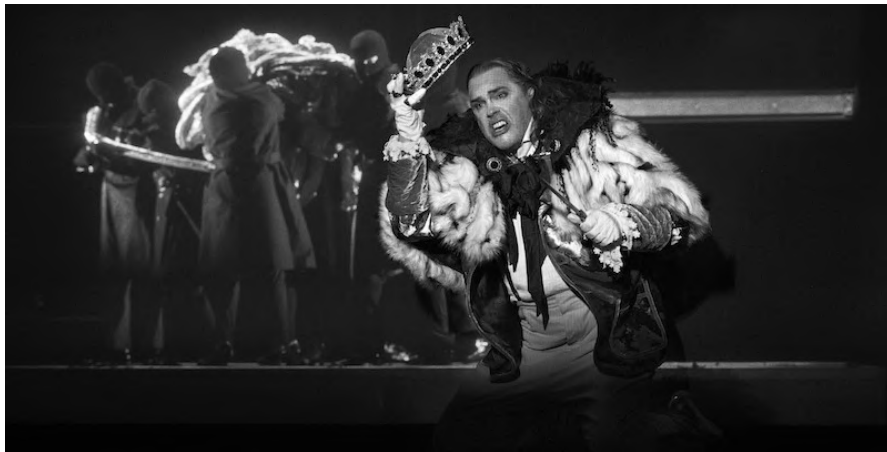
он ходит в женском платье и униженно покорен до встречи с Горянчиковым. В сценах драк и поножовщин - как и во вставной пантомиме с «Дон Жуаном» - вместо фонтанов крови выбрасывались в воздух мелкие красные блестки. Это тоже говорило о том, что кровь и боль в тюрьме давно не имеют никакой цены, они привычны и повседневны, не дороже кучки мелких алых бумажек. Так и тюремный хирург, грубо проводящий операцию, больше заботился о том, чтобы припасть поскорей к бутылке со спиртом, нежели облегчить пациенту страдания.

Горянчикова вполне достойно спел бас сэр Виллард Уайт. Поскольку явно сольного смысла в этой партии нет, трудно говорить о произведенном впечатлении. Гораздо шире роль Алейи - ее, задуманную для меццо-сольфистки, блестяще провел канадский тенор Паскаль Шарбоннэ. Ярким прозвучал хорошо знакомый бельгийским слушателям чешский тенор Ладислав Элгр, спевший Скуратова, хорошо выступили Штефан Магрита (Лука Кузьмич, он же Филька) и Наташа Петрински (Проститутка). Одной из самых интересных в третьем действии оказалась развернутая роль каторжника Шишкова с его рассказом о несчастной Акулине. Это те самые «свинцовые мерзости русской жизни», повесть о бессловесной девушке, нещадно битой и родителями, поверившим сплетням о ней, и зверем-мужем. Читать такое тяжело, а слушать в живом эмоциональном исполнении и вовсе. Шишкова спел английский баритон с украинскими корнями Павел Гунка, и это было потрясающее впечатление.

Логическую ясность финалу придала сценическая закольцованность сюжетной линии орла. Освобождение Горянчикова совпадает с выпуском птицы на волю. Молодой человек неуверенно поднимается с кресла-каталки, прихрамывая и пошатываясь, пробует двигаться свободнее, пытается ходить самостоятельно, вскоре начинает поигрывать мячом, наконец бросает его и попадает в корзину, сопровождаемый единодушным восторженным выдохом хора, - этот ликующий возглас и ставит точку в сложном, но необыкновенно экспрессивном творении Яначека.

Майя Шварцман

Фото: © B.Uhlig_La Monnaie De Munt

Любовник собственного искусства

Опера П. Хиндемита «Кардильяк»

«Боящийся несовершен в любви», - каким стильным считалось в 80-е цитирование строки из Первого послания Иоанна, хотя основная часть интеллигенции прочла это не в первоисточнике, а в «Алтисте Данилове» В. Орлова. Полтора веками раньше эта же мысль была обыграна другим модным на тот момент автором, Э. Т. А. Гофманом в новелле «Мадемуазель де Скюдери». Устами своей героини, увядающей поэтессы времён Людовика Четырнадцатого, Гофман сказал:

*«Un amant qui craint les voleurs
N'est point digne d'amour?»*,

что означало: «Любовник, боящийся воров, недостойн любви».

Вообще тема любви и страха достойна отдельного исследования, особенно, если учесть, насколько страх, как эмоция, необходим в развитии человека - ничуть не меньше, чем любовь. Страх - это граница (и гробница) любопытства, его естественные рамки, код инстинкта самосохранения. Не полюбопытствовав, не ступив на территорию запретного, не узнаешь и нового, но не отшатнувшись в страхе вовремя, не сохранишь жизнь. Значительная часть произведений искусства связана с природным желанием человека испытать сильные чувства, пережить что-то страшное и потрясающее, оставаясь при этом в безопасности. Изображение страха, да так, чтобы мороз по коже, было художественной задачей множества мастеров, от живописания Ада у Данте и Гойевского Сатурна до Вия и разных баскервильских собак. Вспомним, как маленькие дети любят игры с «пуганием», как обожают они всяческие страшилки, как устойчив и популярен в мире взрослых жанр «ужас-тиков», где первое место, разумеется, принадлежит кинематографу. Возможность щекотать нервы, упиваясь кровавыми историями с улицы Вязов, переживать нападения роботов, акул, вампиров или инфернальных клоунов, не сходя при этом с дивана - идеальный способ утоления сенсорного голода по страху.

Постановка оперы П. Хиндемита «Кардильяк» в Королевском театре Фландрии передаёт нечто подобное - атмосферу страха, дикого ужаса, тёмных смятенных чувств, фатальной предопределённости.

Хиндемит, написавший её в 1926 году, использовал новеллу Гофмана, исключив при этом заглавный персонаж. От детективного расследования старой аристократкой череды зловещих убийств в Париже 1680 года, осталась только канва, а литературный образ дамы-детектива, предшественницы мисс Марпл, исчез из либретто без следа. Вместе с ним исчезли и имена действующих лиц, так тщательно выписанные в новелле; никто, кроме титульного героя, Рене Кардильяка, не обладает именем и фамилией, что тоже наводит на определённые размышления, о которых, впрочем, позже. В либретто вошла самая суть: искусный ювелир Кардильяк не в силах расстаться с собственными творениями и поэтому он преследует, грабит и убивает каждого, кому незадолго до этого продал заказанную вещь, будь то филигранно выкованный браслет или золотой пояс. Даже когда его преступления становятся очевидными, свидетелям трудно поверить в его виновность, ибо ореол великого художника не даёт разглядеть чёрную душу маньяка. Таким образом, Хиндемит продолжает давний разговор, развивая старую тему *гения и злодейства*.

Если перевести язык кинематографических ужасов на язык музыки, мы получим, грубо говоря, визуальную череду кадансовых напряжений и разрешений: кошмары сюжета, реки крови и горы трупов в середине фильма - разрешение уменьшенного вводного в минор, финальная победа главных героев и апофеоз добра - разрешение в мажор. Музыка оперы Хиндемита, не будучи атональной и обладая чёткой структурированностью и явным мелодизмом, тем не менее далека от привычной формулы «доминанта - разрешение». Она поражает другим. Многие фрагменты оперы дают эффект «двухэтажности»,

словно ты через наушники, левый и правый, одновременно слушаешь два разных произведения. Часто над подробным экспрессивным, даже нервным ритмическим рисунком струнных гобой живёт совершенно отдельной жизнью, словно в трансе тянет свой собственный рассказ, или литавра, не попадая и не совпадая, пульсирует на общем фоне, передавая стук неизвестно чьего загнанного сердца. Инструменты оркестра у Хиндемита - полноправные действующие лица.

Три действия оперы по решению режиссёра Ги Йоостена идут без перерыва и в единой декорации, что совсем не выглядит однообразным и, по мере развития сюжета и музыки, навеивает разные ассоциации.

О Париже конца семнадцатого века, эпохи заката Короля-Солнца говорит лишь костюм Кардильяка, с золотой короной, горностаевым палантином и мантией. Он - король собственного мира. Ещё одна ассоциация, ведущая в век Людовика, возникает при комической беседе Кардильяка и Офицера в третьей картине. Офицер просит Кардильяка отдать ему самое драгоценное его творение, что сверкает ярче огня и что, считает он, и так уже принадлежит ему. Ювелир настораживается: это что за сокровище? Офицер поясняет: ваша дочь. - Ах, всего-то! - облегчённо расслабляется Кардильяк, - да ради бога, забирай. - Это очень похоже на диалог Гарпагона и Валера о шкапулке в Мольеровском «Скупом». Прочие персонажи - видением декоратора и костюмера Катрин Ноттротт - отнесены ко времени самого Хиндемита, то есть Германии первой четверти XX века. Это и «бур-

жуазные» одеяния хора, и штиблеты с гамашами Кавалера, а главное - чёрная, характерная униформа Офицера, зрительно словно предуготовляющая слушателей к совсем другим страхам, тем, что ещё впереди.

Декорация с подвижной панелью-помостом превращает сцену то в будуар, где происходит свидание Дамы и Кавалера, то, подсвеченная красным огнём с дымом, становится *Chambre Ardente*, Огненной комнатой, помещением инквизиции при расследовании дела отравителей при Людовике XIV, то, будучи поставлена под наклоном в эпизоде, когда Кардильяк упивается своими богатствами, придаёт пространству вид огромного сундука с приоткрытой крышкой - ни дать ни взять Скупой Рыцарь, хотя вряд ли постановщики читали Пушкина.

Интересно, кстати, выполнены сами эти «груды золота», сыплющиеся на Кардильяка с колосников и погребавшие его с головой. В мастерских театра были изготовлены сотни, если не больше, метров блестящих лёгких «канатов», символизирующих золотые цепи - их вес даже при падении с высоты не причиняет артисту вреда, правда, выглядят они при этом не столько золотыми цепями, сколько гигантским ворохом выпущенных кишок. Вероятно, это было частью замысла, потому что сходство между парижским душегубом Кардильяком и тем же Джеком-Потрошителем, ужасом викторианского Лондона, налицо.

О страшных ночных убийствах шепчется весь город, вот убит прямо на любовном свидании Кавалер, преподнесший своей Даме золотой пояс. Никто не подозревает самого ювелира, ни горожане, ни его покорная Дочь, ни добивающийся её руки Офицер, ни Торговец золотом. Тем не менее, убийца - именно Кардильяк, любовник собственного искусства, желающий чтобы всё, что он создал, оставалось при нём; собственно, все его цепи - его же извращённая психика, которой он скован.

Хиндемит в своей опере отказывается от музыкальной персонификации характеров, от лейтмотивов и лейттембров, вообще от каких бы то ни было романтических традиций прошлого, так прочно укоренившихся в немецкой опере в эпоху Вагнера. Композитор как будто хочет сконцентрировать в одной музыкальной фразе то, на что у Вагнера ушла бы симфоническая картина с бурями и вихрями. Вероятно, именно потому, что автор решал принципиальную задачу отхода от привычного, музыка кажется головной, рассудочной, остаётся не столько трогающей душу, сколько методичной, с опорой на конструктивность вместо эмоциональности. Пусть простят меня маститые музыковеды, лично мне сквозное развитие «Кардильяка» напомнило чем-то стиль логических построений Макса Регера.

Оркестр под управлением Дм. Юровского был выше всяких похвал, хорошо слушался и отдельный ансамбль музыкантов за сценой. Оценивая работу оркестра, стоит особенно отметить значительный сольный фрагмент группы виолончелей, которым обычно редко достаётся нагрузка такого уровня трудности. Впрочем, это неудивительно, сам Хиндемит был инструменталистом-виртуозом, да и вообще обладал универсальными способностями: он был способен сыграть почти все партии своих произведений на соответствующих инструментах.

Все вокалисты очень достойно справились со своими ролями, расцветив игрой и пением рациональный характер музыки. Небольшую роль Торговца весьма колоритно спел Дональд Томсон, эпизодические, но очень важные роли любовной пары Дамы и Кавалера экспрессивно и темпераментно исполнили Тереза Кронталер и Сэм Фёрнесс. Дочь

Кардильяка спела американская сопрано Бетси Хорн, ныне постоянно сотрудничающая с европейскими театрами. Роль Офицера замечательно исполнил немецкий тенор Фердинанд фон Ботмер. Но главные аплодисменты по праву достались исполнителю титульной роли, британскому баритону Саймону Нилу, продемонстрировавшему не только блестящее владение голосом во всей широте диапазона, но и тонкую актёрскую игру, с психологически точной мимикой, выразительной пластикой и всем, что называется «отрицательной харизмой».

В постановке осталось несколько не совсем ясных моментов. Почему, например, дочь ювелира изображена как явный «синий чулок», невзрачное, закомплексованное существо, - непонятно даже, как она внушила такую страсть полнокровному и энергичному Офицеру. Вероятно, так создатели спектакля хотели подчеркнуть, что чувство любви и эмпатии чужды Кардильяку, если речь не идёт о милых его сердцу драгоценностях, и что как отец Кардильяк во всём проигрывает Кардильяку-ювелиру. Так же непонятным осталось и раздевание Кардильяка в финальной сцене до белья; понятно, что без стриптиза сейчас ни одна опера не обойдётся, но всё-таки: почему? Чтобы подчеркнуть *разоблачение* маньяка?

В целом постановку можно назвать удачной и очень стильной. Переживая всё увиденное и услышанное заново, невольно задаёшься ещё одним важным вопросом, на который косвенно ответил сам Хиндемит. Как я уже говорила, никто кроме Кардильяка не поименован, персонажи оперы, обсуждая убийства, считают что над городом тяготеет проклятие, сгустились тёмные силы - текст довольно обычный для оперного либретто, а зачастую и для газетных репортажей. Тем не менее, убийцей оказывается единственный персонаж, обладающий именем: Кардильяк. Опера словно говорит: не бывает никаких тёмных сил, преступления в мире совершают не посланники ада, не некто, и у любого Зла - обязательно есть имя.

Майя Шварцман,
Бельгия, февр. 2019

Фото: Annemie Augustijns/www.operaballet.be

Духу Пуччини верны

Сезон 2017-18 Большой театр закрыл необычайно поздно - в самом конце июля премьерой «Богемы» Джакомо Пуччини, прошедшей на Новой сцене. Театр пытается соблюсти некий баланс, и это весьма похвально - наряду с редкими для Москвы названиями (такими как «Билли Бадд», «Путешествие в Реймс», «Альцина», «Осуждение Фауста», «Идиот» и пр.) он не забывает и про традиционный, мейнстримный репертуар. Оттого в последние сезоны обновленными вернулись в его афишу «Пиковая дама» и «Кармен», «Балмаскарад» и «Царская невеста», «Каменный гость» и «Иоланта», «Снегурочка» и «Катерина Измайлова».

Рудольф — Раме Лахай.
Мими — Динара Алиева.

Предыдущая «Богема» здесь шла много лет - с 1996-го: то была весьма традиционная, немного скучноватая, но обстоятельная работа маститого австрийского режиссера Фредерика Мирдиты. В ней пела вся молодежь Большого разных поколений, многочисленные гастролеры проходили через этот

спектакль, поскольку он был весьма удобен. Интересно, что тогда в Москве появились сразу две «Богемы»: помимо работы Мирдиты случилась еще и премьера новаторской версии в Театре Станиславского - то была одна из первых удач на московской сцене Александра Тителя. Его «Богема» до сих пор идет во втором московском оперном доме и по-прежнему с неизменным успехом.

Обновить габтовскую «Богему» доверили молодой международной команде во главе с режиссером Жаном-Романом Весперини. И его работа стала откровенной неожиданностью: ну кто мог подумать, что молодой постановщик поставит традиционный спектакль - не про космонавтов или трансвеститов, не про сумасшедший дом или бал вампиров на кладбище! Если молодой - значит радикальный, а если так, то обязан оперу изуродовать так, чтобы публика весь вечер сидела с открытым ртом и ломала себе голову - что же на сцене происходит? Среди продвинутых деятелей музыкального театра это называется «приращение смыслов». Но, кажется, оборачивается полной бессмыслицей и уничтожением оперного жанра как такового.

Мими — Мария Мудряк.

Рудольф — Давиде Джусти.

Бенуа — Валерий Гильманов...

Марсель — Андрей Жилиховский...

Весперини пошел другим путем: он внимательно слушает музыку Пуччини, отлично понимает партию, оставляет все линии и мотивы произведения первозданными, неискаженными. Он не играет в переносы во времени и локации - поэтому его «Богема» разворачивается в Париже, а не у подножия пирамид или на Луне, где-то в 19 веке, а не в 19 до нашей эры. Точно следовать тексту, ремаркам композитора - давно забытая добродетель. Но оказы-

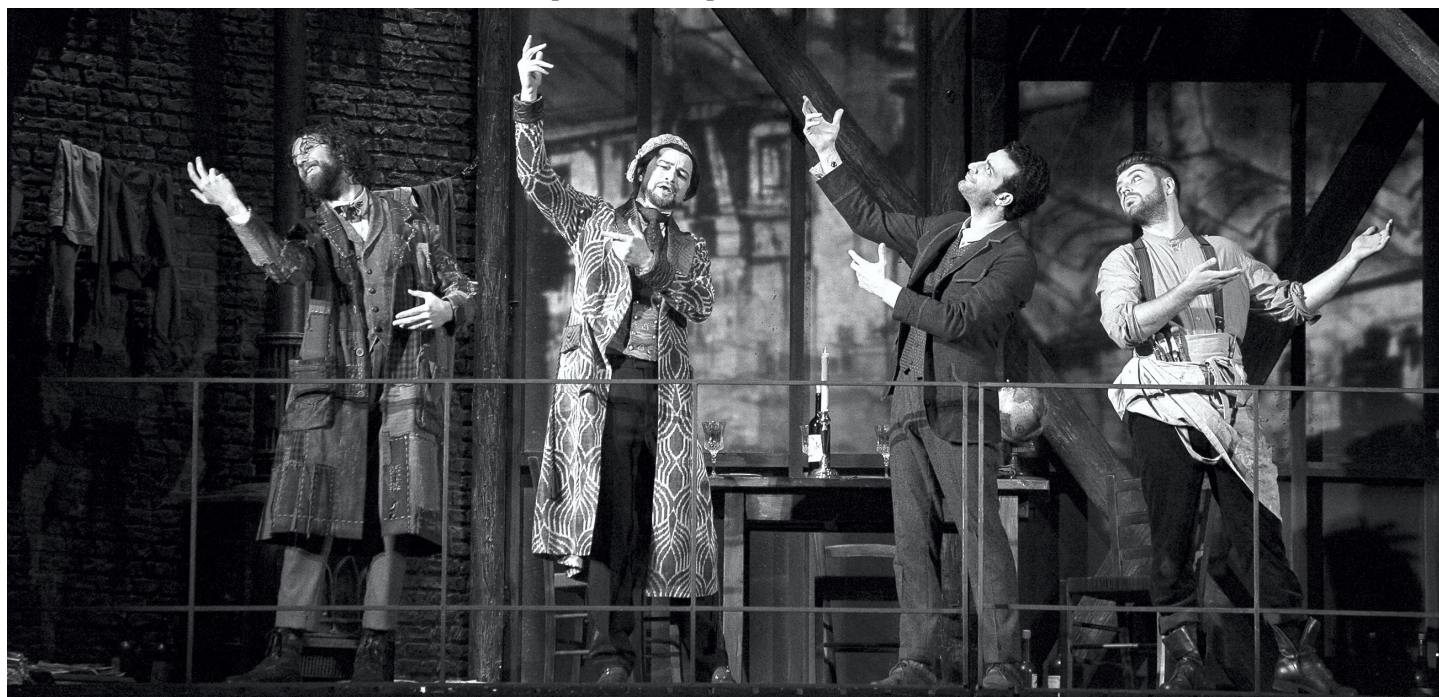
вается, быть убедительным можно и не корежа исходник - все зависит от меры таланта. В отличие от многих и многих его коллег у Весперини он есть. И есть желание и умение слушать и слышать музыку - что для режиссера в опере также уже стало почти что роскошью. Может быть, это и есть надежда, завтрашний день оперного театра - прекрасный и светлый, лишенный ужасов и гримас постмодернизма.

Коллен — Дэвид Ли.

Шонар — Николай Казанский.

Рудольф — Раме Лахай.

Марсель — Андрей Жилиховский.

Кроме того, спектакль визуально очень красив. Именно красив: не избыточен, не приторнен, не вульгарно дорог, а эстетичен. Декорации Бруно де Лавенера удобны, функциональны, но не скучны: сценическое пространство преобразуется каждый раз по-новому в каждом из четырех актов оперы - такая роскошь в театре сегодня уже практически событие само по себе. И мансарда, и буйное веселье Парижа, и тоскливая застава на окраине французской столицы - все здесь есть, но в то же время достигается это все весьма просто и по большому счету, декорация в спектакле одна, но очень мобильная и многофункциональная, а оттого способная оборачиваться самыми непредсказуемыми вариантами. Но в строгом соответствии с сюжетом.

Безусловно удачна новая работа Большого и в музыкальном плане. Верди и Пуччини - язык и эстетика, на которых здесь всегда умели разговаривать, поэтому результат не удивителен. Оркестр театра под управлением узбекского маэстро много работающего в Европе Азиза Шохакимова звучит страстно и ярко, но одновременно со множеством красок и нюансов, не только экспрессия, но и тонкая лирика ему подвластны. Дирижер мастерски аккомпанирует солистам, умеет создать упругий пульс в спектакле, отлично собирает сложные ансамбли. И чувствует драматургию и архитектуру целого - спектакль под его палочкой стремительно летит, развиваясь по нарастающей, увлекая и актеров-певцов, и самое главное - публику. Возмущенная музыка Пуччини находит в его интерпретации адекватное воплощение. Лично для меня это не новость, поскольку за сезон до того я имел возможность оценить работу маэстро в другой пуччиниевской опере («Мадам Баттерфляй» в Дуйсбурге), и это было столь же впечатляюще.

*Мюзетта — Дамиана Мицци.
Альциндор — Отар Кунчулиа.*

Мюзетта — Ольга Селиверстова

В целом хорош и подбор певцов. Трогательной Мими предстала маститая Динара Алиева, несмотря на весь свой профессионализм и опыт сумевшая воплотить образ тонкий и очень юный по сути. Вокально это была безупречная Мими - с красивым, ровным и трепетным голосом, тонкими нюансами и щемящей интонацией. Красавец-косовар Раме Лахай - внешне идеальный Рудольф, однако его небольшой, аккуратный голос едва ли подходит для веристского репертуара: не хватало тембрального наполнения, сочности и звучности. Легкий лирический репертуар - его поле, максимум Альфред в «Травиате» или Герцог в «Риголетто», но далее певцу в драму углубляться не следует - темперамент (который у него, конечно, наличествует) не может обмануть вокальной природы. Тем не менее, дуэт Лахая и Алиевой в целом получился гармоничным: больше актерски, нежели вокально. Вторая пара оперы в целом тоже убедила: красавец-баритон Андрей Жилиховский предстал искренним и очень живым, непосредственным Марселем, в то время как Дамиана Мицци (Мюзетта) идеально отыгрывала роль капризной гризетки, неуравновешенной, но не злой по натуре. Знаменитое ламенто о плаще превосходно исполнил фактурный американский бас Дэвид Ли (Коллен).

Александр Матусевич

Фото: Дамир Юсупов/ Большой театр.